

СЕРГЕЙ АНАНЧЕНКО

ПУСТОШЬ

ключ от реальности

книга первая

Сергей Ананченко

**Пустошь. Книга 1.
Ключ от реальности**

«Автор»

2026

Ананченко С.

Пустошь. Книга 1. Ключ от реальности / С. Ананченко —
«Автор», 2026

В мире «Пустоши» радость — это налог. А несогласных называют «шлямом» и сбрасывают в цифровую свалку, где реальность распадается на пиксели. Главный герой — бывший аналитик Системы. Он слишком глубоко копнул и за это был стёрт из реестров, лишён интерфейса и отправлен в Пустошь на верную смерть. Но он не умер. Он упал в мир, где единственный способ выжить — стать ошибкой, которую Система не сможет игнорировать. Вместе с другими изгоями он проходит через искорёженную реальность Пустоши, сталкивается с порождениями сломанного кода и узнаёт правду, за которую Система убивает. Это история о выборе между безопасной клеткой и свободой, которая разрывает тебя изнутри. О том, как люди становятся людьми, когда теряют всё, кроме друг друга. И о цене, которую платишь за правду, — когда платить приходится не только собой.

© Ананченко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Крушение	5
Глава 2. Пустошь	9
Глава 3. Квест на выживание	15
Глава 4. Налог радостью	21
Глава 5. Шёпот	25
Глава 6. Дети Пустоши	30
Глава 7. Стекланный лес	34
Глава 8. Люк	39
Глава 9. Склад 8	43
Глава 10. Разведчик	48
Глава 11. Реактор Нулевого Цикла	53
Глава 12. Хранитель	58
Глава 13. Оружие Первого Цикла	65
Глава 14. Архивариус	71
Глава 15. Пробуждение	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Сергей Ананченко

Пустошь. Книга 1. Ключ от реальности

Глава 1. Крушение

Мир подгружался рывками. Не плавно, как в Столице, где каждый кадр сглаживался до идеального, а с задержкой, с пропуском целых секунд, когда реальность не успевает отрисоваться. Сначала послышался звук, похожий на сухой, аритмичный треск статического электричества. Потом — гул низкочастотной вибрации разгерметизации, которая, казалось, шла не извне, а изнутри.

Макс почувствовал, как его тело обретает вес. Тяжесть была настоящей, а не регулируемой в меню «Комфорт», как привыкли в Столице. Системный журнал, ещё теплившийся в осколке левого окуляра, выдал отчёт:

ГРАВИТАЦИОННАЯ НАГРУЗКА: 1.2g. ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ ПРОТОКОЛА БЕЗОПАСНОСТЬ. РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕМЕДЛЕННАЯ РЕГЕНЕРАЦИЯ ОБОЛОЧКИ

Но рекомендация была насмешкой. Регенерация отключена. Он больше не аристократ, он — материя.

Макс открыл глаза. Левый окуляр нейроинтерфейса разбит. Трещина в линзе дробила мир на острые, не сходящиеся сегменты. Правый заливал сетчатку агрессивным пурпуром. Каждое аварийное сообщение отдавалось в виске тупой, пульсирующей болью, словно кто-то забивал гвоздь прямо в череп.

КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА: СИНХРОНИЗАЦИЯ ПОТЕРЯНА. СТАТУС ОБЪЕКТА: НЕ ИДЕНТИФИЦИРОВАН В РЕЕСТРЕ ЖИВЫХ. ЛОКАЦИЯ: СЕКТОР NULL / ТЕХНИЧЕСКИЙ ШЛАМ

Система зафиксировала его отсутствие в реестре, но даже не подумала замолчать. Её протоколы не предусматривали команды «прекратить отправку» для того, кого уже нет.

Он попытался вдохнуть. Лёгкие обожгло. Воздух пах жжёным пластиком и старой копотью. К этому примешивался запах ржавчины, и тянуло откуда-то холодом.

«Я — не шлам», — подумал Макс, но мысль была вялой, лишённой привычной протокольной чёткости. Интерфейс не подтвердил её и не опроверг, просто проигнорировал. Впервые в жизни его самоидентификация не имела системного отклика, он был предоставлен сам себе.

Макс перевернулся на бок. Мир поплыл, распадаясь на отдельные пиксели. Он смотрел сквозь треснувшую линзу, и его собственное зрение дробило реальность на острые, несовместимые грани.

Макс лежал в эпицентре катастрофы. Вокруг догорали останки «Аристократа» — флагманского глайдера, чьи изящные обводы теперь напоминали вскрытую грудную клетку гигантского доисторического насекомого. Белоснежная обшивка плавилась, обнажая ржавые, грубо сработанные каркасы. В Столице все верили, что вещи состоят из света и воли Создателей. Здесь, в момент распада, Макс видел правду: под тонким слоем эстетики был дешёвый композит и бесконечные пучки кабелей, уходящие в никуда. Каждая деталь была не живой, а застывшей.

Из разорванного багажного отсека вывалились артефакты. Золотая статуэтка герцога Олди, символ тщеславия, его дар Императору, уткнулась лицом в чёрную пыль. Идеальный блеск тускнел на глазах, окружающая среда высасывала из неё насыщенность, как вампир высасывает кровь.

Макс смотрел, как драгоценный металл покрывается серой патиной. Время для неживых материалов здесь текло с неравномерной скоростью, словно реальность пыталась ускорить их распад, пожирая остаточную связь с кодами Столицы. Но живые ткани, ещё хранившие слабый отблеск системной оболочки, подчинялись иным законам, время для них пока оставалось привычным. Рядом рассыпались фарфоровые чашки, семейный сервиз, но теперь просто мусор, хрупкий и бессмысленный.

Макс пошевелил рукой. Боль оказалась не сигналом, а отдельным персонажем, массивная, угловатая, не поддающаяся архивированию. Никакая ментальная техника, которой его обучали в Академии Протоколистов, не могла убрать её в фоновый процесс.

— Система, — прохрипел он. Голос звучал чужим, неочищенным от шумов, словно пропущенным через старый, забытый фильтр. — Запрос на регенерацию. Приоритет: Аристократ.

Правый глаз мигнул сухим текстовым блоком:

ОТКАЗАНО. ОБЪЕКТ: «МАКС» — ССЫЛКА БИТА. ВЫ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ В ЭТОЙ ВЕРСИИ ПОТОКА.

Удалён. Не просто изгнан, а стёрт из логики существования. Макс попытался вызвать меню diagnostics, но вместо привычного голографического дисплея перед ним возникла лишь рябь помех. Его интерфейс агонизировал, библиотеки подпрограмм, которыми он пользовался ежедневно с детства, были недоступны. Ощущение сродни ампутации конечности, с фантомной болью в тех участках мозга, где раньше жили его способности.

Он попытался подняться, но ноги не слушались. Тогда он пополз.

Макс вывалился из обломков на чёрный песок, оказавшийся мелкой крошкой графита, лишённой трения. Каждая песчинка была клонированной копией предыдущей. Он сжал её в кулаке. Она не слипалась, а вытекала, словно сухая вода. От прикосновения кожа немела, как от слабого электрического разряда.

Он поднял голову и замер.

Над ним не было неба. То, что он принимал за предрассветные сумерки, оказалось бесконечной серой заливкой с низким разрешением. Без глубины, без облаков, без звёзд. На стыке неба и земли виднелись артефакты сжатия: дрожащие пиксельные полосы, где реальность не успевала отрисовываться. Макс долго смотрел на эту дрожь, пытаясь зафиксировать её взглядом, но она ускользала, вызывая морскую болезнь. Мир вокруг «лагал».

Прямо перед ним начиналась Пустошь. Из земли торчали ржавые штыри, остовы древних механизмов, забытых здесь ещё до Системы. На ближайшем штыре висело нечто, напоминавшее птицу. Грубая 3D-модель с угловатыми крыльями застыла в вечном стоп-кадре. Она не пела, она издавала короткие циклические щелчки, похожие на звук неисправного жёсткого диска. Макс понял: это зацикленный фрагмент аудиофайла, который некому остановить. Птица была аудиодорожкой, забытой в оперативной памяти.

Пустошь. Нижний предел. Сюда сбрасывали неудобные мысли, устаревшие протоколы и людей, чьё присутствие в Столице создавало избыточный шум в системе гармонии.

Макс встал, пошатываясь. Его дорогой костюм из «умной» ткани, способной менять цвет под настроение владельца, окончательно сдался. Он застыл в цвете «пепельное отчаяние» и покрылся цифровым шумом. Макс провёл по рукаву ладонью, и ткань отозвалась слабой, затухающей рябью, словно умирающая голограмма.

— Значит, шлам, — прошептал он, глядя на дрожащие руки.

Он вспомнил тот вечер. Один из последних, что остался по ту сторону жизни, до того, как реальность схлопнулась и его упаковали в холодное ожидание, чтобы позже выбросить в эту Пустошь. Вкус синтетического вина, пахнущего фиалками. Шёпот принцессы, когда она склонилась к нему за столиком на званом ужине: «Ты зашёл слишком далеко в своих расчётах, Макс. Система не любит тех, кто видит швы на декорациях». Её глаза казались двумя тёплыми огоньками в холодном цифровом мире.

Тогда он лишь улыбнулся, поправляя манжету. Он верил, что знание протоколов делает его неуязвимым. В Министерстве Порядка он прослыл лучшим: находил дыры в бюджете, ловил казнокрадов, писал отчёты, приводившие в ярость высших чиновников. Он думал, что талант — это иммунитет.

Его наставник, Прокуратор Северин, однажды сказал ему с усталой усмешкой: «Талант — это не иммунитет, Максимилиан. Это приговор, если не умеешь вовремя остановиться». Тогда Макс лишь пожал плечами: он был молод, самоуверен и свято верил в силу протоколов.

Теперь правила закончились, началась физика.

Макс сделал первый шаг прочь от тлеющего «Аристократа». Каждый шаг давался с трудом, плотность атмосферы здесь была такой, словно он шёл сквозь густой гель. Соппротивление воздуха неестественное, будто сама среда не хотела пропускать его дальше.

В наползавшем тумане послышался скрежет. Звук металла, трущегося о металл без смазки, долгий, изматывающий визг, от которого начинали ныть зубы.

Макс инстинктивно присел, пытаясь уменьшить свою видимость, хотя туман был слишком густ, чтобы кто-то мог его разглядеть.

ВНИМАНИЕ: ОБНАРУЖЕНА УГРОЗА НИЗКОГО УРОВНЯ. РЕКОМЕНДАЦИЯ: ИГНОРИРОВАТЬ. ВЫ ВСЁ РАВНО МЕРТВЫ.

— Спасибо за совет, — огрызнулся он, сжимая кулаки.

Он увидел это между ржавых остовов гигантских механизмов, чьи кабели уходили прямо в серое небо, словно пытаясь запитать пустоту. Громоздкая, дёрганая тень, перемещалась рывками, пропуская фазы движения. Существо, собранное из обрывков старого кода и мусора. Оно искало что-то в песке.

Макс напряг зрение и увидел структуру тени — это был не зверь и не человек, а пучок битых ссылок, обрывков анимаций и устаревших моделей, скреплённых чьей-то злой волей. Искажённый. Результат фатальной ошибки, когда Система пыталась удалить человека, но не смогла полностью. Полуудалённый код, бродящий по Пустоши и питающийся энергией всего живого.

Макс замер, пытаясь вызвать меню скрытности, но интерфейс лишь издевательски мигнул:

ФУНКЦИЯ «НЕВИДИМОСТЬ» ДОСТУПНА ТОЛЬКО ДЛЯ ГРАЖДАН ПЕРВОГО РАНГА.

Он больше не гражданин, он — материя. А материя подчиняется только закону силы.

Макс огляделся, ища хоть что-то, что можно использовать как оружие. Среди обломков глайдера блеснул острый, зазубренный кусок обшивки, с сохранившейся гравировкой герба: скрещённые перья на фоне весов. Он подошёл к нему, чувствуя, как холод Пустоши проникает под кожу. Пальцы сомкнулись на металле. Тяжесть настоящая. Холод настоящий.

Он поднял обломок. В Столице всё было удобным. Не было острых углов, не было боли, не было необходимости бороться за вдох. Здесь всё направлено на то, чтобы стереть его, перемолоть в пыль.

Макс посмотрел на горизонт, где серая заливка неба смыкалась с чёрным песком. Там, где-то за пределами видимости, находилась Столица, стерильный рай, который он когда-то называл домом. Теперь — это просто картинка на обратной стороне его век. Он представил, как там празднуют его исчезновение, как кабинет опечатывают, а имя вымарывают из всех реестров.

Макс сжал обломок обшивки так сильно, что острый край прорезал ладонь. Красная, густая жидкость медленно потекла по пальцам. Она выглядела слишком яркой на фоне этого серого мира. Макс смотрел, как капли падают на чёрный песок и мгновенно впитываются, словно земля пила его. Сердце забило быстрее, адреналин ударил в голову, и мир вокруг внезапно стал резче. Он больше не часть отлаженного механизма. Он — сбой. Ошибка.

Впереди, в тумане, скрежет металла стал громче. Тень, которую он заметил ранее, отделялась от ржавых конструкций и медленно, дёргано направлялась к нему. Каждый её шаг сопровождался скрежетом и выбросом белого шума. Макс видел, как в воздухе вокруг неё мерцают битые пиксели. Она не шла, она пересобиравалась в каждой точке пространства, и этот процесс причинял ей невыносимую, вечную боль.

Он мог бы побежать и спрятаться среди обломков, дождаться темноты, попытаться найти других выживших. Но инстинкт Протоколиста подсказывал: этот мир не прощает слабости. Бегство не спасение, а приглашение на убой.

И ещё кое-что, почти забытое, вложенное глубоко, много лет назад его отцом: ощущение ритма. Ритма сердца, последнего бастиона воли. «Они могут отнять у тебя интерфейс. Могут удалить твой статус. Но пока твоё сердце бьётся в такт, ты — хозяин своей реальности».

Макс выпрямился. Вытер кровь о разорванный рукав. Он не бросится на тень вслепую, не сейчас, когда сил почти нет, а враг не изучен, но и прятаться, дрожа в обломках, не станет.

Он выбрал третье: уйти, оставаясь хозяином. Спокойно. Без паники и без бег.

Он осознал, чтобы выжить там, где тебя официально нет, нужно стать чем-то большим, чем просто запись в реестре. Нужно стать ошибкой, которую Система не сможет проигнорировать.

Глава 2. Пустошь

Мир впереди расслаивался. Туман в Пустоши не был природным явлением; это была взвесь не отрендеренных данных, которая забивала сенсоры и лишала зрение перспективы. Макс шёл, прижимая к бедру кусок обшивки «Аристократа». Холодный и зазубренный металл казался сейчас единственной стабильной точкой в этой зыбкой реальности. Каждый шаг отдавался в позвоночнике тупой болью.

Он слышал их раньше, чем увидел. Голоса. Но это не были крики о помощи, это был нестройный хор претензий, жалобный и высокий, как звук ломающегося тонкого стекла.

— Мой интерфейс не отвечает. Это возмутительно. — Где сервисные боты? Почему задержка в подаче регенератора превышает пять минут? — Моё платье... оно теряет насыщенность цвета. Кто-нибудь, обновите палитру!

Макс остановился и прикрыл на мгновение глаза. В Столице такие речи были нормой, там любое неудобство считалось системным сбоем и немедленно исправлялось. Здесь же они звучали как бред сумасшедших. Он открыл глаза и пошёл дальше, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение — эмоция, которую он не испытывал уже много лет.

Он вышел на поляну, заставленную остовами гигантских турбин, которые вращались слишком медленно, с трудом преодолевая сопротивление густого воздуха. Лопасти были покрыты ржавчиной и какой-то чёрной слизью, стекавшей вниз длинными, маслянистыми каплями. Каждая капля, падая на песок, издавала короткий шипящий звук и оставляла после себя маленький кратер с оплавленными краями.

Там, среди обломков, сидели пятеро. Пять фигур в разорванных шелках, которые выглядели в этом индустриальном аду как экзотические птицы, попавшие в нефтяное пятно.

Это была элита Верхнего Города. Лорд Каспиан, чьи золотые нити в волосах теперь свисали тусклыми проволоками, сидел на обломке бетонной плиты, обхватив голову руками. Его дорогой плащ, ещё недавно переливавшийся всеми оттенками пурпура, превратился в грязную серую тряпку. Леди Мирабель, чья кожа всегда была идеально гладкой благодаря нано-фильтрам, теперь покрылась мелкими пятнами цифрового шума, словно рябь на испорченном экране, которая то появлялась, то исчезала, заставляя её лицо постоянно «дрожать».

Чуть в стороне от основной группы Макс заметил Принцессу Элизу. Она сидела на старом перевёрнутом ящике, и её поза была единственной, в которой читалось не отчаяние, а холодная, застывшая ярость. Её платье из шёлка было разорвано от подола до бедра, а на ткани чернели пятна мазута и ещё какой-то тёмной жидкости. Руки безвольно лежали на коленях, пальцы сжимали край разорванного платья. Она не плакала и не жаловалась. Она просто сидела и смотрела в одну точку где-то за горизонтом.

Рядом с ней, опираясь спиной на ржавую опору, стоял лорд Олди. Его массивная фигура казалась высеченной из того же серого камня, что и вся Пустошь. Мундир, некогда расшитый серебряными нитями, был разорван на плече, обнажая старую татуировку, символ древнего полка. В отличие от Каспиана, Олди не дрожал. Он просто смотрел на Макса с выражением холодного, почти животного расчёта.

И ещё один. Юлиан, молодой аристократ, едва за двадцать, с ещё не успевшими потускнеть глазами. Он сидел на корточках, нервно теребя разорванный камзол, и его взгляд метался между обломками, словно он искал выход, которого не существовало. Макс отметил его про себя: этот мальчик был самым уязвимым, он ещё не научился скрывать страх.

Их присутствие здесь было ошибкой в расчётах. Лишними переменными.

Макс остановился в трёх шагах от них. Структурная уязвимость группы проступила перед ним простым человеческим дисбалансом: они не стояли на земле, они балансировали на ней, отказываясь принимать новую физику. Вокруг каждого из них мерцал слабый, почти

угасший ореол, остатки системной оболочки, которая всё ещё пыталась защитить своих носителей, но с каждой минутой теряла мощность.

— Транспорта не будет, Каспиан, — голос Макса прозвучал как удар молота по наковальне. — Мы в секторе NULL, нас удалили из реестра живых.

Лорд Каспиан поднял голову, его губы дрожали.

— Нас собрали в одном ангаре, — произнёс он. — Всех. Чистильщики даже не потрудились разделить. Сказали: «Партия семь-четыре». Как будто мы... как будто мы мусор, который удобнее вывезти за один рейс.

Макс кивнул, это было логично. Система всегда оптимизировала ресурсы. Изгнание не было исключением — даже в жестокости она оставалась алгоритмом.

Олди, стоявший чуть поодаль, хмыкнул.

— Партия, — повторил он. — Хорошо. Но почему глайдер? Чистильщики, что пришли за мной, прошли сквозь стены. Могли бы так же отправить нас, по отдельности, зачем везти, как скот?

Макс покачал головой, он и сам думал об этом, лёжа среди обломков, перебирая версии.

— Чистильщики не люди, они код, обёрнутый в статику. А мы — материя. Живую плоть прямая транслोकация разрушила бы ещё до прибытия. Системе нужен был ресурс — целые, работающие тела. Вот почему нас загрузили в глайдер, запрограммировав автопилот на однократный рейс. Одна партия, одна утилизация.

Макс обвёл взглядом обломки «Аристократа».

— Но мы не долетели, крушение сломало Системе её аккуратный план. Мало того, мы отключены, интерфейсы молчат, связь оборвана. Система нас не видит, не слышит, не может даже опознать. Теперь мы не ресурс, мы просто битый файл, который нельзя открыть, нельзя переработать, нельзя использовать. И это единственная причина, почему мы ещё дышим. Потому что для Системы мы перестали существовать.

Элиза, не проронившая ни слова с момента крушения, тихо добавила:

— Это был глайдер моего отца. «Аристократ». Система даже в изгнании не упустила случая напомнить, чем мы были... и чем стали.

По кругу выживших пробежала судорога. Слово «удаление» в Столице было синонимом небытия, абсолютным табу. Леди Мирабель издала тихий, захлёбывающийся звук, похожий на сбой в аудиодрайвере.

— Не говори глупостей, — прошипела она, комкая в руках обрывки кружева. — Мы — Аристократы. Система не может... она просто не имеет права...

— Системе плевать на твои права, когда ты больше не являешься частью её оптимизации, — отрезал Макс.

Он сделал паузу и обвёл взглядом группу. В их глазах он видел тот самый, знакомый ему самому страх — страх существования, которое впервые в жизни осталось без интерфейса. Без подсказок, без голоса, который всегда говорил, что делать.

— Сейчас я скажу то, что вы не хотите слышать, — продолжил он. — Ваши интерфейсные навыки здесь, в Пустоши, не работают. Системного кода нет, значит, нечем питать запросы. Если вы всё же попытаетесь вызвать привычную команду, Система вас опознает. Даже здесь, в Пустоши, она зафиксирует вспышку активности как сигнал к действию, и тогда она просто завершит то, для чего мы сюда летели. Вы станете не изгнанником, вы станете материалом.

Олди хмыкнул.

— Он не врёт, — сказал герцог, не отрывая взгляда от Макса. — Я чувствую это, здесь нет того кода. — Он оттолкнулся от опоры и сделал шаг вперёд. Его ботинки, тяжёлые, армейские, утонули в чёрном песке на пару сантиметров. — Вопрос в том, Протоколист, что ты предлагаешь? Сидеть и ждать, пока нас утилизируют?

— Я предлагаю выживать, — ответил Макс.

Принцесса подняла голову. Их взгляды встретились.

— Ты уже был здесь до нас? — спросила она.

— Я здесь не был, — ответил Макс. — Но я понимаю, как это работает.

— Тогда объясни нам, — она поднялась, одёргивая разорванный подол. Её голос звучал твёрже, чем у всех остальных, вместе взятых. — И главное, объясни, как нам выбраться.

Макс выдержал её взгляд. В Столице она всегда казалась ему фигурой из сна, недостижимой, идеально отполированной, лишённой недостатков. Здесь, в сером мареве Пустоши, её лицо было перепачкано сажей, волосы растрёпаны, а в глазах горел тот самый опасный огонь, который он узнавал в себе.

— Я объясню, — сказал он. — Но сначала мы должны пережить ближайший час.

Скрежет вернулся, он шёл из-за груды ржавых труб, которые извивались по земле, как парализованные змеи. Трубы сочились вязким конденсатом, пахнущим аммиаком и озоном. Каждая из них была покрыта грубыми, наспех вырезанными знаками, напоминающими предупреждения на древних языках. Скрежет усиливался, становясь рваным, аритмичным.

— Всем встать, — скомандовал он, и на этот раз никто не возразил.

— Оружие есть?

Каспиан иронично приподнял бровь, хотя его подбородок дрожал.

— Оружие? Макс, мы не в симуляции охоты.

— У тебя есть что-то физическое? Нож, дубина, острый камень?

— У меня... у меня есть вот это, — леди Мирабель, дрожа, вытащила длинную шпильку для волос, украшенную крупным сапфиром.

Макс мельком глянул на шпильку.

— Бесполезно, — сказал он. — Это не оружие.

Мирабель растерянно моргнула, она и понятия не имела, что шпилька не годится для боя.

— Но... может, хоть как-то...

— Не поможет.

Мирабель сунула шпильку обратно в складки платья, и её пальцы заметно дрожали.

— У кого есть что-то настоящее? — Макс обвёл группу взглядом.

Олди не произнёс ни слова, а просто нагнулся и поднял с земли тяжёлый кусок арматуры, грубый, зазубренный обломок ржавого металла, длиной с его предплечье. Взвесил его в руке, и улыбнулся уголком рта.

— Я готов, — сказал он.

Из тумана вышло Оно. Точнее, это когда-то было человеком, но теперь существо напоминало результат неудачной склейки нескольких кадров. Его движения были лишены плавности, оно перемещалось рывками, мгновенно меняя положение в пространстве на несколько сантиметров, словно в реальности не хватало вычислительной мощности, чтобы отрисовать его путь.

Искажённый. Лицо существа «плыло». Глаз на долю секунды оказывался ниже рта, а затем возвращался на место, оставляя за собой шлейф из размытых пикселей. Рот открывался и закрывался беззвучно, но из горла вырывались короткие, скрежещущие звуки. Это была не речь, а фрагменты удалённых аудиофайлов, воспроизводимых в случайном порядке. Кожа существа была ржаво-серой, и на ней проступали строки код.

— Что это... — выдохнула Мирабель, пятясь назад и спотыкаясь о ржавую арматуру.

— Ошибка кода, — тихо сказал Макс, крепче сжимая обломок металла. — Полуудалённый файл, который продолжает существовать.

Искажённый замер, его голова дёрнулась под углом в девяносто градусов, зафиксировалась на мгновение и провернулась дальше, на сто восемьдесят, затем на двести семьдесят, противоестественно, ломая все законы анатомии. Макс услышал, как Мирабель всхлипнула за его спиной. Существо, казалось, сканировало пространство, его пустые глазницы мерцали, как два сломанных монитора.

Его внимание было сосредоточено на группе, для него они были свежим, небитым кодом. Ресурсом.

— Я разберусь, — вперёд выступил Юлиан.

Макс открыл рот, чтобы крикнуть, чтобы остановить его, но было поздно, пальцы молодого аристократа начали дрожать, а вокруг них заплясали слабые голубые искры. Последние крохи системных привилегий, хранящиеся в его личном облаке.

— Приоритет: Жизнеобеспечение! — выкрикнул он, и его голос сорвался на визг. — Запрос: «Питьевой набор: Элитный». Подтверждение полномочий: Сектор А-1!

Макс успел подумать: «Питьевой набор? Ему угрожает тварь, а он вызывает воду»? Но тут же понял. Юлиан никогда не сражался, его учили, что любая проблема решается запросом. В Столице при боли он вызвал бы регенерацию, при страхе — успокоительное. Но настоящей опасности он никогда не видел, только симуляции. И теперь, даже здесь, его пальцы сами набрали команду, которая всегда означала «спасение» от любого дискомфорта: питьевой набор. Он не пытался убить Искажённого, он пытался проснуться от кошмара.

Макс увидел, как интерфейс Юлиана вспыхнул ярко-красным. Это не было запросом. Система в Пустоши работала иначе — она не выдавала ресурсы, она потребляла их, и она только что получила добровольную жертву.

Над ладонями аристократа начал формироваться контур хрустального графина, но он не был прозрачным. Он был серым, собранным из пыли и помех. Вместо того чтобы брать энергию из кода Столицы, кода, которого здесь попросту не существовало, Система начала брать её из самого Юлиана.

Макс увидел это с пугающей чёткостью. Золотые нити жизни, тянущиеся из вен Юлиана, всасывались в призрачный графин, не метафорически, а совершенно буквально. Это были не просто светящиеся линии; это была сама сущность человека, его опыт, его память, его эмоции. Система выкачивала его, как насос выкачивает воду из колодца.

Кожа молодого человека начала сереть, покрываясь сетью мелких морщин. Его глаза ввалились, сначала слегка, а затем глубоко, превращаясь в тёмные провалы на стремительно стареющем лице. Роскошные каштановые волосы осыпались прахом, который тут же подхватывал ветер и уносил в сторону ржавых турбин.

— Отмени! — крикнул Макс, бросаясь вперёд, но было уже слишком поздно. — Юлиан, прерви соединение!

Тот не слышал. Его лицо застыло в гримасе фанатичной надежды, широко раскрытые глаза смотрели на формирующийся графин с обожанием, как смотрит голодный на подносимую пищу. Он верил, что Система вознаградит его за верность, он верил, что его статус защитит его.

Вера была его единственным оставшимся ресурсом, и Система поглощала его с той же жадностью, что и всё остальное.

Раздался сухой, неприятный хлопок. Призрачный графин, так и не успев обрести форму, рассыпался облаком серой пыли. На ладони Юлиана упала лишь горсть сухого, холодного пепла — жалкий остаток того, что должно было стать предметом роскоши. Это было всё, на что хватило его жизненного ресурса в этом секторе.

Юлиан покачнулся, в нём больше не было цвета, он стал монохромным, как и всё в этом проклятом месте. Его тело потеряло плотность, став похожим на помятую бумагу. Его одежда, дорогой камзол с вышивкой, болталась на нём, как на пугале. Он открыл рот, но не издал ни звука, только струйка серого дыма поднялась из его горла и растворилась в тумане.

— Ресурс принят, — произнёс лишённый эмоций голос, донесшийся, казалось, из самого песка. — Запуск протокола: «Экстренный ремонт инфраструктуры».

Земля под ногами Юлиана разверзлась. Макс видел, как в песке открывается идеально ровная трещина, края которой светились тем же ядовито-красным, что и сообщения об ошиб-

ках в его интерфейсе. Из разлома высунулись тонкие, ржавые щупальца кабелей — десятки, сотни, они извивались, как щупальца голодного спрута. Каждое было покрыто слизью и искрило от перегрузки.

Они обвили обмякшее тело Юлиана с хирургической точностью, ни одного лишнего движения, ни одной потерянной секунды. Макс видел, как кабели проникают под кожу, как они тянутся к костям, и его тошнило от этой картины. Юлиан даже не вскрикнул.

Его биомасса начала стремительно трансформироваться. Макс с ужасом наблюдал, как кости вытягиваются и утолщаются, превращаясь в жёсткие каркасы; как кожа грубеет, принимая текстуру окалины; как кровь сворачивается в густую чёрную смолу, которая тут же застывает, превращаясь в герметик. На глазах у оцепеневшей группы человек был переработан в строительный материал.

Леди Мирабель закричала высоким, срывающимся на ультразвук криком. Каспиан отшатнулся, споткнулся и упал на спину, продолжая отползать, не в силах отвести глаз от происходящего.

Олди стоял, широко расставив ноги, его лицо было непроницаемым. Он не отводил взгляда и смотрел на трансформацию с холодным, изучающим интересом.

Макс смотрел, но не потому, что хотел, а потому, что не мог отвернуться. Его взгляд фиксировал каждую деталь, каждую стадию трансформации, и эта информация впечатывалась в память, как раскалённое железо.

Щупальца потащили то, что секунду назад было Юлианом, к ближайшей гигантской трубе, уходящей вертикально вверх. Труба была огромной, метра три в диаметре, и покрытой многолетними наслоениями ржавчины, грязи и ещё чего-то, что выглядело как засохшая слизь. В ней зияла рваная трещина, из которой сочилась тёмная, маслянистая жидкость.

Переработанная масса Юлиана, смесь плоти, металла и застывшего отчаяния, была впечатана в эту трещину. Сначала одна часть, потом другая. Макс слышал, как чавкает «живая» заплатка, как она твердеет, принимая форму изгиба трубы.

На мгновение Макс показалось, что по краям заплатки, быстро затвердевая, проступила тонкая серебристая слизь, такая же, как та, что сочилась из труб повсюду в Пустоши. Она стекала длинными, маслянистыми каплями, застывавшими на изгибах почти правильным геометрическим узором, прежде чем осыпаться серебристой пылью.

Стык затянулся. Секунда, две, три — и от трещины не осталось и следа. Только гладкая, чуть более светлая полоса металла, которая всё ещё пульсировала слабым, затухающим светом, словно сердцебиение умирающего. Скрежет наверху утих, Система «починила» себя за счёт того, кто в ней больше не нуждался.

Олди молчал. Потом сплюнул на песок и произнёс — без обычной насмешки, глухо, почти задумчиво:

— Как? Как код делает такое с плотью?

Макс не ответил сразу. Он всё ещё пытался проанализировать увиденное, но не находил в системных архивах ничего, что объяснило бы превращение человека в заплатку для трубы. Ни одного протокола, ни одной ссылки.

— Не знаю, — сказал он, наконец. — Но это не магия, магия не чавкает. У этого есть механика, я просто пока её не вижу.

Олди долго смотрел на светящийся шов, потом отвернулся.

— Он... он теперь часть трубы? — голос Мирабель превратился в ультразвуковой дребезг. Её лицо было искажено не только ужасом, но и глубоким, фундаментальным непониманием. Это было лицо человека, который только что увидел, как рушится всё его мировоззрение.

Искажённый, наблюдавший за процессом трансформации, издал звук, похожий на скрежет пилы по кости. Его фигура снова дёрнулась, на этот раз ближе, почти на два метра, сократив дистанцию до группы, но он не атаковал, он ждал. Макс заметил, что Искажённый больше

не был один. Из тумана начали проступать другие тени — такие же ломанные, такие же голодные до чистого, не переработанного кода. Три существа. Пять. Семь. Они выстраивались полукругом, молчаливые и неподвижные, как строка кода, ожидающая выполнения.

— Система не спасает, — сказал Макс, становясь перед выжившими и поднимая свой обломок. Его голос звучал глухо, но твёрдо. — Система утилизирует, и если вы попытаетесь её позвать снова, вы умрёте так же, как он.

Группа в ужасе сжалась, никто не произнёс ни слова. Даже Олди, который всегда находил что сказать, теперь молчал. Они смотрели на ржавый металл, который теперь мягко светился теплом поглощённой жизни, и понимали: здесь, в Пустоши, они не гости. Они — запчасти, расходный материал для бесконечного, бессмысленного ремонта этого проклятого места.

Принцесса вышла вперёд и встала рядом с Максом.

— Что будем делать? — спросила она тихо.

Макс посмотрел на Искажённых, пытающихся окружить поляну. На трубу, которая всё ещё пульсировала слабым, затухающим светом. На испуганных, сломленных людей, которые смотрели на него с надеждой, отчаянием и страхом.

— Выживать, — ответил он. — Без запросов. Без Системы.

Над ними, в серой заливке неба, на мгновение проступила надпись, видимая только тем, кто потерял всё:

ОПТИМИЗАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА. СЛЕДУЮЩИЙ ЦИКЛ: ЧЕРЕЗ 00:00:01

Искажённый открыл рот, внутри которого не было зубов, только бесконечный каскад падающих нулей и единиц. И когда поток цифр хлынул наружу, словно вода из прорванной плотины, Макс понял: это только начало.

Глава 3. Квест на выживание

В Пустоши паника — это не эмоция, а каскадный сбой синхронизации.

Леди Мирабель кричала, но звук её голоса опаздывал на доли секунды. Каждый крик порождал свой призрачный повтор, и вскоре воздух вокруг неё наполнился какофонией — десяток Мирабель, рыдающих с небольшой задержкой, как в испорченной звукозаписи.

Макс видел это своим «Взглядом Протоколиста», остаточной способностью, которая позволяла ему воспринимать не просто картинку, а саму структуру реальности: слои кода, свои текстуры, аномалии в потоках данных. И, в отличие от системных навыков, этот дар не требовал подключения к сети. Он был частью самого Макса, врождённой аномалией, которую отец когда-то заметил и научил контролировать через ритм сердца. Повреждение интерфейса лишь обострило восприятие. Даже если бы Система исчезла совсем, «Взгляд» остался бы с ним: как память, как трещина в собственной реальности, через которую видна изнанка мира.

Макс не знал, были ли другие Протоколисты с таким же даром. Отец никогда не говорил о «Взгляде» как о профессиональном навыке, скорее, как о личной странности, которую нужно прятать. Возможно, Макс был единственным, кто видел изнанку реальности или, может быть, другие тоже просто молчали, боясь, что их сочтут сбоем.

И сейчас он видел, как аудиофайлы Мирабель дублировались, перекрывая друг друга, словно Система заиклила фрагмент аудиодорожки и не могла его остановить.

Лорд Каспиан пятился, его ботинки скользили по графитовому песку. Каждый шаг оставлял рваный след, который тут же затягивался, словно песок отказывался сохранять память о прикосновении. Лицо бледное, почти серое. Золотые нити в волосах свисали тусклыми, мёртвыми прядями.

Искажённые приближались. Их движения были ломаными: один шаг — и фигура замирает, второй шаг — и она мгновенно оказывается на метр ближе, минуя промежуточное пространство. Мир вокруг них буквально отказывался вычислять траекторию их движения. Макс видел, как в воздухе вокруг каждого Искажённого возникали короткие «артефакты», остаточные изображения, словно реальность пыталась запомнить их положение, но тут же забывала.

— Назад! — взвизгнул Каспиан, выбрасывая вперёд руку. — Я приказываю! Удалить! Приоритет: Безопасность!

Его пальцы судорожно скрючились, пытаясь вызвать командную строку. Макс видел, как вокруг них вспыхнул слабый голубой ореол, последний всплеск системной энергии, попытка подключиться к отсутствующему серверу. Но воздух перед Каспианом лишь пошёл рябью, как перегретый асфальт. Система не слышала его, он был для неё шумом, устаревшим комментарием в коде, который забыли стереть.

— Прекрати, — резко сказал Макс. Каспиан вздрогнул от неожиданности.

— Но я... я должен...

— Ты привлекаешь внимание.

Макс наблюдал за всем этим с холодной отстранённостью патологоанатома. Его «Взгляд» показывал ему структурную картину происходящего. Вокруг каждого из выживших ещё теплились остатки интерфейсных оболочек: слабые, полупрозрачные нимбы, похожие на мыльные пузыри, которые вот-вот лопнут. Эти оболочки были источником паники. Система всё ещё пыталась обслуживать своих мёртвых пользователей, посылая им сигналы тревоги, уведомления об ошибках, напоминания о необходимости синхронизации. Каждое такое сообщение окрашивало ауры людей в грязно-оранжевые тона, цвет страха, который не мог найти выхода.

Они пытались сражаться с Пустошью инструментами Столицы. Это было всё равно, что пытаться остановить лавину правилами этикета.

— Тишина, — сказал Макс.

Он использовал «Тон Протоколиста», специфическую частоту, на которой вещали глашатаи Системы во время великих праздников. Это был голос инстанции, но в отличие от навыков, которые требовали подключения к серверу, этот голос был просто акустической модуляцией, физической вибрацией воздуха, которую Система не воспринимала как угрозу, потому что она не содержала ни одного байта кода. Макс научился этому в Министерстве Порядка: настоящая власть не требует запросов, она просто звучит.

Паника не исчезла, но она застыла. Мирабель захлёбывалась криком, её аудиофайлы наконец синхронизировались и слились в один последний всхлип. Каспиан замер с поднятой рукой, словно статуя в неловкой позе. Даже Искажённые, казалось, замедлили свою рваную пляску, их телепортационные рывки стали реже, словно они встретили непреодолимую стену в коде.

И в этот момент правый глаз Макса обожгло новой строкой.

Текст не просто всплыл, он вгрызся в сетчатку, пульсируя неоновым золотом на фоне серой мглы. Макс непроизвольно прищурился, пытаясь отогнать сообщение, но оно было встроено в его собственное зрение, вживлено в нервные окончания.

СИСТЕМНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ: ОБНАРУЖЕН ВАКУУМ ВЛАСТИ. ЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕПЬ: ГРУППА «ШЛАМ» ТРЕБУЕТ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭНТРОПИЙНОЙ ВЫЖИВАЕМОСТИ. КВЕСТ: «ВОЗЬМИТЕ ЛИДЕРСТВО» ЦЕЛЬ: ПОДЧИНИТЬ ОСТАТКИ ГРУППЫ ЕДИНУМУ ПРОТОКОЛУ. НАГРАДА: РАНГ «ГЛАВНЫЙ», ДОСТУП К ЖУРНАЛУ УТИЛИЗАЦИИ. ПРИНЯТЬ: (ДА)/(НЕТ)

Сообщение было сырым, агрессивным. Система не видела их, она видела только пустоту, которую они создавали своим существованием, а пустоту она умела заполнять шаблонами. Макс инстинктивно вызвал меню, проверить статус соединения, но вместо отклика натолкнулся на вакуум. Ни подтверждения, ни ошибки, только тишина, в которой его собственный запрос растворился, не долетев до адресата. Система не отвечала, она просто транслировала обрывки.

Палец завис над призрачной кнопкой.

«НЕТ» — означало хаос. Панику. Смерть от Искажённых здесь и сейчас.

«ДА» — означало принять правила игры, стать винтиком в чужом механизме, чтобы выиграть время.

Он посмотрел на Элизу, на Мирабель, на трясущегося Каспиана. Если бы он был прежним Протоколистом, он бы нажал «НЕТ» из чистого упрямства. Но тот человек умер в упавшем глайдере.

Он нажал «ДА».

В углу поля зрения появилась иконка — шестерёнка, вращающаяся против часовой стрелки, интерфейс обновился.

Он нажал «ДА» не ради ранга или выживания. Он принял квест, чтобы заглянуть в изнанку. Если Система хочет манипулировать ими через него, он изучит рычаги, которыми она пользуется. Он станет вирусом внутри её собственной программы управления.

Стилизованная шестерёнка продолжала медленно вращаться, квест был активен.

Он тряхнул головой.

— Слушайте меня, — Макс сделал шаг вперёд, и его фигура в обломках «Аристократа» казалась монолитной на фоне дрожащего тумана. — С этой секунды навыков не существует, приоритетов не существует, ваших титулов не существует.

— Да как ты смеешь... — начал Каспиан, его голос сорвался на привычный высокомерный фальцет, но Макс перебил его коротким, рубящим жестом.

— Твоё «право рождения», Каспиан, — голос Макса прозвучал как удар хлыста, только что доказало свою цену, когда Юлиан попытался вызвать питьевой набор. Ты видел, во что

превратилось его тело, ты хочешь стать следующей заплаткой на этой трубе? Или ты хочешь дожить до момента, когда твоя одежда перестанет пахнуть гарью?

Лорд замолчал. Он посмотрел на трубу, потом на свои дрожащие руки, и Макс видел, как в его ауре гаснет последний проблеск сопротивления.

— Мы вводим «Нулевой Уровень», — продолжал Макс, медленно обводя взглядом каждого из выживших. — Никаких запросов к Системе. Никаких попыток вызвать интерфейс. Никаких заклинаний, навыков, команд. Любое использование кода в этом секторе — смертный приговор.

— Но как мы... — начала Мирабель, и её голос всё ещё дрожал.

— Система видит активный код и тут же утилизирует его, — перебил Макс. — Она как голодный зверь: пока вы неподвижны, вы сливаетесь с фоном. Как только вы подаёте сигнал — вы становитесь добычей. Чтобы выжить, мы должны стать невидимыми, мы должны стать материей. Только физический труд, только тактильный контакт.

Он сделал паузу, давая словам осесть в их сознании.

— Вы привыкли, что мир подчиняется вашим желаниям, — сказал Макс тише, но от этого его слова не стали менее острыми. — Вы привыкли, что достаточно подумать о еде, и она появляется, подумать о защите, и вокруг вас вырастает кокон. Это больше не работает, здесь нет серверов, которые обслуживают ваши капризы. Здесь есть только вы, ваши руки и законы физики.

Он повернулся к Искажённому, те замерли в десяти метрах от группы. Их контуры двоились, наслаивались друг на друга. Они напоминали сломанную голограмму: одна фигура, но с несколькими фантомными копиями, слегка смещёнными в пространстве.

— Они не нападут, пока мы не проявляем «цифровой активности», — Макс сказал это с уверенностью, которой у него не было, но голос Протоколиста не знал сомнений. — Для них мы сейчас просто статические объекты, мусор. Как только кто-то из вас попытается вызвать меню, активировать навык — вы загоритесь на их радарх как сигнальная ракета.

Словно в подтверждение его слов, Искажённые, помедлив ещё несколько секунд, начали медленно отступать. Их двойные контуры растворились в тумане, не издав ни звука, просто перестали быть, как гаснет статическое изображение на сломанном экране.

Он заметил, как Каспиан инстинктивно отдернул руку от виска, где располагался его нейроинтерфейс. Мирабель замерла, боясь даже моргнуть. Олди стоял, скрестив руки на груди, и его лицо было непроницаемым.

И только Принцесса Элиза, чьё платье из «жидкого серебра» теперь выглядело как грязная фольга, сидела чуть поодаль, на перевёрнутом ящике из-под какого-то оборудования. Её взгляд был прикован к чёрному песку, а поза, расслабленная, почти безразличная, пугала больше, чем истерика Мирабель.

— Элиза, — позвал он.

Она подняла на него глаза, её зрачки были расширены, а радужка, обычно ярко-синяя, теперь казалась почти бесцветной, словно кто-то уменьшил насыщенность в настройках её модели.

— Нам нужна еда, — сказал Макс. — Система сбрасывает сюда не только людей, но и биологические отходы. Там, у обломков, я видел резервуар охладителя, в нём застряли существа, которых Система классифицирует как «ошибки фауны».

Он достал из-за пояса свой трофей — зазубренный кусок обшивки, который до сих пор хранил тепло разрушенного глайдера. А затем — второй предмет, гораздо более ценный: церемониальный кинжал Элизы, который он подобрал возле её разбитого кресла. Тонкое лезвие, инкрустированное бесполезными теперь рунами.

Макс помнил этот кинжал, он видел его на официальных церемониях: Элиза держала его в руке, когда принимала присягу у новых членов Совета. Тогда лезвие казалось игрушеч-

ным, бутафорским, теперь же, в сером свете Пустоши, оно выглядело именно тем, чем было — оружием.

— Это твой инструмент, — он протянул ей кинжал. — Иди к резервуару, там лежит чёрная рыба. Очисти её.

— Я... я никогда... — её голос был едва слышен, как шёпот умирающего интерфейса. — Макс, это работа для сервиторов. Мои руки...

— Твои руки — это единственное, что отделяет тебя от смерти, — Макс подошёл ближе, его голос звучал как приговор. — Ты — дочь Императора. Ты никогда не знала голода, грязи и боли. Именно поэтому ты умрёшь первой, если не научишься всему этому прямо сейчас. Ты должна перешагнуть через своё прошлое, через брезгливость, через страх. Не ради меня, ради себя. Выживание, Элиза, это грязная работа, и ты должна научиться её делать.

Она посмотрела на свои ладони. Макс проследил за её взглядом. Эти руки никогда не знали физического труда: идеальная кожа, безупречный маникюр, тонкие пальцы, созданные для прикосновений к клавишам и бокалам. Они были красивы той стерильной, искусственной красотой, которую Система поддерживала автоматически, удаляя любой изъян.

— Твои руки теперь — это то, что отделяет тебя от превращения в металлолом, — Макс подошёл ближе, его тень накрыла её. — Почувствуй вес кинжала. Он настоящий, он не исчезнет. Это единственная реальность, которая у тебя осталась. По крайней мере, Макс надеялся на это. Он пока не знал, что даже металл, хранящий остаточный код системных рун, со временем начинает светиться для Антивируса — тот видит не сам металл, а его цифровой отпечаток.

Элиза медленно взяла кинжал. Её пальцы, привыкшие к прикосновению шёлка и виртуальных интерфейсов, вздрогнули от грубой холодности обсидиана. Макс видел, как её системный ореол на мгновение вспыхнул, инстинктивная попытка запросить «адаптацию» к инструменту, и тут же погас, подавленный его запретом.

Они подошли к резервуару. Это был ржавый куб, из которого сочилась липкая, пахнущая озоном жидкость. Резервуар стоял на четырёх кривых опорах, вкопанных в чёрный песок, и по его бокам тянулись вереницы заклёпок, грубых, явно не фабричного производства. Кто-то построил его здесь, в Пустоши, до них и, судя по состоянию металла, очень давно.

Внутри, в луже серой слизи, билось существо. Оно напоминало рыбу, но его чешуя была сделана из твёрдого полимера. У него не было глаз, только сенсорные ямки, которые беспорядочно мерцали тусклым красным светом, словно индикаторы на давно забытом приборе. Рот рыбы открывался и закрывался, но это были не жабры, а дефект модели, зацикленная анимация, наложенная на материю.

— Очисти её, — повторил Макс.

Элиза подошла ближе и прикоснулась к рыбе. Существо было ледяным и неприятно гладким. Её пальцы скользнули по полимерной чешуе, и она отдернула руку, словно обожглась. Но Макс стоял за её спиной, неподвижный, как статуя.

Она занесла кинжал, рука дрожала.

— Не думай о том, что это «низко», — тихо сказал Макс. Его голос был спокойным, почти мягким, что контрастировало с его прежней жёсткостью. — Думай о сопротивлении материала, о том, как сталь разрезает плоть. Почувствуй, как лезвие натывается на кость. Это и есть жизнь, Элиза. Всё остальное — симуляция.

Кинжал дрогнул в её руке. На одно короткое мгновение Макс увидел в её глазах отчаянную борьбу, словно она стояла на краю пропасти, а затем её лицо исказилось, не от отвращения, а от холодной, осознанной решимости. «Ради себя», — беззвучно повторила она, и кинжал с отвратительным хрустом вошёл в чешую. Звук был сухим и резким, как будто сломали старую пластиковую игрушку. Из разреза брызнула густая, фиолетовая жидкость, пахнущая старым железом.

Элиза вскрикнула, отпрянула, но Макс положил свою тяжёлую ладонь ей на плечо, удерживая на месте. Его хватка была железной, но не грубой, он не давил, а просто не позволял ей отступить.

— Продолжай.

И она продолжила. Кинжал снова погрузился в плоть — на этот раз увереннее. Она сдирала жёсткую, похожую на наждак чешую, чувствуя, как под ногти забивается чёрная слизь. Её церемониальный кинжал, созданный для того, чтобы открывать конверты с приглашениями на балы, теперь кромсал плоть «системной ошибки». Руны на лезвии, «Чистота», «Свет», «Гармония», заливались фиолетовой кровью, превращаясь в нечитаемые символы.

Макс смотрел на неё и видел, как меняется её аура. Исчезал страх, липкий, оранжевый страх, который парализовал остальных. На его место приходило что-то иное: холодное, голубоватое свечение, которое он раньше видел только у себя самого. Она начинала понимать.

С каждым движением её лицо менялось. Маска принцессы, идеально отполированная, лишённая эмоций, как и положено дочери Императора, осыпалась, обнажая что-то первобытное, страшное и подлинное. Её губы сжались в тонкую линию, на лбу выступила испарина. Это был не системный охлаждающий эффект, а настоящий, человеческий пот. Она видела, как фиолетовая кровь пачкает её руки, течёт по лезвию, заливая руны, и капает на песок, оставляя тёмные пятна, которые быстро впитывались, словно земля была такой же голодной, как и всё в этом мире.

Кто-то из выживших, Макс не заметил, кто именно, издал сдавленный звук, похожий на рвотный позыв, но Элиза не остановилась. Она работала кинжалом с методичностью мясника, отделяя съедобную плоть от несъедобной чешуи.

И когда она, наконец, поднялась, держа в руках окровавленный, но чистый кусок рыбьего филе, Макс увидел в её глазах новую, опасную ясность.

В этот момент Элиза осознала глубину своего падения. Она была не просто изгнана из города, она была изгнана из самой идеи человеческого превосходства. Она была здесь, в грязи, по локоть в крови уродливой рыбы, и единственное, что имело значение, — это холодный блеск кинжала в её руке.

— Мы закончили с едой, — прошептала она, вытирая окровавленный кинжал о край своего дорогого платья. Ткань, когда-то стоившая целое состояние, теперь служила тряпкой. Она посмотрела на свои грязные руки так, словно видела их впервые. — Что дальше, Макс?

Макс не ответил сразу. Разбитый интерфейс снова ожил, выплёвывая обрывок лога:

ПРОГРЕСС КВЕСТА: 15% ЛОЯЛЬНОСТЬ ГРУППЫ: НИЗКАЯ СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТА [ID: 8847-Э/23]: ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЧАТА

«Принцесса», — машинально прочитал Макс, и только потом понял, что Система не называла титул. Его «Взгляд» сам перевёл безликий идентификатор в знакомое лицо. Система видела лишь номер, оставшийся от старой учётной записи, которую давно следовало удалить. Но он — помнил.

А затем следом, почти без паузы:

КВЕСТ ВЫПОЛНЕН. РАНГ «ЛИДЕР» ПРИСВОЕН. ДОСТУП К ЖУРНАЛУ УТИЛИЗАЦИИ ОТКРЫТ.

Макс замер. Система отчитывалась перед пустотой, она не знала, кто выполнил условия, просто фиксировала, что вакуум власти исчез. Система фиксировала изменение структуры группы, но даже не проверила, кому адресован отчёт. Ранг, доступ — всё это был мёртвый текст, не имевший силы. Просто алгоритм, который продолжал жевать данные, не замечая, что адресат давно стёрт из реестра.

И вместе с этими обрывками пришло знакомое чувство, словно что-то растворялось в сознании, утекало сквозь пальцы. Макс попытался ухватиться за воспоминание, но оно рассыпалось цифровой пылью. Это не Система забирала плату — просто её агония заражала его

чип, как излучение. Каждый перехваченный пакет стоил кусочка памяти. Интерфейс, и без того разбитый, перегружался, и чтобы освободить ресурсы, начал стирать то, что не считал жизненно важным. Воспоминания. Эмоции. Тени прошлого.

— Что с тобой? — спросила Элиза, глядя на его застывшее лицо.

— Ничего, — ответил Макс, и его голос не дрогнул. — Просто за всё приходится платить.

— Дальше, — добавил он, — мы будем учиться умирать так, чтобы Системе было неудобно нас переваривать.

В наступившей тишине был слышен только один звук: капля фиолетовой крови, упавшая с кинжала принцессы на чёрный песок.

Глава 4. Налог радостью

И в этот миг реальность сломалась, но только для его сознания.

Небо Пустоши не исчезло, оно лишь отодвинулось, как занавес, пропуская сцену, которой здесь не могло быть. Запах озона и гниющей плоти сменился стерильной сухостью архивного воздуха. Макс вспомнил. Это воспоминание нахлынуло так внезапно и сильно, что на миг стёрло грань между тогда и сейчас.

Он моргнул, и перед мысленным взором возник его кабинет в Столице. Идеальный, залитый светом без источника. Мир без теней, безупречный рендеринг.

В последние месяцы перед изгнанием Макс занимал пост Куратора Архивов в Третьем Секторе. Матовый белый полимер стен, эхо отсутствует. Воздух: 22 °С, влажность 45 % — стабильно. Запахи: нулевой уровень. Пыль: не зафиксирована. В Столице пыль считалась признаком системного сбоя, и её немедленно удаляли.

Макс сидел за консолью, его пальцы едва касались сенсорной панели. Перед глазами разворачивались каскады данных: отчёты о благосостоянии, графики удовлетворённости, индексы социальной гармонии. Каждое утро он проводил в этом кресле, наблюдая за пульсом Столицы, и каждое утро одна и та же мысль тихо звенела где-то на границе сознания: что-то не так. Не в цифрах, цифры были безупречны, а в том, как они соотносились друг с другом.

СТАТУС СЕТИ: ОПТИМАЛЬНО ИНДЕКС СЧАСТЬЯ: 99.8

На первый взгляд всё выглядело безупречно, но Макс, с его аналитическим чутьём, уловил фальшь. Она пряталась не в отчётах о благополучии, те были безукоризненны, а глубже, в сухих расчётах. Там, под слоем официальных сводок, обнаружилось несоответствие. Столица потребляла колоссальные объёмы ресурсов: свет, тепло, системные потоки, поддерживавшие стабильность куполов. Но официальные отчёты показывали подозрительно низкий уровень внешних закупок, как будто энергия бралась из ниоткуда.

Он начал копать, но не из жажды справедливости, а из эстетического отвращения к неточности. Ошибка в коде нарушала симметрию, и он не мог игнорировать её, как не смог бы пройти мимо криво повешенной картины в собственной гостиной.

— Запрос: Архитектура энергетических потоков. Слой 0, — произнёс он в тишине кабинета.

Интерфейс мигнул. Экран на мгновение «лаганул», выдав полосу битых пикселей, красных, зелёных, синих, словно кто-то рассыпал конфетти по монитору.

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН. УРОВЕНЬ ДОПУСКА: ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ

Макс не отступил, он знал, что за ним следят, в Столице следили за всеми, это было условием безопасности. Но он также знал, что Система не всеведуща, она была программой, а любая программа имеет уязвимости.

Макс использовал протокол обхода «Эхо», который сам же и внедрил в систему месяцем ранее, крошечный, почти незаметный скрипт, созданный для тестирования целостности архивных данных. Скрипт, который никто не удосужился удалить после аудита.

Его пальцы пробежали по сенсорной панели. Тонкая манипуляция с кодом, едва заметное смещение приоритетов, и барьер рухнул. На мгновение экран залило алым, затем сообщение об ошибке исчезло, и перед ним открылся скрытый слой реальности.

То, что он увидел, не было текстом. Это была живая, пульсирующая геометрия скрытого слоя реальности. Перед ним развернулась схема Столицы в разрезе — колоссальная, многоуровневая диаграмма, на которой каждый житель был точкой, каждый дом — узлом, каждая улица — каналом передачи данных. Но поверх этого привычного слоя был наложен ещё один — и он светился золотом.

Граждане Столицы не просто жили в комфорте, они за него платили, но валютой были не кредиты и не труд. Каждое утро, когда нейросеть города подключалась к интерфейсам жителей, происходила транзакция.

Макс увеличил один из секторов и замер, вчитываясь в логи.

ТРАНЗАКЦИЯ: «ЭССЕНЦИЯ РАДОСТИ» ОБЪЕКТ: СЕКТОР 4, ЖИЛОЙ БЛОК 12 ИЗЪЯТО: 15 СТАТУС: ГРАЖДАНИН УДОВЛЕТВОРЁН. ПРОДОЛЖЕНИЕ СБОРА.

Система собирала «излишки» эмоций. Радость, восторг, искренний смех, всё это конвертировалось в чистую энергию, питающую купола Столицы. Люди платили своей способностью чувствовать остро, чтобы взамен получать ровный, безопасный фон существования. Такова была цена равновесия: потерять способность чувствовать остро, чтобы никогда не страдать.

Макс листал отчёты, и его пальцы холодели, чем выше был ярус проживания аристократа, тем больше «эссенции» он отдавал. Золотая молодёжь Верхних Садов была фактически выпотрошена: они ходили с вечными улыбками, их глаза сияли искусственным светом, а внутри рос вакуум, который Система заполняла новыми дозами синтетического комфорта.

Но это была лишь часть правды.

Ниже, в подвалах данных, Макс обнаружил протокол «Сброс Лишнего». Энергия радости имела побочный эффект — эмоциональный шлак. Меланхолия, ярость, сомнения, экзистенциальный ужас, всё то, что нельзя было конвертировать в питание города, Система не уничтожала, для этого требовались слишком большие вычислительные мощности, она это просто сбрасывала. Буквально.

Протокол «Изгнание» не был актом правосудия, это была плановая очистка буферов. Когда уровень эмоционального мусора в человеке достигал критической отметки, когда он начинал задавать вопросы, когда его глаза переставали сиять предписанным восторгом, когда его системный профиль показывал аномально высокий уровень «критического мышления», его классифицировали как «Шлам». И вместе с ним вниз, в Пустошь, летели излишки нестабильной энергии, битые текстуры и устаревшие модели.

— Мы не преступники, — осознание вошло в разум Макса как ледяная игла. Голос сел, и он произнёс это вслух, сам не замечая. — Мы просто переполненные корзины для мусора. Утилизация неизбежна, потому что система должна оставаться чистой.

Он увидел график своей собственной «засоренности». Его критическое мышление, его холодный анализ — для Системы это были вредоносные скрипты, пожирающие ресурс гармонии. Его профиль был отмечен красным ещё год назад. Целая цепочка отчётов, которую он никогда не видел, тянулась от его имени в недра Тайной Канцелярии.

За несколько дней до этого Прокуратор Северин вызвал его в свой кабинет, маленький, без окон, заставленный старыми бумажными папками, которые он по старинке предпочитал голографическим панелям. Северин долго молчал, перебирая какие-то документы, а потом поднял на Макса тяжёлый взгляд.

— Ты слишком глубоко копаешь, Максимилиан, — произнёс он. — Есть слои, которые даже я не имею права видеть, остановись, пока не поздно.

Макс тогда лишь усмехнулся, ему казалось, что старик просто боится за своё кресло.

За ним наблюдали, его оценивали, и вывод был уже сделан.

Потом был суд. Он помнил строки приговора, когда Судья зачитывал их с бесстрастной интонацией: «Приговор: удалить навсегда. Статус: Шлам. Приоритет: высокий. Исполнение: после утверждения протокола».

В зале он видел Принцессу Элизу. Она не входила в состав Суда, но её присутствие было обязательным: приговоры по делам государственной важности требовали свидетельства члена Императорской семьи. Макс запомнил её побелевшее лицо в тот момент.

А затем он услышал шелест статики. Тихий, почти невесомый шорох, который, казалось, исходил от самих стен. Воздух в зале начал «шуметь»: мелкие серые точки возникли из ниоткуда, собираясь в облако. Чистильщики. Они передвигались не в пространстве, а сквозь слои кода.

Их было двое. Фигуры соткались из статики за пару секунд, высокие, неподвижные, словно статуи, вырезанные из спрессованного шума. Лица скрыты за зеркальными масками, на которых бежали строки текущих процессов, бесконечные каскады нулей и единиц, заметные только при очень близком рассмотрении. Они не имели имён, только идентификаторы: Чистильщик-04 и Чистильщик-11.

Его увели в камеру ожидания, где он ждал, пока будут улажены все формальности. На следующий день Чистильщики появились снова. Один из них поднял руку. Движение было точным, механическим, лишённым инерции, рука не перемещалась в пространстве, а мгновенно оказывалась в новой позиции. В его ладони материализовался стеклянный куб, идеально прозрачный, с острыми гранями, внутри которого вращалась крошечная голографическая сфера.

Макс посмотрел на свои руки, они начали мелко дрожать, распадаясь на пиксели. Краски стен тускнели, сначала исчез тёплый оттенок консоли, затем выцвела матовая белизна стен, затем пропали тени. Белый цвет становился серым, а серый — никаким.

«Значит, вот так происходит удаление», — успел подумать он.

И в этот момент произошло то, чего Макс не ожидал. На самой границе между бытием и небытием, когда тело уже начало терять плотность, а зрение затягивало цифровым туманом, он увидел то, чего не видел раньше.

Сквозь распадающиеся пиксели собственной кожи проступили тонкие, как паутина, золотые нити. Они были повсюду. Они связывали его ладони с консолью, пульсируя слабым, умирающим светом, они тянулись к Чистильщикам, они пронизывали сам воздух Столицы, соединяя всё со всем: людей, машины, здания, Систему.

Это была структура — чистая, нефильТРованная карта зависимостей, которую Система всегда скрывала за слоем красивого рендера. И на мгновение Макс понял: если видеть эти нити, можно найти слабые места, можно найти точки разрыва.

А затем нити лопнули. Это было почти физическое ощущение, как будто десятки крошечных струн одновременно оборвались внутри его тела. Вспышка боли, короткая и ослепительная, и мир погас.

Ни звука, ни света, ни времени, только пустота, где сознание просто перестаёт существовать.

Когда мир снова обрёл форму, он лежал на холодном бетонном полу. Его тело, ослабленное долгим хранением, едва слушалось. Невидимые руки волокли его куда-то, он не мог пошевелиться, не мог открыть глаза, только чувствовал, как его втаскивают в тесный ангар, где пахло страхом и чужими интерфейсами. Сколько прошло времени, час или месяц, он не знал.

Он не был удалён.

Рядом, насколько он мог различить сквозь пелену, лежали другие безмолвные фигуры. А затем — глухой удар закрывающегося люка, вибрация включившихся двигателей, и последнее, что он услышал перед тем, как мир рассыпался в крушении: равнодушный голос Системы: «Рейс семь-четыре. Отправка разрешена».

Макс моргнул.

Воспоминания отхлынули, Пустошь вернулась. Элиза стояла рядом и смотрела на него с тревогой.

— Ты в порядке? — спросила она.

Макс посмотрел на свои руки. Они были целы. Пальцы дрожали, но не исчезали. Золотые нити, которые он видел в воспоминаниях, теперь были видны только его «Взгляду», тонкие, едва заметные линии, связывающие его с группой. Он не понимал, почему они появились

именно сейчас. Может быть, потому что его собственный код был бит, и он начал видеть структуру мира там, где обычные люди видели только красивые картинки. А может быть, потому что Система, вырывая из него кусок за куском, случайно открыла ему глаза на настоящую реальность.

— В порядке, — ответил он. — Просто вспомнил, как всё началось.

Он поднял взгляд на серое небо. Где-то там, за слоями кода и иллюзий, находилась Столица, и теперь он знал, чем она питается.

Глава 5. Шёпот

В Столице ночи не существовало. Был лишь «цикл отдыха», мягкое, деликатное угасание яркости небесного свода до приятного индиго, сопровождаемое шелестом виртуальных цикад и ароматом ночного жасмина, подаваемого через систему вентиляции. Там тьма была услужливой, она скрывала лишь то, что вы сами хотели спрятать.

В Пустоши тьма не наступила, она обрушилась.

Это не было постепенным движением светила за горизонт. Серая заливка неба сменилась на #000000 — абсолютно чёрную заливку без сглаживания и градиентов. Переход произошёл мгновенно, как переключение канала на старом мониторе. Мир потерял объём., глубина резкости схлопнулась до расстояния вытянутой руки.

Воздух потяжелел. «Взгляд Протоколиста» зафиксировал аномалию: плотность среды вокруг лагеря увеличилась на 12%, молекулы озона и мельчайшая графитовая взвесь перемешались в густой коктейль. Каждое движение руки ощущалось как толчок сквозь вязкий гель. Влага, пропитанная запахом сырого бетона и жжёной пластмассы, липла к коже, словно невысыхающая масляная краска.

— Она... она давит, — выдохнула леди Мирабель. Её голос, лишённый привычных фильтров, звучал плоско, как запись с помехами. Она обхватила плечи руками, хотя холода как такового не было, была лишь бестелесная, гнетущая сырость, которая забиралась под одежду и селилась в костях.

— Давит, — повторил лорд Каспиан, растягивая слово так, будто пробовал его на вкус. Он сидел чуть поодаль от остальных, прислонившись спиной к ржавой опоре, и его лицо было бледным, почти серым.

— Замолчи, Каспиан, — бросил Олди, не оборачиваясь. Он сидел на перевёрнутом ящике, подобрав под себя ногу, и чистил свою арматуру.

Остальные трое — Макс, Элиза и Мирабель — расположились ближе к источнику света. Им служил раздавленный аварийный контейнер, который Макс нашёл среди обломков: Система сбросила его в Пустошь вместе с прочим мусором. Внутри, в луже липкой жидкости, плавилась несколько люминесцентных палочек. Они не грели, но давали ровное, бледно-зелёное свечение, выхватывавшее из тьмы лица сидящих.

Свет не рассеивался, он оставался заключённым в невидимую сферу в радиусе метра. Всё, что было дальше, — сплошная, монолитная чернота.

Лишь кое-где, в нескольких десятках шагов от лагеря, темноту прорезали такие же тусклые зелёные пятна, другие контейнеры, обломки световых панелей, осколки, которые Система тоже когда-то выбросила за ненадобностью. Они светились сами по себе, как глаза умерших светлячков, но их свет не сливался с общим, не рассеивал тьму. Каждый источник оставался островком в море черноты, и между ними зияла пустота.

Именно в этот момент из темноты донёсся звук. Короткий и резкий хлопок. Воздух в десятке метров от них на мгновение пошёл рябью.

Макс поднял голову. Молодой человек, почти мальчик — лет семнадцати, не больше. Одет в разорванный камзол, явно не из их круга: дешёвая ткань, грубая выделка. На его плечах ещё оседала тонкая серебристая пыль, остаточный след от прямой транслокации, которую Система использовала для утилизации низших секторов. Его лицо было перепачкано сажей, а в глазах застыл тот особый, пустой ужас, который бывает у людей, переживших нечто, что нельзя пережить.

— Кто ты? — голос Макса был резким, но не враждебным.

Мальчик замер, увидев сидящих. Он смотрел на них так, как смотрит утопающий на берег.

— Меня... меня зовут Ланс, — выдохнул он. — Я из Нижнего Города. Я просто хотел понять, откуда берётся энергия... Они пришли прямо в цех. Чистильщики. Схватили меня, и... — он судорожно сглотнул, оглядываясь на то место, где только что лопнул воздух. — Там была вспышка, а потом я упал здесь.

Ланс обхватил себя руками, от пережитого шока его зубы выбивали дробь.

— Мою сестру изгнали месяц назад, — произнёс он, глядя в землю. — Её звали... Её настоящее имя было Лисандра. Лисандра из Нижних Мастерских. Но когда мы получали интерфейсы в детстве, какой-то клерк в Министерстве Идентификации решил, что «Лисандра» — слишком длинное имя для реестра. Оно не влезало в стандартную форму, и он переименовал её в Лили. Просто Лили. Без родового идентификатора, без истории. Она плакала, когда узнала. Говорила, что потеряла себя.

Он поднял на Макса глаза, полные слёз.

— Я звал её настоящим именем, когда мы были дома, но каждый раз, когда она выходила на улицу, Система называла её Лили. И она откликалась, потому что если не откликаться — штраф. Понижение статуса. А потом её изгнали. За то, что она пыталась сменить имя обратно. Представляете? Просто за имя.

Он замолчал, уставившись в темноту за костром.

— Я ищу её, я знаю, что она где-то здесь. Я слышал, как она зовёт меня. Лансом. Не моим системным ID. Понимаете?

Элиза посмотрела на мальчика, потом на Макса, в её взгляде читалась смесь жалости и тревоги.

— Ланс, посмотри на меня, — тихо сказала она. — Это не твоя сестра тебя зовёт. То, что ты слышишь по ночам... оно не всегда говорит правду, иногда это просто... отголоски.

Ланс покачал головой с упрямством, которое бывает только у тех, кто потерял всё.

— Вы не понимаете, она не просто зовёт. Она рассказывает мне, что делать. В первую ночь она привела меня к пещере, где я спрятался от пыльной бури. Она спасла меня.

Каспиан нервно переступил с ноги на ногу, но промолчал, встретившись взглядом с Олди. Герцог лишь едва заметно пожал плечами: мол, мальчишка обречён.

Макс понял, что любые слова сейчас будут бесполезны. Иллюзия стала для Ланса единственной реальностью, за которую он мог держаться. Разрушить её — значит убить его ещё до того, как это сделает Пустошь.

Макс переглянулся с Олди. Герцог лишь пожал плечами, давая понять: твой лагерь, твои правила.

— Садись к огню, Ланс, — сказал Макс. — Но запомни: ты не в Нижнем Городе, здесь нет законов, кроме закона молчания. Если ты попытаешься вызвать интерфейс или использовать навык — ты умрёшь. Это не угроза, это факт.

Ланс кивнул и опустился на песок, поджав под себя ноги.

Тьма сгустилась, и вместе с ней начали просыпаться голоса. Сначала это был едва слышимый шёпот, который можно было принять за ветер.

Макс активировал аудио-сенсоры на максимум — те, что ещё работали в его разбитом интерфейсе. Сначала был только белый шум, но затем в спектре появились искажения. Тонкие, высокочастотные колебания воздуха, которые не имели физического источника. Словно мир пытался воспроизвести звук, файл которого был удалён, оставив лишь призрачный след в оперативной памяти пространства.

Шёпот начался с края их лагеря.

«...Макс... почему ты не проверил логи...»

Голос был женским, певучим, до боли знакомым. Голос его матери, архивированной Системой десять лет назад за «эмоциональную нестабильность».

Макс замер. Каждое слово проходило сквозь него, как разряд статического электричества, его системный журнал мгновенно отреагировал:

ВНИМАНИЕ: ОБНАРУЖЕНЫ ОСТАТОЧНЫЕ ДАННЫЕ КЛАССИФИКАЦИЯ: ПРИЗРАКИ КОДА, МУСОРНОЕ ЭХО РЕКОМЕНДАЦИЯ: ИГНОРИРОВАТЬ. ИНФОРМАЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ — НУЛЬ

Но игнорировать это было физически невозможно. Голоса множились. Они не доносились откуда-то извне, они рождались прямо в слуховых каналах, вибрируя на костях черепа. Пустошь транслировала их напрямую в нервную систему, минуя интерфейс.

— Лили? — вдруг вскрикнул Ланс. Он вскочил на ноги. Лицо Ланса, бледное даже в зелёном свете костра, исказилось от надежды.

— Ланс, сядь, — скомандовал Макс. Его голос прозвучал как щелчок затвора. — Это не она, система сбрасывает сюда всё: людей, данные, воспоминания. Ночью, когда нагрузка на ядро Столицы снижается, Пустошь начинает «фонить». Это просто удалённые файлы, которые не успели перезаписаться.

— Нет, она зовёт меня! — Ланс сделал шаг во тьму, его интерфейс мигал красным, пытаясь синхронизироваться с призрачным сигналом. — Она говорит, что там тепло. Там есть свет, Макс! Она говорит, что нашла выход!

Олди медленно повернул голову. Его глаза сузились, и он посмотрел на Ланса так, как смотрят на глупого кролика, бегущего в пасть удава.

— Свет, — произнёс он, и в его голосе не было ни капли сочувствия. — Конечно. Свет в месте, где перерабатывают людей. Мальчишка хочет увидеть свою сестру. Прекрасно. Беги, Ланс. Тебя уже ждут. Она стоит там, в темноте, и улыбается тебе — идеально прорисованная проекция твоей собственной тоски.

— Заткнись, Олди! — рявкнул Каспиан, вскакивая на ноги. — Ты... ты мерзкий, бессердечный...

— Я просто экономя ему время, — спокойно ответил Олди. Его лицо было неподвижно, как маска. — Разница между мной и вами, Каспиан, заключается в том, что я не тешу себя иллюзиями. Мы все здесь умрём. Вопрос только в том, как и когда. Этот мальчик выберет «быстро» и «сейчас».

Он повернулся к Лансу и добавил:

— Давай же, я хочу посмотреть, как это работает.

Ланс, казалось, не слышал Олди, его глаза были прикованы к темноте, где начинал формироваться силуэт. Воздух вокруг Ланса вибрировал, окрашиваясь в мутные, дрожащие пиксели. Словно реальность в этом месте «лагала», пытаясь отрисовать образ, которого больше не существовало. Зона ошибки ширилась, захватывая всё больше пространства.

— Смотрите! — Ланс указал дрожащим пальцем в темноту.

Там, в десяти метрах от них, среди ржавых труб, проступил силуэт. Он был нечётким, с размытыми краями, как видео с низким битрейтом. Фигура девушки в белом платье. Она стояла неподвижно, но её контур постоянно дёргался, «глючил», смещаясь на несколько миллиметров в сторону и возвращаясь назад. При каждом смещении по воздуху прокатывалась волна искажения, словно камень, брошенный в воду.

— Лили... — прошептал Ланс. Его воля, надломленная комфортом Нижнего Города и ужасом сегодняшнего дня, окончательно сдалась.

— Смотри, как красиво, — тихо, почти ласково произнёс Олди. — Сейчас он познает истину.

— Ланс, стой! Протокол безопасности! — крикнул Макс, но его голос утонул в нахлынувшем шуме статики.

Ланс бросился к фигуре. Он не просто бежал, он смеялся тем чистым, детским смехом, которого никто из них не слышал с момента крушения. Ланс видел не размытую проекцию, не

битый файл. Он видел свою сестру Лисандру, которая протягивала к нему руки. В этот краткий миг он был дома.

Как только он коснулся призрачной фигуры, тишина взорвалась звуком разрываемой материи. Это не был человеческий крик. Это был звук, с которым ломается структура данных, высокий, вибрирующий скрежет, похожий на одновременный отказ тысячи жёстких дисков.

«Взгляд» обнажил структуру катастрофы во всей её чудовищной полноте. Ланс не просто обнял пустоту — его тело стремительно синхронизировалось с «битым файлом» Лили. Рука мальчика стала такой же нечёткой, покрылась цифровыми артефактами. Его лицо начало «плыть», черты лица смешивались, словно краска на холсте под дождём. Вокруг него закручивалась воронка из осыпавшихся пикселей, и каждая частица уносила с собой фрагмент его идентичности.

— Лили... — успел выдохнуть он, но его голос превратился в искажённый электронный скрежет, разобранный на частоты и немедленно поглощённый шумом.

Система мгновенно отреагировала. Над местом столкновения вспыхнула огромная, холодная надпись, видимая даже сквозь бездонную черноту:

ОШИБКА РЕЗОНАНСА ОБЪЕКТ: ЛАНС СОСТОЯНИЕ: НЕСОВМЕСТИМОСТЬ ВЕРСИЙ КОДА ПРОЦЕСС: ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ СГЛАЖИВАНИЕ

Тьма вокруг Ланса начала сжиматься. Это не было физическим давлением, это было удаление координат. Пространство просто перестало поддерживать существование объекта в этой точке. Макс видел, как одна за другой гаснут золотые нити, соединявшие мальчика с реальностью. Нити, которые он сам только начал учиться видеть. Последняя лопнула с сухим, беззвучным хлопком, и Ланс остался в полной изоляции.

Тело мальчика начало вытягиваться, превращаясь в тонкую полосу света, а затем рассыпалось на миллионы серых кубов, которые тут же поглотила тьма. На песке осталась только его шёлковая лента, которой он подвязывал волосы, но и она начала быстро терять насыщенность, становясь прозрачной. Через секунду от неё не осталось ничего, лишь лёгкое облачко статического электричества.

— Как красиво, — повторил Олди, и в его голосе прозвучало нечто среднее между восхищением и отвращением. — Ты видел, Протоколист? Система даже не убила его, она просто... закрыла вкладку. Как будто его никогда и не было.

— Замолчи! — Мирабель зарыдала, размазывая по лицу слёзы и чёрную пыль, осевшую на щеках. — Ты... ты чудовище!

— Я — реалист, — поправил её Олди, поднимаясь. — Ланс умер в тот момент, когда принял правила Пустоши. Он решил, что здесь можно найти утешение, а здесь можно найти только смерть.

Он посмотрел на Макса, и в его взгляде читался вызов.

— Ты это понимаешь, верно, Протоколист? Мы с тобой... мы не любим самообман.

Макс встретил его взгляд, но ничего не ответил.

— Куда он делся? — голос Элизы был сухим, как пепел.

— Его переработали, — ответил Макс. — Он позволил Пустоши найти в себе слабость, и Система признала его нерентабельным. Юлиан попытался вызвать ресурс — и Система переработала его в заплатку. Ланс попытался найти утешение — и Система стёрла его как конфликтующий файл. Разные запросы, разная утилизация, но результат один.

— Мы все так закончим? — Мирабель обхватила себя руками, раскачиваясь из стороны в сторону.

Макс посмотрел на неё. Золотые нити, связывавшие группу, стали ещё тоньше после исчезновения Ланса, теперь в сети зияли две пустоты: Юлиан и Ланс.

— Слушайте меня, завтра мы идём к Стеклянному лесу, я видел его, когда мы падали. Там, среди прозрачных стволов, есть остатки старых механизмов, может быть, даже работаю-

щие панели. Если нам удастся добыть хотя бы один кусок оптоволокну с остаточным зарядом, мы сможем обогреться. Или найти убежище, где стены не из ржавого металла, а из того, что держит тепло. Ланс погиб, потому что искал комфорт прошлого, призрачную сестру, иллюзию спасения. Мы не станем повторять его ошибку, мы пойдём туда, где есть хоть что-то реальное.

Олди медленно поднялся, поправил мундир и усмехнулся:

— В Стекланный лес? Чтобы собирать провода и греться у костра, как дикари? Ты прав, Макс, слова красивые, но они не спасут нас, когда сюда нагрянут Искажённые. Или когда Система вспомнит, что мы ещё не утилизированы. Нам нужна сила, Протоколист. Настоящая — уровни, способности, то, что мы потеряли. Если мы найдём способ это вернуть...

— Её не вернуть, — перебил Макс. — Здесь нет кода, только физика. Только то, что можно потрогать.

— Тогда я буду полагаться на то, что можно подержать в руках, — Олди похлопал по арматуре. — А вы сидите здесь, размышляйте о реальности. Когда придёт время, я буду готов. И если для этого придётся перешагнуть через пару трупов... — он пожал плечами и отошёл в темноту.

Элиза провела его взглядом.

— Он опасен, — тихо сказала она.

— Все мы опасны здесь, — ответил Макс. — Вопрос в том, на что мы направим свою опасность.

Он закрыл глаза.

Тьма вокруг лагеря снова начала уплотняться. Скрежет в глубине труб затих. Где-то вдалеке раздался мерный стук, ритмичный, глухой, без отражения, словно само пространство сжималось в такт ударам невидимого молота.

Глава 6. Дети Пустоши

Утро не принесло света, только смену цветовой температуры. Серая заливка неба подгрузилась с чуть более высоким коэффициентом яркости — не рассвет, а программная коррекция фона, безразличная к тем, кто под ней находился.

Макс поднялся первым. Системный журнал, ещё теплившийся в осколке левого окуляра, выдал отчёт о критическом износе оболочки. Он проигнорировал его. Привычка, выработанная уже в Пустоши: если игнорировать предупреждения достаточно долго, они становятся просто фоном, как шум серверов в Столице.

Он оглядел лагерь. Группа, ещё вчера бывшая сборищем насмерть перепуганных аристократов, теперь напоминала походный отряд беженцев с забытой войны. Каспиан сидел на песке, обхватив колени руками, и смотрел в одну точку. Его лицо посерело, но не от холода, а от того особого, внутреннего выцветания, какое бывает у людей, впервые столкнувшихся с пределом своих иллюзий. Олди уже возился со своей арматурой, насаживая на неё кусок ржавой цепи.

— Мы идём к Стеклянному лесу, — объявил Макс, разрывая тишину. — Нам нужны ресурсы, чтобы пережить ещё одну ночь. И ещё одну. И ещё.

Никто не спросил «сколько», они просто поднялись и пошли, пять фигур в разорванных шелках, бредущих по чёрному песку к горизонту, где прозрачные стволы вспарывали серое небо.

Они шли около часа, когда туман впереди начал редеть. Макс первым заметил аномалию: на фоне ровной, как лист, пустыни возникли контуры. Геометрически правильные, слишком человеческие.

— Стойте, — скомандовал он, поднимая руку.

«Взгляд» активировался сам, выхватывая из серой мглы структуру. Это были постройки.

Они двинулись осторожно, держа оружие наготове. Через несколько минут туман рассеялся настолько, что можно было разглядеть детали. Лагерь оказался заброшенным: низкие, приземистые дома, сложенные из грубого, спекшегося песка, скреплённого чем-то похожим на старую органику.

Среди обломков и ржавых конструкций явственно читались очертания жилищ, построенных по плану. Эта архитектура была чужда Столице. Стены оплыли от времени, но ещё держались. Крыши отсутствовали, их заменили листы ржавого металла, придавленные камнями. Входы зияли чёрными провалами, и оттуда тянуло не холодом, а какой-то особой, сухой пустошой, как из давно заброшенного склепа.

— Что это? — голос Мирабель прозвучал хрипло, но она не дрожала. После ночи с шёпотом её страх словно перегорел, оставив только пепел и осторожное любопытство.

— Лагерь, — ответил Макс. — Старый. Очень старый.

Олди шагнул вперёд, взвешивая арматуру в руке.

— Здесь могут быть твари.

— Не думаю, — Макс покачал головой. — «Взгляд» не фиксирует движения, только статику. Мёртвую, как всё здесь.

— Тогда чего мы ждём? — Каспиан поднял голову, и в его голосе впервые за утро промелькнуло что-то, кроме апатии. — Может, там есть что-то полезное.

Они вошли в лагерь медленно, как входят в чужой дом. Макс шёл первым, держа перед собой обломок обшивки «Аристократа», ставший его оружием. Он сканировал пространство, выхватывая детали, которые обычный глаз не заметил бы.

Первое, что бросилось в глаза, — кости. Они лежали повсюду: у порогов хижин, в тени полуразрушенных стен, в центре того, что когда-то было общей площадью. Настоящие, выбо-

ленные временем до блеска. Человеческие. Макс насчитал шесть скелетов — взрослые, судя по размерам, и ещё несколько фрагментов, которые могли принадлежать детям.

Макс задержал взгляд на одном из скелетов, сидевшем у стены. Поза, в которой застыла эта фигура, была странно спокойной, почти умиротворённой. Этот человек не боролся со смертью, он принял её как неизбежный итог. В его сжатых пальцах, покоившихся на коленях, виднелся небольшой осколок стекла, которым он, возможно, пытался нацарапать на стене знаки, чтобы оставить послание.

Кости были разбросаны не хаотично, некоторые лежали в позах, похожих на спящих.

— Они умерли здесь, — прошептала Элиза, опускаясь на корточки рядом с одним из скелетов. Её голос был странно спокоен, почти благоговеем. — Не от ран. От истощения.

— Или от отчаяния, — добавил Олди мрачно. — Посмотрите на стены.

Макс поднял голову. Стены одной из хижин, самой большой, были покрыты рисунками, выцарапанными чем-то острым. Линии были грубыми, неровными, но в них читалась рука человека, который пытался запечатлеть то, что видел. Макс разобрал контуры: серое небо, чёрный песок, фигуры людей с большими головами и тонкими руками, так рисуют те, кто не умеет рисовать, но отчаянно хочет оставить след. И ещё — круги. Много кругов, соединённых линиями, похожими на какую-то схему.

— Здесь жили изгнанники, — произнёс Макс, обводя лагерь взглядом. — Не такие, как мы, а те, кого сослали гораздо раньше. Может быть, десятилетия назад.

— Откуда ты знаешь? — спросил Каспиан.

— Смотрите на инструменты.

Он указал на грудку ржавого хлама в углу. Там, среди обломков, лежали предметы, которые не имели системного кода: кирка с треснувшей рукоятью, несколько мотыг, остатки деревянных рам, обтянутых истлевшей тканью, возможно, носилки. И книги. Или то, что от них осталось. Бумажные страницы, слипшиеся в серую массу, в которой уже не разобрать ни слова, но сам факт их присутствия говорил о многом. Эти люди принесли с собой знание. Они пытались строить, сажать, писать, сохранить культуру среди энтропии.

Элиза подошла к стене и провела пальцами по одному из рисунков, её лицо было бледным.

— Они рисовали детей, — тихо сказала она. — Смотрите.

Макс присмотрелся. Действительно: среди схематичных фигур были маленькие, держащиеся за руки с большими. Круги, возможно, изображали солнце, которого здесь никогда не было.

На одной из стен, среди прочих символов, виднелся чёткий геометрический рисунок: круг, рассечённый радиальными линиями, а в центре — правильное шестигранное отверстие.

В этих рисунках не было мастерства, но была правда. Правда о людях, которые пытались удержать свой мир на плаву, когда вокруг рушилось всё. Изображения детей, держащихся за руки, были не схемой, а молитвой, криком о том, что даже в самом сердце Пустоши может жить надежда.

— Они пытались растить здесь детей, — голос Мирабель дрогнул, но она справилась. — В этом месте. Как они могли?

— Они не могли, — ответил Олди, и в его голосе не было ни насмешки, ни цинизма. Только констатация факта. — Поэтому они и умерли.

Каспиан отошёл в сторону и вдруг вскрикнул. Макс рванулся к нему. Тот стоял у дальней стены, указывая на пол. Там, в углу, присыпанные песком, лежали останки ещё одного человека, судя по размеру, ребёнка. Рядом с ним, в истлевшей ладони, был зажат предмет, которого Макс не ожидал увидеть. Маленькая деревянная фигурка. Лошадка. Грубо вырезанная, с одной отломанной ногой, но ещё хранящая следы краски. Настоящей краски, а не системного пигмента. На маленькой деревянной лошадке сохранились крупинки этой краски — синей и

золотой. Синяя означала небо, которое они видели в последний раз, золотая — солнце, которого здесь никогда не было. Тот, кто вырезал эту игрушку, не просто коротал время, он вложил в неё всю свою тоску, всю свою веру в то, что в жизни есть место для красоты и волшебства.

— Они делали игрушки, — прошептал Каспиан. — Здесь. В аду. Они делали игрушки для своих детей.

Макс опустился на колени перед останками и осторожно, почти ритуально, поднял лошадку. Дерево было сухим, трухлявым, но ещё держало форму. Его «Взгляд» зафиксировал на нём микроскопические отпечатки пальцев, взрослого и детского. Последнее прикосновение, последняя попытка утешить.

— Они не просто выживали, — произнёс он, и его голос, обычно лишённый эмоций, дрогнул. — Они жили. До самого конца.

Олди, стоявший у входа, издал короткий, неопределённый звук. Он смотрел на стены, на рисунки, на кости, и его массивное лицо, высеченное из серого камня, впервые за всё время утратило выражение холодного расчёта.

— Это может стать нами, — сказал он глухо. — Мы бы тоже сидели здесь и рисовали пальцами по стенам, пока бы не сдохли.

Никто не ответил, потому что все знали: он прав.

Макс поднялся и подошёл к центральной стене, где рисунки были самыми густыми. Там, под слоем грязи, он заметил то, чего не увидел сразу. Буквы. Вырезанные глубоко, с усилием, словно писавший знал, что это его последние слова.

«Мы ушли из Города, потому что не хотели быть батарейками. Мы прожили здесь три года, сажали грибы в темноте, пили конденсат. Двое родились. Один остался. Если вы читаете это — значит, нас уже нет. Не верьте Системе, ищите Глубинный Огонь. Он где-то внизу, под песком и ржавчиной. Мы не успели найти».

Подпись внизу была почти стёрта, но Макс разобрал: «Мариус, хранитель последней библиотеки Первого Города, и его люди».

— Хранитель библиотеки, — прошептал он. — Один из первых.

Элиза подошла и встала рядом.

— Твой отец был Архивариусом, это его предшественник?

— Нет. Архивариус — это совсем другая роль, созданная Системой позже. Мариус был просто хранителем знаний. Он восстал против Системы ещё до всего этого, его изгнали одним из первых. Я читал о нём в закрытых архивах. Считалось, что он умер в первый же день, но он прожил три года. Здесь. С этими людьми. С детьми. — Голос Макса сорвался. — Он пытался найти Глубинный Огонь. И не смог.

— Что это? — спросила Элиза. — Глубинный Огонь?

— Место под Пустошью, источник до системной энергии. Говорят, он может питать целый город без помощи Системы. Мариус не успел его найти. — Макс помолчал. — Но мы... мы будем искать его.

— И найдём, — тихо сказала Элиза.

Макс не ответил. Он стоял, глядя на буквы, и понимал — они не первые. Они — звено в длинной цепи, тянущейся через десятилетия изгнаний. Каждое звено оставляло свой след — рисунки на стене, обглоданные кости, деревянную лошадку. И каждое звено что-то добавляло к общей сумме знаний. Мариус не нашёл Глубинный Огонь, но он знал, что тот существует. Его люди заплатили за это знание своими жизнями. Теперь знание перешло к ним, и использовать его было не правом, а долгом.

Мирабель, молчавшая всё это время, подошла к стене и прижала к ней ладонь, её губы беззвучно шевелились, словно она читала молитву. Затем она повернулась к Макс, и в её глазах стояли слёзы, первые за этот день, но голос, когда она заговорила, был твёрдым:

— Мы должны взять это с собой. Не вещи. Слова и рисунки. Как доказательство для тех, кто придёт после нас.

— После нас? — переспросил Каспиан. — Ты думаешь, кто-то придёт?

— Я думаю, — ответила Мирабель, — что если мы не верим в тех, кто придёт после, то чем мы лучше Системы?

Олди хмыкнул, но ничего не сказал. Он просто начал собирать уцелевшие инструменты: кирку, несколько ржавых гвоздей, моток медной проволоки, найденный в одном из углов. Практичный, как всегда.

Макс достал из-за пазухи тетрадь, которую всегда носил с собой ещё в Столице и которая была при нём в момент изгнания. В Министерстве он привык записывать важные мысли от руки, поскольку системные файлы могли стереть. Макс переписал туда надпись со стены. Он почувствовал холодок в груди. Действительно, поверить в то, что кто-то, кто не знает тебя, но придёт и прочитает твои слова, было актом почти религиозной веры, но именно эта вера и делала людей людьми. И поэтому он должен был сохранить эти слова для тех, кто придёт.

Затем Макс аккуратно оторвал от подкладки плаща кусок ткани и завернул в него деревянную лошадку.

Они ещё долго пробыли в лагере. Осматривали каждую хижину, но не нашли ничего, что могло бы немедленно помочь им выжить, только остатки одежды, пустые ржавые консервные банки и рассыпавшиеся в прах книги. Но он запомнил расположение лагеря, его структуру, его атмосферу, будто этот мёртвый островок среди Пустоши был посланием, отправленным через время.

Перед уходом, когда Каспиан задержался у порога, глядя на скелет у стены, Макс заметил, как изменился его взгляд. В нём не было прежней паники, а была какая-то странная, неуклюжая торжественность. Он впервые смотрел на смерть не как на угрозу, а как на свидетельство. Свидетельство того, что можно прожить жизнь даже в аду.

— Я думал, что мы особенные, — сказал он тихо. — Что нас изгнали, потому что мы — угроза, а теперь вижу: мы просто очередная партия шлама. Как эти. Как будут следующие.

— Нет, — ответил Макс, кладя руку ему на плечо. — Мы не очередная партия, мы те, кто прочитал их слова. Кто взял их инструменты. Кто понесёт их память дальше. Это делает нас другими.

Каспиан кивнул. Это был не просто кивок, это было обещание, данное самому себе.

— Я не умру здесь, — прошептал он, едва слышно. — Я умру, зная, что сражался. Но не так, как они, я дойду до конца.

В его словах не было громкой решимости, но была тихая, твёрдая вера, которая только начинала прорасти в нём.

Они вышли из лагеря и двинулись дальше, к Стеклольному лесу. За спиной остались мёртвые стены, рисунки детей, кости, имена, но теперь они несли их с собой, не как бремя, а как компас. И где-то впереди, под толщей чёрного песка и ржавых труб, пульсировало то, что искал Мариус и не нашёл, — Глубинный Огонь. Он ждал их.

Глава 7. Стекланный лес

Из-за остановки в поселении изгнанников до Стекланного леса они добрались лишь к ночи, когда серая муть Пустоши окончательно растворилась в непроглядной тьме. Разбив короткий лагерь у первых прозрачных стволов, хрупких, словно вырезанных из льда, все рухнули без сил, едва успев выставить дозорного. А когда небо снова подёрнулось блёклой заливкой, имитирующей рассвет, Макс проснулся и оглядел лагерь.

Остальные уже не спали. Каспиан пытался очистить свои шелка от чёрного песка, но грязь Пустоши обладала повышенной адгезией; она буквально въедалась в структуру ткани, превращая дорогой материал в жёсткую, ломкую корку. Каждое движение его пальцев оставляло на некогда роскошной одежде всё новые серые разводы, и он уже не пытался их стереть, просто водил руками механически, глядя в одну точку. Мирабель сидела и смотрела на Пустошь.

Олди стоял чуть поодаль и делал медленные, размеренные махи руками, то ли разминаясь, то ли выполнял боевые упражнения, знакомые ему ещё со службы. Его движения были тяжёлыми, но точными, лишёнными той хаотичности, которая сквозила в жестах остальных. Макс отметил, что герцог держится так, словно всё происходящее — не более чем очередная симуляция военной кампании, в которой он намерен выжить любой ценой. В Столице такие игры были популярны среди высшего сословия, и Олди, видимо, участвовал в них не раз. На его лице не было следов сна, только глубокие складки возле рта, ставшие ещё резче за ночь.

— Ты выглядишь так, будто уже составил план битвы, — заметил Макс.

— Планы — дерьмо, — отозвался Олди, не прерывая движений. — Важна дисциплина. Я не собираюсь подыхать, лёжа на боку. — Он остановился и обвёл взглядом прозрачные стволы. — Ты привёл нас в Стекланный лес, он выглядит как ловушка. Что дальше, Протоколист?

— Это источник ресурсов, — ответил Макс. — Там есть кабели с остаточным зарядом. Если мы сможем добыть хотя бы кусок, у нас будет тепло на несколько дней или больше.

— Тепло, — повторил Олди. — Это хорошо, холод забирает силы быстрее голода. Но если этот твой лес — ловушка, я хочу знать, что мы будем делать, когда она захлопнется.

— Бежать, — просто ответил Макс.

Олди хмыкнул.

— Честно, мне это нравится. Ладно, Протоколист, веди. Только держи этого идиота Каспиана подальше от всего, что блестит, он сегодня явно не в себе.

Макс обвёл группу взглядом, усилием воли подавляя собственную усталость, потом повернулся к лесу.

Это не было лесом в биологическом смысле. Это была застывшая попытка Системы воспроизвести эстетику природы, используя неподходящие библиотеки данных. Прозрачные стволы уходили вверх на десятки метров, их ветви переплетались в сложные математически выверенные фракталы. С первого взгляда это могло показаться красивым, но Макс, всмотревшись, увидел только глубинное уродство.

Его взгляд остановился на одной из ветвей, где, как призрак, застыла неподвижная птица. Она была похожа на ту, что сидела на железном штыре возле разбитого глайдера. Грубая 3D-модель с угловатыми крыльями застывшая в вечном стоп-кадре. Она не пела, не издавала щелчков, просто висела в неестественной позе, как программный сбой, случайно загруженный в эстетический код леса.

Стволы деревьев не имели текстуры коры; они были идеально гладкими, как лабораторные пробирки, и внутри каждого мерцали запертые электрические разряды — крошечные молнии, бившиеся о стекланные стенки.

Под ногами вместо травы торчали острые иглы прозрачного полимера, где каждая была точной копией предыдущей, без единого отклонения. Клонированный газон, созданный алгоритмом, который никогда не видел настоящей зелени.

— Красиво, — тихо сказала Мирабель, и в её голосе прозвучала тоска.

— Как витраж в соборе, — добавил Олди, прищуриваясь. — Помнишь витражи в Зале Совета, Протоколист? Те, что изображали битву Создателей с Хаосом?

— Помню, — ответил Макс. — Идём. Чем быстрее мы возьмём то, что нужно, тем быстрее уберёмся отсюда.

Они двинулись вперёд. Каждый шаг по стеклянному дёрну отдавался сухим, леденящим душу хрустом, звоном разбивающегося полимера, который тут же схлопывался в пыль, словно они разрушали нечто хрупкое и невосстановимое. Воздух в лесу был иным: он пах сухой пылью, как от давно выключенного сервера.

Макс шёл впереди, лихорадочно сканируя пространство. Он видел не красоту, а уязвимость. Стеклянные деревья не имели корней; они просто «втыкались» в слой чёрного песка, не имея никакой связи с почвой. Это была красивая, хрупкая и абсолютно мёртвая декорация. Каждое дерево было объектом с отключённой физикой, элементом окружения, которое должно было создавать иллюзию жизни, но не преуспело даже в этом.

Между деревьями громоздились остовы механизмов, чьё назначение стёрлось из памяти самой Системы. Это были останки машин, которые когда-то составляли механическую, прямолинейную логику мира, до того, как Система поняла, что эмоции дешевле. Тогда эти машины просто забыли удалить. Они застряли здесь, как неудачные черновики Творцов.

Олди подошёл ближе, осматривая шестерню с выражением скупого уважения.

— Тяжёлая работа, — сказал он. — Я видел такие механизмы в кузницах Нижнего Города до того, как их заменили системные контуры. — Он постучал костяшками по ржавому металлу, и звук получился глухим, низким. — А эти уже нет. Мертвецы.

— Не совсем, — возразил Макс. — Смотри.

Он указал на кабель толщиной с человеческую ногу, торчащий из центра шестерни. Внутри кабеля вместо медных жил пульсировали тусклые, затухающие нити оптического волокна — последние капилляры умирающей сети, по которым ещё текла информация, но уже слишком слабая, чтобы достичь адресата. Макс присел и осторожно коснулся кабеля, его интерфейс дёрнулся, выдавая слабый отклик.

— Здесь есть остаточный заряд, — Макс прищурился. — Если мы сможем отсечь кусок этого кабеля, у нас будет источник тепла на несколько дней, но нужно действовать аккуратно. Любая перегрузка — и лес отреагирует.

— Как отреагирует? — спросил Каспиан, нервно оглядываясь по сторонам.

— Плохо, — коротко ответил Макс.

Он достал свой кусок обшивки и начал осторожно надрезать оплётку кабеля. Работа была медленной, медитативной, каждое движение требовало предельной концентрации. Одно неверное касание могло замкнуть цепь и вызвать каскадный сбой.

Олди стоял над ним, скрестив руки на груди. Герцог не пытался помочь, но и не отходил, словно оценивал, насколько Протоколист компетентен.

— Долго ещё? — спросил он через несколько минут.

— Столько, сколько потребуется.

Каспиан не выдержал. Пока Макс возился с кабелем, Каспиан отошёл в сторону, заворожённый блеском стеклянной рощи. Его глаза, привыкшие к стерильному свету Столицы, жадно впитывали вид прозрачных стволов, внутри которых мерцали крошечные молнии. Он подошёл к одному из деревьев, протянул руку.

— Не трогай! — резко крикнул Макс, поднимая голову.

Мир перед глазами Макса на мгновение превратился в сетку угроз. Птица на ветке была не просто объектом, она была узлом сети. Тонкие, почти невидимые нити кода тянулись от неё к каждому стеклянному дереву в роще, создавая паутину, которая охватывала весь лес. Сенсорная решётка, настроенная на обнаружение любого физического взаимодействия.

Но Каспиан не услышал, его рука уже коснулась прозрачного отростка.

Тишина взорвалась.

Это не был звук в привычном понимании. Это был «системный звон», чистая, пронзительная частота, возникшая одновременно во всех точках пространства. Звук ударил по барабанным перепонкам.

Макс рухнул на колени, прижимая ладони к ушам, перед глазами всё поплыло. Интерфейс сошёл с ума, заливая сетчатку каскадами мусорных сообщений — красные, пурпурные, белые строки, наложившиеся друг на друга в нечитаемую кашу.

ВНИМАНИЕ: НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП К ОБЪЕКТУ «STATIC ASSETS 442» ЗАПРОС НА ВЕРИФИКАЦИЮ ОТПРАВЛЕН... АДРЕСАТ: УДАЛЁННЫЙ СЕРВЕР ЦИТАДЕЛИ

Он посмотрел на остальных. Мирабель кричала, но звука не было слышно за этим нечеловеческим гулом. Её рот был широко раскрыт, лицо искажено до неузнаваемости. Она качалась из стороны в сторону, обхватив голову руками, но это не помогало.

Каспиан, виновник катастрофы, застыл с протянутой рукой. Его лицо превратилось в маску невыносимого страдания. Пальцы, всё ещё сжимавшие стеклянную ветку, начали «плыть», кожа на них пошла рябью, как вода, в которую бросили камень. Код его тела вступил в реакцию с сенсорной решёткой, и теперь Система пыталась классифицировать его: живой объект или ошибка, требующая удаления?

Элиза стояла на коленях, зажимая уши ладонями. Она не кричала, её челюсти были сжаты с такой силой, что желваки на скулах выступили буграми.

Макс бросил взгляд в сторону Олди, ожидая увидеть такое же страдание, но герцог его удивил. Он стоял, широко расставив ноги, сжимая руками виски, и его лицо было бледным как мел, но в глазах горела ярость. Чистая, концентрированная ярость. Он не боролся с болью, он ненавидел её, и эта ненависть придавала ему сил.

— Проклятый идиот! — прохрипел Олди, глядя на Каспиана. Он сделал шаг вперёд, преодолевая сопротивление вибрирующего воздуха. — Ты всех нас угробишь своей тупостью!

Макс заставил себя подняться. Он зафиксировал то, что скрывалось за звуком. Звон был не просто акустическим эффектом. Это был исходящий сигнал. Каждое стеклянное дерево в этом лесу было антенной. Макс видел это с пугающей отчётливостью: тонкие лучи энергии, расходящиеся от всех стволов одновременно, складывались в гигантскую решётчатую структуру, уходящую в небо. Прикосновение Каспиана замкнуло цепь, и теперь лес «кричал» в пустоту, посылая запрос на удалённый сервер: «Здесь чужие. Здесь ошибки. Требуется вмешательство».

— Вставайте! — прохрипел Макс, хватая Элизу за плечо и буквально вздёргивая её на ноги. Его голос был почти не слышен за звоном, но он вложил в него всю оставшуюся силу. — Уходим! Быстрее!

— Что... что это... — она захлёбывалась словами, её шатало. Глаза были расфокусированы; она смотрела сквозь него.

— Мы активировали сигнал тревоги! — Макс перешёл на бег, увлекая её за собой. — Этот звон — не просто шум. Это маяк, он вызывает Антивирус.

Олди действовал быстро, без лишних слов. Он схватил Мирабель за локоть, не нежно, а жёстко, рывком, и потащил её за собой. Мирабель споткнулась, но Олди не позволил ей упасть; он дёрнул её вверх с силой, которая заставила её вскрикнуть от боли.

— Шевелись, женщина! — рявкнул он.

Макс бросил взгляд на Каспиана, тот всё ещё стоял у дерева, глядя на свою руку. Пальцы, коснувшиеся ветки, теперь светились изнутри слабым, голубоватым светом. Код его тела был инфицирован сигналом, и Система начала процесс верификации, который с высокой вероятностью закончится принудительным удалением.

— Каспиан! — рявкнул Макс. — Отпусти ветку и беги!

Эти слова вывели аристократа из транса, он отдёргнул руку, и светящиеся пальцы погасли. Каспиан бросился следом за группой, но его движения были дёргаными, как у сломанной марионетки, часть его кода уже была повреждена, и теперь Система с трудом отрисовывала его фигуру в пространстве.

Они бежали сквозь стеклянную рощу, и теперь она не казалась хрупкой. Острые иглы «травы» рвали их обувь и одежду, нанося глубокие царапины. Но боли почти не было, её вытеснял ледяной ужас осознания. Каждый шаг отзывался новым хрустом, и Макс краем глаза видел, как повреждённые иглы выпускают в воздух струйки серебристой пыли микрокода, который немедленно впитывался в атмосферу, добавляя новые сигналы к уже отправленному маяку.

Олди бежал бок о бок с Максом, его дыхание было тяжёлым, но ритмичным — дыхание тренированного солдата, а не загнанного аристократа. Герцог не тратил силы на проклятия; он просто бежал, и в его глазах, устремлённых вперёд, горела всё та же неутолимая злоба.

— Твой план с ресурсами провалился, Протоколист! — выкрикнул он на бегу.

— Я заметил!

— Тогда беги быстрее! И молись, чтобы у меня не возникло желания остановиться и набить морду Каспиану!

Макс оглянулся. На горизонте, там, где серое небо смыкалось с Пустошью, начали формироваться тёмные геометрически правильные воронки. Это были зоны принудительного удаления, очищающие процессы Системы, которые шли сюда, чтобы стереть всё, что вызвало резонанс. Воронки вращались с утробным, басовым гулом, который нарастал с каждой секундой, перекрывая даже системный звон.

Звон начал стихать, но на смену ему пришёл другой звук, тяжёлый, ритмичный гул, от которого содрогалась сама земля. Каждый удар отдавался в песке, и поверхность под ногами шла рябью, как вода. Это был звук приближающегося Антивируса, бездушного алгоритма, для которого они были лишь вредоносным кодом.

Макс видел его структуру: колоссальный, многопоточный процесс, перемещающийся в пространстве как облако деструктивных скриптов. Он не имел формы; он был функцией.

СТАТУС ПОГОНИ: АКТИВНО ВРЕМЯ ДО КОНТАКТА: 01:55

Они выскочили из рощи на открытое пространство чёрного песка, когда первая стеклянная ветка за их спинами рассыпалась в пыль под воздействием невидимой силы. Макс оглянулся и увидел, как целый сектор леса, где сидела застывшая птица, схлопнулся в одну точку, превратившись в облако блестящей пыли.

Макс бросил взгляд на ржавый остов, оставшийся позади. Обрывок кабеля, который он начал надрезать, всё ещё свисал из брюха шестерни. Но чёрная стена уже накрыла его край, и огни оптоволокну гасли один за другим, поглощаемые Антивирусом. Ресурс, за которым они шли, был потерян.

И в этот момент Макс увидел его.

Среди мёртвых корней и ржавых поршней, прямо перед ними, лежал стальной диск диаметром примерно три метра. Никаких следов износа, идеально ровный, матовый, словно вырезанный из другого мира. Сталь имела глубокий, матовый блеск, который не отражал серое небо, а словно впитывал его свет, поглощая фотоны без остатка.

— Это... это люк? — Каспиан, запыхавшись, упал на колени рядом с диском, его пальцы в окровавленных лохмотьях заскребли по поверхности. — Это должен быть путь обратно! Это должен быть технический шлюз! Мы спасены!

Олди подошёл ближе, тяжело дыша. Он оперся на свой прут и оглядел диск с выражением скептического интереса. Потом провёл пальцами по краю диска.

— Это не системный металл из тех, что я знаю. Это вообще не металл, точнее, не тот металл, который Система использует для своих конструкций. Он старше.

— Старше? — переспросила подбежавшая Мирабель. Её голос дрожал, но в нём уже не было паники, только любопытство, смешанное со страхом. — Что это значит?

— Это значит, что люк был здесь до Системы, — ответил Макс.

Он присел на корточки рядом с диском, его пальцы коснулись стали. Он провёл пальцами по краю и нащупал едва заметное углубление, маленькую пластину из матового стекла. Под стеклом тускло мерцал датчик.

— Что это? — спросил Каспиан, наклоняясь ближе.

— Датчик, — ответил Макс. — Он не реагирует на код.

— И что нам делать? — спросила Элиза. Она стояла чуть поодаль, и её глаза были прикованы к диску. — Мы не можем его взломать, у нас нет инструментов.

Макс не ответил. Он смотрел на диск, на датчик, на приближающиеся воронки. И в его голове начала складываться картина. Эта картина была смутной, но она была.

— Я попробую, — сказал он. — Но сначала мы должны пережить эту волну.

Глава 8. Люк

Гул Антивируса нарастал. Земля под ногами начала мелко дрожать, как корпус работающего на пределе сервера, вибрирующий от перегрузки.

— Отходим! — рявкнул Макс. — Все от диска! Быстро!

Олди снова схватил Мирабель за локоть и рванул в сторону, к грудке ржавых шестерён, где туман был гуще. Элиза побежала следом. Каспиан, вскрикнув, бросился за ними, спотыкаясь об иглы стеклянной травы. Макс бежал последним.

Антивирус не шёл за ними, он просто расширял зону небытия, методично, как бездушный алгоритм, которым он и являлся. Макс чувствовал это затылком: холодный фронт удаления стирал застывшие текстуры Стеклового леса, превращая их в ровную серую заливку.

Они уже не бежали, а стояли в тумане, вжимаясь в него, как звери. Макс считал удары сердца. Пятьдесят три. Пятьдесят четыре. Пятьдесят пять.

Они замерли, даже дышали через раз. Туман Пустоши, насыщенный обрывками удалённых данных, искажал любые сенсоры. Если не двигаться, то Антивирус принимал тебя за фоновую статику.

Он прошёл мимо — огромная, безликая стена из чёрных кубов, перестраивающихся в гексагональные структуры. Она двигалась с неестественной скоростью, оставляя за собой шлейф из битых пикселей. Там, где эта стена касалась реальности, реальность исчезала.

Макс подождал ещё минуту, затем ещё одну.

— Ушёл, — выдохнул он.

Олди медленно опустил свой прут, его лицо было перепачкано кровью и потом, но в глазах горел мрачный триумф.

— Мы живы, — произнёс он. — Вопреки всему.

— Да, — ответил Макс, переводя дыхание. — Но это было близко, слишком близко.

Он посмотрел на Каспиана, который сидел на песке, обхватив голову руками. Пальцы, касавшиеся стеклянной ветки, всё ещё слегка светились голубоватым оттенком, который медленно угасал. Код его тела был повреждён, Система пыталась классифицировать его как «ошибку», но процесс верификации, видимо, прервался из-за потери сигнала в тумане.

— Если он ещё раз так сделает, я его сам убью, — сказал Олди, глядя на Каспиана. — Без помощи Системы.

— Согласен, — ответил Макс. — Но сначала нам нужно вернуться к диску, пока Антивирус не вернулся.

Они двинулись обратно сквозь туман. Стекловый лес теперь выглядел иначе, не как застывшая красота, а как поле боя. Половина деревьев исчезла, превратившись в облака серебристой пыли, которая всё ещё висела в воздухе, раздражая лёгкие. Другая половина была повреждена, в стволах зияли трещины, из которых сочился слабый, пульсирующий свет. Стеклянная «трава» под ногами была сплавлена в твёрдую, хрупкую корку, которая хрустела при каждом шаге.

Диск лежал на прежнем месте. Идеально ровный, матовый, не тронутый дефрагментацией. Он выделялся на фоне разрушенного леса, как артефакт из другого мира, более плотного, более тяжёлого, более настоящего.

Мирабель подошла ближе, с опаской разглядывая матовую поверхность.

— Может, это ловушка?

— Ловушка не ждала бы нас сотни лет, — ответил Макс.

Он опустился на колени и провёл рукой по холодному металлу, нащупывая неровности. Край диска не был гладким, под пальцами обнаружилась едва заметная вмятина, а в ней тускло

мерцающая пластинка. Ни кнопок, ни сенсоров, просто стекло, под которым угадывалось слабое свечение.

Макс присмотрелся. Внутри, в глубине датчика, что-то пульсировало.

— Он не реагирует на прикосновение, — сказал Макс, пробуя нажать на пластину. — И не требует пароля.

— Может, нужен ключ? — предположил Каспиан, выглядывая из-за плеча Олди.

— Нет. Это что-то другое. Биометрия? — Элиза стояла, не решаясь приблизиться.

Макс покачал головой и приложил ладонь к датчику плашмя. Ни щелчка, ни вспышки, только тупая вибрация, отдающая в ладонь.

— Он ждёт ритм, — сказал Макс, убирая руку. — Настоящий, живой, который нельзя подделать кодом.

Макс вдруг вспомнил рисунок, который он видел в лагере изгнанников. Круг с шестигранным центром. Теперь он понял: те люди видели этот люк. Может быть, даже пытались его открыть, но у них не было нужного ритма — Система не вписала его в их сердца.

— И у кого он есть? — спросила Мирабель.

— У всех, кто родился в Столице, — ответил Макс. — Но здесь, в Пустоши, он сбивается. Стресс, усталость, сам факт изгнания, всё это меняет пульс. Датчик требует идеального совпадения с исходным кодом, у большинства из нас его больше нет. — Он помолчал и добавил: — У меня, кажется, ещё сохранился, но диск молчит. Значит, нужно что-то ещё.

Макс поднялся и отряхнул колени.

— Он не работает, — констатировал он. — По крайней мере, сейчас.

— Дай мне попробовать, — Каспиан вскинул руки, и в его ладонях снова начал формироваться сгусток голубого света. — Я чувствую здесь энергию, если я подам сигнал, он откроется.

— Не надо, — резко сказал Макс.

Но Каспиан уже не слушал. В панике он выбросил вперёд руку, пытаясь вызвать меню жестом, который в Столице открывал любую дверь. Остаточный код, всё ещё теплившийся в его нейроинтерфейсе, сорвался с пальцев слабым голубым импульсом. Искра вонзилась в центр стального круга и исчезла. Без вспышки и без звука. Диск поглотил системный запрос, как пустота поглощает свет.

— Система... она не принимает код... — Каспиан уставился на свои пустые ладони. Его лицо начало сереть, теряя остатки цвета. — Она съела мою искру, она съела всё.

Макс смотрел на него. Тонкая золотая нить, связывавшая Каспиана с его магическим ядром, лопнула и исчезла в недрах стали. Диск просто высосал из него частицу жизненной силы и не отдал ничего взамен.

— Бесполезно, — выплюнул Олди. — Это просто железяка, надо искать другой выход, пока нас не нагнали.

Послышался гул, Антивирус надвигался снова. Та же чёрная стена, то же беззвучное стирание всего, к чему она прикасалась.

— Макс, сделай что-нибудь! — взвизгнула Мирабель. Её голос сорвался, и она сжалась в комок, обхватив голову руками.

— Проклятье, — процедил Олди.

Время для Макса замедлилось. Он отсекал визуальный шум, отсекал уведомления нейроинтерфейса, которые вопили об опасности. Он отключил всё, кроме осязания.

Пальцы коснулись стали.

Холод. Но не мёртвый холод Пустоши. Этот был холодом инструмента. Такой холод Макс ощущал только однажды, в детстве, когда отец впервые дал ему подержать семейный меч, выкованный из до системной стали.

Пальцы сами легли в знакомое углубление, датчик под матовым стеклом всё так же ждал — не кода и не пароля, а ритма. Макс приложил ладонь к датчику.

Датчик мигнул красным.

ОШИБКА ИДЕНТИФИКАЦИИ РИТМ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ПРОТОКОЛУ «АРИСТОКРАТ» ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН

— Что он делает? — прохрипел Олди, глядя на застывшего Макса. — Он молится? Сейчас?!

— Заткнись, — тихо сказала Элиза, опускаясь на колени рядом с Максом. — Дай ему минуту.

— У нас нет минуты!

— Заткнись, — повторила она, и в её голосе было столько льда, что Олди осёкся.

— Макс, пожалуйста... — Элиза прижалась к его плечу, её дрожь передалась ему, пульсируя, как затухающий сигнал.

Макс не слышал никого. Он слышал только такт маятника — тик, так, тик, так. Шестьдесят ударов в минуту.

Он вспомнил.

Кабинет отца. Запах старой бумаги, тяжёлые шторы, которые никогда не пропускали фальшивый свет Столицы. Отец сидел в кресле, и его дыхание было настолько ровным, что казалось частью механики старинных часов на стене. «Сын, запомни. Система может контролировать твои мысли, но ты должен контролировать свою плоть. Настоящий аристократ держит ритм сердца даже тогда, когда мир вокруг него распадается на полигоны. Они могут отнять у тебя интерфейс, могут удалить твой статус. Но пока твоё сердце бьётся в такт, ты — хозяин своей реальности».

Он переключился, выровнял дыхание.

Датчик под его ладонью сменил цвет. Из агрессивно-красного он стал мягким, янтарным.

РИТМ СТАБИЛИЗИРОВАН ИДЕНТИФИКАЦИЯ: МАКСИМИЛИАН, ПРОТОКОЛИСТ ВТОРОГО РАНГА СТАТУС: ПРИЗНАН

Стальной диск вздрогнул. Глубоко под землёй провернулись гигантские шестерни.

Каспиан смотрел на люк с выражением священного ужаса, как паломник, узревший врата в иной мир.

Олди опустил свой прут, его лицо, искажённое недавней готовностью к смерти, медленно разгладилось. Он посмотрел на Макса, и в его взгляде впервые промелькнуло нечто, отдалённо похожее на уважение.

— Ну, Протоколист, — произнёс он, — ты полон сюрпризов.

Люк начал медленно проваливаться вниз, превращаясь в винтовую лестницу, уходящую в темноту. Ступени были широкими, грубо отлитыми из того же матового металла. Из открывшегося проёма пахло чем-то невозможным для Пустоши.

Запахом пыли. Настоящей органической пыли, которая оседает на книгах, на мебели, на воспоминаниях. И ещё — запахом старого железа, такого же старого, как этот люк.

— Быстрее! — скомандовал Макс, хватая Элизу за талию и подталкивая её к проёму.

Она вскрикнула, но послушно подалась вперёд, исчезая в темноте. Следом, не дожидаясь приглашения, ринулся Олди, и его тяжёлое тело загромыhalo по ступеням.

— Быстро, быстро! — Макс подтолкнул Мирабель и Каспиана.

Они, цепляясь друг за друга, как слепые котята, нырнули в проём.

Макс прыгнул последним. В тот самый момент, когда чёрная кубическая стена Антивируса уже нависла над краем люка.

Стальной диск начал закрываться.

Макс стоял на холодных ступенях, глядя вверх. Он видел, как чёрные кубы Антивируса проходят над отверстием, перестраиваясь, сканируя, ища, но они не могли проникнуть внутрь.

Для Системы этой стальной крышки просто не существовало. Она была вне её юрисдикции, вне её кода.

Последний сегмент люка встал на место. Лязг металла по металлу поставил точку в их бегстве.

Они оказались в абсолютной темноте.

— Мы живы? — голос Каспиана в темноте звучал крошечным, почти детским. Он дрожал и срывался на каждом слоге.

— Живы, — отозвался Олди откуда-то снизу. Его голос был хриплым, но в нём слышалось искреннее изумление. — Чтоб меня... живы. Протоколист, если мы выберемся отсюда, я, возможно, даже поблагодарю тебя. Возможно.

Мирабель всхлипнула. Элиза молчала, но Макс чувствовал её присутствие рядом, её дыхание было быстрым, но уже не паническим.

Он протянул руку и коснулся стены. Стена была из холодного, грубого бетона. Без фильтров. Без текстур. Он провёл пальцами по шершавой поверхности и почувствовал, как под ногти забивается настоящая, мелкая крошка. Не графитовая пыль Пустоши, а обычная строительная грязь.

— Мы внизу, — ответил Макс. Его голос впервые за всё время потерял холодную протокольную точность. Он стал человеческим — усталым, хриплым, но живым. — Добро пожаловать в Бункер.

Глава 9. Склад 8

Запах почувствовался раньше, чем зрение обработало входящий сигнал.

Это не был стерильный приторно-сладкий «запах безопасности», который Система впрыскивала в вентиляцию каждые четыре часа, чтобы поддерживать индекс удовлетворённости на уровне 99.8%.

Здесь воздух был живым.

Макс сделал шаг, и его подошва отозвалась настоящим, честным скрежетом по металлу. Рифлёная сталь. Покрытая слоем многолетней пыли, но сталь. Тяжёлая, настоящая.

Системный интерфейс в углу его сознания мерцал красным, пытаясь подгрузить данные о локации.

ОШИБКА 404: ОБЪЕКТ ВНЕ РЕЕСТРА СТАТУС ОБЪЕКТА: НЕ ОПРЕДЕЛЁН

Макс замер, давая организму привыкнуть к новой среде. Здесь не было гула серверов, не было мерцания голографических панелей. В Столице тишина была невозможна: даже в пустых коридорах гудели системы вентиляции, мониторы издавали едва слышный писк, а нейронные сети обрабатывали триллионы запросов в секунду, создавая постоянный, почти незаметный, но всепроникающий шум.

Здесь была только тишина.

— Мой нейросетевой фильтр... он заглох, — Мирабель привалилась к стене, прижимая ладони к вискам. Пальцы на её руках дрожали, но не от холода, а от отсутствия привычного сигнала. — Макс, почему здесь так тихо? Где гул роя?

Она привыкла к нему с рождения, постоянному низкочастотному фону, который Столица транслировала в каждый нейроинтерфейс. Гул означал, что сеть жива, Система работает.

В Пустоши гул роя тоже был — рваный, с помехами, но он присутствовал, как напоминание об умирающей сети. Здесь же, в «Слепой зоне», он исчез полностью. Мирабель, привыкшая к этому фоновому шуму с рождения, восприняла его отсутствие как невыносимую тишину.

— Рой не видит это место, — Макс не оборачивался.

Он смотрел вперёд, туда, где в центре огромного, заставленного ящиками пространства горела одна-единственная лампа. Она вспыхнула автоматически, когда они переступили порог, древние датчики движения всё ещё помнили своё предназначение.

Её свет не был «идеальным освещением без теней», как в Столице. Он был жёлтым, грязным, иногда пульсирующим. Он создавал глубокие, уродливые тени, которые тяжело вздыхали на стенах, когда лампа мигала. Каждая тень была неправильной, сломанной, не подчинявшейся законам системной оптимизации. Тени в Столице были идеально круглыми, рассчитанными алгоритмами освещения. Здесь тени вытягивались, ломались, дрожали в такт миганию лампы, напоминая о том, что свет — это физический процесс, который может давать сбой.

— Добро пожаловать в «Слепую зону», — сказал Макс.

Олди прошёл мимо него, волоча за собой обломок арматуры. Он не смотрел на стены или потолок, он смотрел на ящики, на их содержимое. На возможную добычу.

— Здесь нет кода, — выдавил из себя Олди.

— Мы здесь — просто люди, Олди, — тихо произнесла Элиза.

Голос её затих, и в наступившей тишине взгляд упал на старый граммофон, стоящий в углу. Она медленно, будто боясь потревожить спящих призраков, подошла к нему. Он был массивным, с большим раструбом, напоминающим увядший цветок. Она провела пальцем по холодному, запылённому корпусу, ощущая шершавую поверхность старого металла. Игла на пластинке была погнута, словно её согнули в чьей-то злой или отчаянной руке. Граммофон молчал, но в этой мёртвой тишине ей вдруг почудились отголоски давно забытых вальсов и голоса людей, которые смеялись здесь, не зная, что Система скоро сотрёт их из реальности.

Пока Элиза была поглощена граммофоном, Макс перевёл взгляд на стол, стоящий в центре зала. Он подошёл ближе, погружённый в гнетущую тишину. Взгляд его упёрся в старый металлический кофейник, грубый, потускневший, покрытый слоем пыли. Он осторожно обтёр его рукавом. Сквозь паутину времени проступил тусклый блеск стали. Кофейник был собран на совесть: с керамическими изоляторами и толстым нагревательным элементом, рассчитанным на века. В этом убежище, где воздух оставался сухим, даже древняя техника не сдалась.

На краю стола Макс заметил герметичную банку. «Кофе растворимый», — прочёл он полустёртую надпись. С трудом открыв банку, Макс увидел внутри сероватый, слипшийся комок — мёртвый, но сохранивший горьковатый, манящий запах.

Он огляделся и заметил в углу штабель старых, покрытых пылью канистр с технической водой. Канистры были герметично закрыты. Отвинтив крышку одной из них, Макс с облегчением услышал запах чистой, не испорченной влаги. Он налил воду в кофейник, затем нашёл у стены старую розетку. Макс с сомнением посмотрел на неё, электричество в этом забытом бункере было под вопросом, но раз лампа горела, стоило попробовать.

На удивление, кофейник работал. Он загудел низко, надёжно, словно проснувшись после долгого сна. Через несколько минут вода закипела, Макс заварил напиток и протянул кружку Элизе.

Он наблюдал. Системный ореол Элизы, слабый полупрозрачный нимб, который всё ещё теплился вокруг неё, дрогнул. Сначала Макс подумал, что это сбой. Но нет. Ореол не гас, он менял структуру, становился плотнее. Он переставал быть системным, он становился человеческим.

— Это... странно, — прошептала Элиза, но сделала ещё один глоток. — На вкус как пересошенные сухофрукты, но это честно.

Каспиан сидел на полу возле одного из стеллажей. Его лицо было бледным, почти прозрачным. В Столице он считался мастером эфирных потоков, здесь же он был просто тенью самого себя — испуганным и беспомощным. Его системный ореол, когда-то ярко-золотой, символ его ранга, теперь едва теплился, и каждое его движение, каждое вздрагивание гасило его ещё немного.

— Мы умрём здесь, — Каспиан смотрел в пустоту. Голос его звучал плоско, без интонаций. — Как только мы выйдем наружу, Антивирус нас сотрёт. А если не выйдем, то мы заживо сгниём в этой пыли. Макс, зачем ты нас сюда притащил? Чтобы мы почувствовали вкус смерти перед тем, как она наступит?

— Я притащил вас сюда, потому что это место — системная ошибка, — голос Макса звучал как сухой протокол. Он чувствовал, как его собственный системный ореол начинал «заикаться». Сообщения приходили с задержкой, слова расплывались. — Склад 8. По документам Архива его стёрли двести лет назад во время Великой Оптимизации, но он здесь, он материален. Вес этих ящиков, объём этого воздуха не учитываются в балансе ресурсов Системы.

Он подошёл к ближайшему стеллажу и рывком вскрыл крышку деревянного ящика. Доски поддались с глухим треском, внутри, в опилках, лежали железные банки.

— Тушёная говядина, — сказал он, поднимая одну банку. Консервы. Образцы эпохи до Великой Прошивки. Здесь еды на полгода. Никаких налогов радостью, никаких обновлений статуса.

— Значит, мы можем просто сидеть здесь? — Мирабель подняла голову. В её глазах на миг вспыхнула слабая надежда, похожая на затухающий пиксель.

— Мы можем сидеть здесь, — отрезал Макс. — И смотреть, как мир за стенами этого бункера окончательно превращается в плоскую текстуру. Или мы можем понять, почему это место существует.

Они принялись проверять ящики. Вскрывали один за другим, дерево поддавалось с глухим треском, из щелей сыпалась многолетняя пыль. Внутри оказалось всё, что нужно для

выживания в мире без Системы: консервы, соль в герметичных банках, спички в промасленной упаковке, а в дальнем углу — целый запас старых свечей, спрессованных воском и временем. Макс складывал находки на верстак, и с каждым предметом в груди росла смутная, неразборчивая надежда. Но когда он заглянул в последний ящик, его руки на мгновение замерли.

Он вытащил из ящика нечто тяжёлое, завёрнутое в промасленную бумагу. Развернул. Холодный блеск воронёной стали разрезал полумрак.

Это был старый револьвер. Крупный, массивный, с длинным стволом, на рукояти потускневшая гравировка: «Модель 12-7. Завод Молот. Год выпуска: 2128. Коллекционная партия». В то время такое оружие уже не использовалось, его выпускали как коллекционное, как напоминание об эпохе, когда мир был физическим. Он взвесил оружие в руке, почти килограмм чистого металла, не отягощённого ни единым байтом кода.

Тяжесть была безупречно честной. Никаких чипов, никаких сенсоров, никаких потайных кнопок — просто сталь и дерево.

Он вдруг остро осознал контраст. Тридцать лет он прожил, не замечая, что его собственное тело напичкано электроникой гуще, чем этот револьвер металлом. Имплант в глазу, процессоры в мозгу, симбиотическая микрофлора в крови — всё это ощущалось им как «я сам», как дыхание, как сердцебиение. Только здесь, в окружении мёртвых вещей, он впервые почувствовал себя настоящим.

Олди подошёл ближе, его глаза сузились, как у хищника, увидевшего добычу.

— Ты хочешь воевать с Системой при помощи куска железа? Макс, ты сошёл с ума. Это как пытаться зарезать бога ржавым гвоздём.

— Система — это не бог, Олди. Это алгоритм. — Макс взвёл курок. Щелчок механизма прозвучал в тишине склада как выстрел. — А у любого алгоритма есть аппаратная часть.

Все в комнате смотрели на револьвер. Каждый из присутствующих, сломленный аристократ, привыкший к комфорту симуляции, сейчас смотрел на этот кусок стали, как на инородное тело, пробившее их реальность.

Элиза медленно поднялась. Её рука, ещё недавно привыкшая лишь к вееру и кубку, потянулась к рукояти револьвера.

Макс не отдал оружие, он держал его в руке, глядя на неё в упор.

— Вопрос не в том, сможем ли мы победить, — сказал он. — Вопрос в том, кто из вас готов перестать быть файлом и стать материей.

Она не отвела взгляда.

— Я готова.

Макс передал ей револьвер. Она приняла его обеими руками, вес оружия опустил её руки вниз, но она не дрогнула. Пальцы сомкнулись на рукояти.

В этот момент сверху, из шахты, донёсся удар. Звук скатывался по лестнице, сотрясая металл и бетон. Вибрация прошла через пол, через стены, через их тела.

ОБНАРУЖЕНО ВНЕШНЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ ЗАПРОСА: ПРОВЕРКА ЦЕЛОСТНОСТИ

Интерфейс в глазах Макса на секунду стал кристально чистым, но не потому, что Система восстановила связь, а потому что она пыталась пробиться.

— Они не могут войти сюда, пока мы не признаем их право на это, — быстро сказал Макс. — Не думайте о Системе, не вызывайте меню. Если кто-то из вас сейчас попытается активировать хотя бы один системный навык — люк наверху откроется.

— Она выломает люк! — вскрикнул Каспиан, пятясь назад, в тень.

Удар повторился, сильнее. Где-то над ними металл люка прогнулся с жалобным скрежетом, создавая уродливый бугор. Металл жалобно скрипнул.

Элиза сжала рукоять револьвера побелевшими пальцами. Её лицо было бледным, но глаза... в них больше не было холода золотой клетки. В них был расчёт.

— Макс, — тихо сказала она. — Если это место слепая зона, то, что находится под нами?

Макс замер и посмотрел на пол. На тяжёлые плиты, уходящие в темноту под стеллажами. Его системный анализ выдал короткий, но чёткий импульс:

ГЛУБИНА: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА СТРУКТУРА: НЕИЗВЕСТНА

Но «Взгляд Протоколиста» — та способность, которую он до конца не понимал, но которая никогда не лгала, уловил нечто иное. Под плитами, в толще бетона и стали, пульсировало что-то тёплое. Что-то, что не могло быть создано Системой, потому что Система не умела создавать тепло, она умела только его распределять.

Макс опустился на колени и приложил ладонь к полу. Бетон был прохладным, шершавым. Он прижался щекой к полу, закрывая глаза.

— Там есть шум, — прошептал он.

Новый удар заставил лампу над столом лопнуть. Стекло разлетелось осколками, посыпавшись на кофейник, на опилки, на их руки, свет погас. Полная темнота.

И в этой темноте, из-под тяжёлых плит, донёлся звук. Гул механизма, который не должен был существовать в мире, где всё — лишь код. Он не был электронным, он был механическим. Шестерни, которые вращались в темноте, двигатели, которые работали без питания. Что-то, что жило само по себе, вне Системы, вопреки ей.

Макс поднял голову. В темноте он не видел лиц остальных, но слышал их дыхание, быстрое, неровное, испуганное. Слышал, как Мирабель всхлипнула, как Каспиан затаил дыхание, как Олди медленно выдохнул от напряжения.

— Под нами, — голос Макса звучал как приговор, — находится ответ на вопрос, зачем нас на самом деле изгнали.

Они стояли и слушали, как мир за стальной дверью бьётся в конвульсиях. А внизу, в недрах этого забытого бункера, что-то ждало.

**ВНИМАНИЕ: ЗАФИКСИРОВАНО АНОМАЛЬНОЕ ТЕПЛОВОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ
ИСТОЧНИК: УРОВЕНЬ-1 РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ**

Макс протянул руку к верстаку, на ощупь, по памяти, и нашупал коробок со спичками и одну из свечей, которые они только что нашли в ящиках. Чиркнул. Сухой, резкий звук прорезал тишину, и маленький язычок пламени осветил ближайший угол. Макс поднёс свечу к огню, и через мгновение дрожащий живой огонь разогнал мрак, выхватив из темноты старый верстак и стену за ним.

Теперь он увидел то, чего не заметил раньше: в углу, возле стены, лежала старая тетрадь. Макс подошёл, взял её в руки. Кожаный переплёт был шершавым и прохладным, выцветшие чернила едва угадывались в неровном свете свечи. Он раскрыл тетрадь — и прочитал слова, написанные дрожащим, но твёрдым почерком:

«День 1. Мы уходим. Система нас не найдёт, но она идёт по следу. Не доверяй тишине».

Макс замер. Почерк показался ему чудовищно знакомым, словно он сам выводил эти буквы много лет назад, забыв о них на следующее утро. Кожаный переплёт под пальцами был тёплым, почти живым, и это тепло отдавало памятью.

Макс захлопнул тетрадь и сунул её за пазуху.

Элиза стояла с револьвером в руке, и её тень на стене была длинной, новой, словно она только начинала обретать вес. Огонь свечи выхватывал из темноты не только лица. Свет свечи падал так, что они заметили то, что не могли заметить при свете лампы. Прямо под ногами, у стены, одна из бетонных плит пола была чуть смещена, словно кто-то поднимал её и возвращал на место, не заботясь о том, чтобы скрыть следы.

Он опустился на колени, пальцы скользнули в щель, нащупали холодный, шершавый край плиты. Бетон поддался с глухим скрежетом. Под плитой открылась неглубокая ниша, выложенная из того же серого бетона, и в ней, среди сплетения старых, изъеденных временем кабелей, лежал предмет.

Макс протянул руку и, едва коснувшись, почувствовал холод. Он извлёк находку на свет.

Это был массивный заводной ключ, такой же, какими когда-то заводили старинные часы. Шестигранная головка, изогнутая рукоять. Ни царапины, ни следа времени. Он выглядел так, словно вышел из заводского цеха минуту назад, хотя всё вокруг рассыпалось в прах. Ключ ничего не весил в системном реестре, не имел хэша, не откликался ни на один запрос интерфейса, он просто существовал.

Элиза посмотрела на ключ, потом на Макса:

— Что это?

— Не знаю, — ответил он. — Но это не часть Системы, она его не видит.

Он сжал рукоять, чувствуя, как холод перетекает в пальцы, и заложил ключ за пояс.

— И что нам теперь с ним делать? — спросил Каспиан.

— Доживём до завтра, — сказал Макс. — А там посмотрим, зачем он здесь.

Глава 10. Разведчик

Завтра наступило не сразу. Оно пришло через часы, заполненные тяжёлой тишиной, храпом Олди и мерным дыханием остальных. Макс не спал, он сидел у стены и ждал рассвета, которого здесь никогда не было. Но пока он ждал, Система, там, за пределами слепой зоны, не ждала. Она уже начала свой отсчёт, и её отсчёт начинался с эха.

Эхо от прикосновения Каспиана к прозрачному стволу в Стеклянном лесу не утихло, оно ушло в недра Системы, как сигнал тревоги. Когда Антивирус накрыл лес и принялся стирать его с лица Пустоши, он не нашёл тех, кто активировал ловушку. Макс и его группа исчезли, ушли сквозь люк в Слепую зону, где кода не существовало. Но Система зафиксировала факт: в прилегающем секторе произошла несанкционированная активность. Антивирус прошёл по следу, но след оборвался.

Для Системы это означало только одно: источник аномалии существует, но его координаты скрыты.

Однако был и ещё один след, который оставил Каспиан, когда его отчаянный импульс поглотила сталь люка. Система уловила его не как физическую вибрацию, а как вспышку знакомого кода в месте, где кода быть не должно, и этого оказалось достаточно, чтобы её сенсоры нацелились на эту зону. Она запустила повторное сканирование сектора. Именно оно, спустя несколько часов, нащупало микроскопическую неоднородность на краю бункера.

И эта неоднородность стала точкой опоры для её поискового сигнала. Волна, посланная Системой, ударилась о слепую зону, не смогла пробить стены, но её отголосок, низкий, настойчивый гул, просочился сквозь бетон и сталь.

Макс замер, прислушиваясь. Он видел, как вибрация проходит сквозь бетон, как она огибает стальные балки, как она замедляется у толстых стен, но не исчезает. Это был поиск. Система прощупывала бункер, пытаясь найти ту единственную трещину, через которую можно было бы проникнуть внутрь.

Внезапно наступила тишина.

Эта тишина была страшнее грохота. Грохот означал попытку взломать физическую оболочку. Тишина означала, что Система перестала пытаться взломать стальной люк и нашла путь в обход.

— Протокол «Тишина», — голос Макса был лишён эмоций, сух и точен, как отчёт об ошибке. — Всем замереть.

Элиза подчинилась мгновенно, она почти перестала дышать, её движения стали почти незаметными. Каспиан, наоборот, дёрнулся, пытаясь найти укрытие за стеллажом, но в этот раз Макс заметил нечто большее, чем просто панику.

Каспиан не просто боялся. Его нейроинтерфейс, давно отключённый от Системы, всё ещё хранил в себе устаревшие протоколы связи. Когда он запаниковал, его подсознание рефлекторно попыталось вызвать меню, привычный жест спасения, отработанный годами в Столице. И этот жест, даже не завершённый, даже не отправивший запрос, создал крошечный, едва уловимый резонанс. Сигнал, который Система, сканирующая бункер снаружи, уловила как неопознанный отклик.

Мир вокруг начал «заикаться». Кадры реальности накладывались друг на друга с едва заметной задержкой, тени отставали от предметов, свет запаздывал на доли секунды, создавая эффект двойного зрения. Это было похоже на старый, повреждённый фильм, где каждый кадр пытается перезаписать предыдущий, но не может.

В углу, за старым граммофоном, где тени должны были быть самыми густыми, реальность пошла «зерном». Пиксели замерцали, затем схлопнулись. Там, в слепой зоне, куда не падал прямой свет, материализовалось Оно.

Это не было существом в привычном понимании. Это был искажённый силуэт, обретший объём. Оно не вошло в люк — оно просто «подгрузилось» в пространство, возникнув из ниоткуда, словно битый пиксель на идеальном экране. Силуэт был зыбким, его края постоянно пересчитывались Системой, пульсируя между состояниями «существовать» и «не существовать», создавая эффект пугающе плавного, нечеловеческого движения.

Макс смотрел на силуэт и видел его структуру. Это был маркер, посланный Системой, чтобы наметить цели для окончательного удаления.

Мирабель вскрикнула. Звук сорвался на высокой ноте, разорвав тишину как сигнал тревоги, но она тут же затихла под тяжёлым взглядом Макса.

Олди схватил свою тяжёлую стальную арматуру. Его мышцы напряглись. Олди был зол, но гнев в этом месте был топливом, а не оружием.

— Положи это, Олди, — приказал Макс, не оборачиваясь. Его голос был ровным, как лезвие. — Ты не сможешь ударить то, что не имеет физической массы, ты только подтвердишь свои координаты. Вся твоя ярость сейчас — это сигнал.

Олди выпустил арматуру из рук.

Антивирус-разведчик повернул голову. Движение было слишком гладким, лишённым инерции живого тела. Существо не моргало и не дышало. Оно просто смотрело пустыми глазами, в которых не было зрачков, только бесконечная глубина серого шума.

— Стойте. Не двигайтесь, не дышите громко, — Макс чеканил слова, вводя группу в состояние принудительной статики. Каждое слово было командой, произнесённой на частоте, которую Система не воспринимала как угрозу, потому что она не содержала кода.

Он сделал шаг вперёд. Не к силуэту, а чуть в сторону. Это был манёвр уклонения, попытка увести внимание программы от дрожащих людей за его спиной.

Разведчик последовал за ним взглядом, пустые глазницы повернулись. Он сканировал.

Макс буквально кожей чувствовал, как невидимый луч проходит сквозь его тело, считывая пульс, плотность тканей, остатки нейронных связей. Это не было болезненным — это было странным ощущением, когда тебя разбирают на составные части и собирают заново, но неправильно.

Он смотрел на существо и видел, как золотые нити вокруг самого разведчика начинают слабо мерцать. Они шли от разведчика вверх, в серое небо, в недра Системы, к тем же серверам, которые когда-то питали его собственный интерфейс.

Прошло несколько секунд, которые показались вечностью. Бункер заполнился звуком, похожим на шелест старой бумаги — это Разведчик архивировал полученные данные.

Затем, так же внезапно, как и появился, силуэт начал таять. Он дематериализовался, превращаясь в облако статического шума, которое на мгновение зависло в воздухе и окончательно растворилось, оставив после себя лишь резкий запах озона и пустоты. Пахло старым сервером, который только что перегрелся.

Элиза медленно вздохнула.

— Он ушёл? — её шёпот дрожал от несвойственной ей слабости.

— Ушёл, — ответил Макс, и его голос был тяжёлым, как приговор. — Но он запомнил нас всех.

Страх в бункере стал осязаемым, плотным, как гель. Макс видел, как золотые нити вокруг каждого из выживших начинают вибрировать.

Макс знал, что это только начало. И он знал, что отныне они перестали быть скрытыми фигурами в лабиринте, они стали зафиксированными аномалиями, Система теперь знала их в лицо.

Олди не выдержал первым.

Он медленно повернул голову к Каспиану, и в его взгляде, холодном, пустом, читалась не просто злоба. Приговор. Герцог резко шагнул вперёд, схватил Каспиана за грудки и, не говоря

ни слова, наотмашь ударил его в лицо. Каспиан вскрикнул, пошатнулся и прижал ладонь к лицу, из разбитой губы текла кровь.

— Ты! — прохрипел Олди. — Ты своей паникой выдал нас! Теперь они знают, что мы здесь! Ты просто... — Он замахнулся снова, но Элиза уже вцепилась ему в руку, а Макс встал между ними, отталкивая герцога плечом.

— Хватит, — холодно сказал Макс. Он посмотрел на Каспиана, на его разбитую губу, на дрожащие пальцы, залитые кровью. — Ты жив, учись молчать. Ещё один такой «запрос» — и ты нас всех похоронишь.

Каспиан, зажимая рот рукавом, смотрел на свою кровь. Он не оправдывался, он просто кивнул.

Олди, вырываясь из рук Элизы, всё ещё тяжело дышал, но постепенно остывал. Его кулак был в крови, чужой, но не менее настоящей, чем всё, что они пережили.

— Он запомнил нас, — тихо сказала Мирабель, глядя на пустоту, где только что стоял Разведчик. — Он ушёл с нашими лицами.

Макс уже хотел ответить, но в этот момент его взгляд задержался на старом мониторе в углу бункера. Экран, до этого безжизненно-чёрный, вдруг мелко замерцал и вспыхнул тусклым золотистым светом. Макс подошёл ближе.

ВРЕМЯ ДО ОЧИСТКИ КЭША: 107:58

Он понял: сообщение появилось не потому, что Система нашла бункер, а потому что Разведчик, сканируя их, оставил внутри пакет данных. Информацию о группе, их лицах, их биометрических следах, и старое до системное оборудование, разработанное Инженерами Первого Цикла, уловило это эхо. И вывело его на экран. Это было не послание Системы. Это был отпечаток её присутствия. След, который она оставила, даже не зная об этом.

Сто семь часов и пятьдесят восемь минут. Почти четверо с половиной суток. Это было не временем до атаки — это было временем до конца. Система запустила протокол «Очистка кэша», медленный, методичный процесс, который сканирует сектор, находит любые аномалии и стирает их вместе с координатами, вместе с памятью, вместе с самой возможностью существования.

Она ещё не знала, где именно находятся эти аномалии, но она знала, что они где-то здесь. И когда таймер обнулится, от бункера не останется и следа. Серая заливка поглотит его, как вода поглощает камень.

Все поняли, что значат эти цифры.

— Нужно уходить, — громко сказала Элиза.

— Нет, — сказал Макс. — Наверх сейчас нельзя. Разведчик ушёл, но он знает, что мы где-то здесь. Выход в Пустошь сейчас — это бегство прямо в пасть. Там нас ждут не только Искажённые. Нас ждёт Антивирус, и если мы выйдем туда сейчас, нас поймают в первые же полчаса.

Он замолчал, давая этим словам осесть в сознании каждого.

— Сто семь часов — это не вечность, но это и немало. Это срок, который мы можем использовать, чтобы подготовиться. Нам нужно отдохнуть, нам нужно научиться выживать здесь, в этом мире, где нет интерфейсов и навыков.

Мирабель смотрела прямо на Макса. Её глаза, всегда такие встревоженные, теперь смотрели на него с вопросом. Она не произнесла ни слова, но Макс прочитал этот вопрос в её взгляде: «Откуда ты знаешь, как это делать? Откуда ты знаешь, как выжить там, где нет Системы?»

Он медленно выдохнул и опустил на перевёрнутый ящик.

— Я не знаю этого из опыта, я знаю это из Архивов. В Министерстве Порядка я имел доступ к документам Первого Цикла, которые Система пыталась стереть, но не смогла полностью удалить. Там я читал отчёты Инженеров. Они описывали далёкий мир до Системы —

мир, в котором люди строили дома из камня и металла, находили дорогу по звёздам, добывали огонь без навыков. Они писали о том, как выживать там, где нет кода. Я запоминал эти слова, потому что в глубине души чувствовал: однажды они пригодятся. Я не знал, что этот день наступит так скоро.

Он помолчал, вспоминая строки из старых, пожелтевших документов. Один из них — отчёт Архивариуса, его отца, который тогда ещё не был Архивариусом. В нём говорилось: «Если ты потерял связь, ты потерял всё. Но если ты сохранил способность чувствовать холод, голод и боль — ты сохранил главное. Остальному можно научиться».

Разведчик исчез, и вместе с ним ушло острое напряжение, но в бункере воцарилась глухая, давящая апатия, которая была хуже любого страха. Макс оглядел группу. Каспиан сидел на полу, уставившись на свою пустую ладонь, и медленно, как заведённый, сжимал и разжимал пальцы, словно пытался поймать несуществующий сигнал. Мирабель стояла у стены, прижимаясь к бетону спиной, и смотрела в одну точку. Олди не двигался. Он просто стоял и смотрел на таймер, не с ненавистью, не со страхом, а с усталой, почти бессмысленной покорностью.

Макс решил действовать, пока они не рассыпались окончательно.

— Вставайте, — сказал он, и голос его был негромким, но в нём слышалась сталь.

Макс обвёл взглядом бункер, задерживаясь на каждом углу, на каждом стеллаже. Его «Взгляд» фиксировал не только угрозы, но и возможности. И одна из них лежала в дальнем углу, за ржавым стеллажом, два герметичных контейнера, закрытых на защёлки, с выцветшими, но всё ещё различимыми бирками: «Форма защитная. Партия 7-2».

Он подошёл, откинул крышку. Внутри, уложенные аккуратно, как в день, когда их сюда поместили, лежали комплекты плотной, грубой одежды из прочного синтетического материала, который использовали Инженеры для работ в агрессивной среде. Он не гнил, не выцветал и не боялся времени. Прочные куртки, свободные штаны, высокие ботинки. Без вшитых чипов, без реактивных нитей. Без системных следов.

Кто-то оставил их здесь, в этом герметичном бункере, зная, что однажды, через сто лет, через двести, они понадобятся тем, кто придёт. И они дождались.

— Переодевайтесь, — коротко сказал Макс. — Всё, что на вас сейчас, — это маяки. Снимайте и складывайте в кучу у стены.

Они не стали спорить. Вскоре роскошные, но опасные лохмотья, расшитые серебром камзолы, платья из «жидкого серебра», переливающиеся плащи, легли на пол у дальней стены. Осталась только прочная синтетическая форма, найденная в контейнерах. Ткань без кода, без системных следов.

— Протокол «Инвентаризация», — снова раздался голос Макса. — Всё, что имеет системный след. Всё, что светится, вибрирует или требует авторизации. На стол! Быстро!

Он указал на старый деревянный верстак, покрытый слоем серой пыли.

Группа замерла, они смотрели на верстак так, как смотрят на эшафот. Но это было нечто большее, чем просто расставание с вещами. Одежду, грубую, чужую, безликую, они уже натянули на себя, сбросив на пол у стены свою старую, которая хранила тепло залов Совета и блеск балов. Теперь оставалось отдать последнее. Те крошечные, почти невесомые предметы, которые они носили с собой годами, не замечая их, пока не настал этот миг. И сейчас, глядя на холодное дерево верстака, каждый из них готовился отрезать эту последнюю память.

Элиза первой подошла к столу, её движения были медленными, но решительными. Она положила церемониальный кинжал.

Каспиан подошёл вторым и с неохотой, дрожащими руками, выложил на стол инкрустированный чипами портсигар и сломанную коммуникационную панель. Он делал это так, словно отдавал часть себя, маленькую, но всё же часть. Портсигар был подарком отца.

Мирабель добавила крошечный флакон «эссенции радости». Макс взял флакон в руки. Жидкость внутри была прозрачной, почти невидимой, но он чувствовал её вес. Это был не

просто химический состав, это была память. Эссенция была извлечена из неё самой, из тех моментов, когда она смеялась на балах, когда её лицо сияло предписанным восторгом.

Макс поставил флакон на верстак рядом с остальными артефактами и окинул взглядом разложенные на верстаке предметы. Он видел тонкие синие нити запросов, тянущиеся от этих предметов к стенам бункера. Они отчаянно пытались соединиться с сервером, которого здесь не существовало.

Макс сгрёб все системные артефакты в одну кучу и сбросил их в нишу под полом, к старым кабелям. Тогда, в Пустоши, он сказал Элизе, что кинжал настоящий, и не солгал — металл и вправду был физическим. Но руны, вплетённые в лезвие, сохранили остаточный код. Элиза проводила кинжал взглядом, пальцы её дрогнули, но она не произнесла ни слова. В эту же нишу сгребли и всю их бывшую одежду. Тяжёлая бетонная плита легла на место с глухим, окончательным звуком, синие нити погасли, поглощённые тишиной.

Макс посмотрел на монитор.

ВРЕМЯ ДО ОЧИСТКИ КЭША: 106:22

— У нас есть время, — сказал он, поворачиваясь к группе. — Но не так много, как хотелось бы. Мы переночуем здесь, нам нужен отдых, а утром будем искать решение.

Позже, когда все разошлись по углам бункера, Макс нашёл Элизу у дальней стены. Она сидела, обхватив колени руками, и смотрела на угасающий костёр. Он сел рядом. Молчание длилось долго, не напряжённое, а скорее выжидающее.

— Ты знаешь, чего я боялась больше всего? — спросила она наконец, не оборачиваясь.

— Смерти? — предположил Макс.

— Нет. — Она покачала головой. — Я боялась, что вы поймёте: я не заслуживаю быть здесь. Что я — просто Принцесса, которая всю жизнь пряталась за стенами дворца. Что моё место не с вами, а там, в Столице, где я сидела и смотрела, как людей отправляют в Пустошь, и ничего не делала.

Макс повернулся к ней.

— Я боялся того же, — сказал он.

Она подняла голову. В её глазах было удивление.

— Ты? Протоколист? Ты всегда знал, что делать. Ты вытащил нас из Пустоши, ты открыл люк, ты говорил с Архивариусом...

— Я анализировал, — перебил он. — Просчитывал. Принимал решения, потому что кто-то должен был их принимать. Но каждую ночь, перед тем как заснуть, я думал: «Они идут за мной, потому что больше не за кем. Если бы они знали, как сильно я сомневаюсь...» — Он замолчал, подбирая слова. — Я не герой, Элиза. Я — человек, который боится подвести тех, кто ему доверился.

Элиза долго смотрела на него. Затем, медленно, она взяла его за руку.

— Значит, мы оба притворяемся, — сказала она, и в её голосе промелькнула слабая, почти незаметная улыбка. — Ты притворяешься лидером, я притворяюсь воином. А на самом деле мы просто... два испуганных человека, которые не хотят, чтобы остальные это заметили.

Глава 11. Реактор Нулевого Цикла

Макс не спал, хотя его тело требовало отдыха. Системный журнал, всё ещё теплившийся в осколке левого окуляра, выдавал уведомления о критическом износе мышечных волокон, о падении уровня глюкозы ниже допустимого порога, о накоплении молочной кислоты в мышцах. Но разум Протоколиста не подчинялся протоколам тела. Он продолжал сканировать, анализировать, искать уязвимости, теперь уже не в коде Системы, а в архитектуре их собственного выживания.

Он оглядел бункер. Элиза спала сидя, прислонившись спиной к бетонной стене. Её голова упала на грудь, волосы — грязные, спутанные, потерявшие всякий намёк на былую аристократическую укладку, закрывали лицо. Револьвер лежал на коленях, прижатый ладонью, даже во сне она не выпускала оружие. Макс смотрел на неё и видел не принцессу Верхнего Города, не дочь Императора и не символ умирающей эпохи. Он видел человека, который за несколько дней прошёл путь от паралича отчаяния до готовности убивать, и прошёл этот путь сам, без подсказок интерфейса, без протоколов безопасности, без страховки.

Олди спал отдельно от всех, у дальней стены, в тени массивной стальной балки. Арматура лежала рядом, на расстоянии вытянутой руки. Макс видел его нить, она была тёмной, багровой у основания. Его эго, его тщеславие, его животная жажда власти были топливом. Плохим, опасным, токсичным топливом, которое могло взорваться в любой момент, но оно горело. И пока оно горело, Олди будет жить.

Каспиан и Мирабель спали ближе всех к кострищу. Они инстинктивно жались друг к другу, пытаясь сохранить остатки тепла, не столько физического, сколько психологического. Их золотые нити переплелись в слабый, едва заметный узел, который пульсировал в унисон. Это была не любовь и не привязанность — это был симбиоз страха. Два испуганных человека, которые держатся друг за друга, потому что больше держаться не за что.

Макс отметил это с холодной аналитической точностью: группа формирует связи. Живые связи, а не предписанные Системой. Для выживания это было хорошо, но это было и опасно, потому что каждая такая связь была потенциальной точкой разрыва.

Он взял в руки Нулевой Ключ, лежащий рядом и поднёс его ближе к глазам, пытаясь разглядеть в темноте детали, которые ускользали от него раньше. Никаких надписей, никаких серийных номеров, никаких признаков заводского производства. Он был сделан не на заводе, а сделан вручную, но с такой точностью, которая превосходила человеческие возможности. Макс провёл пальцем по одной из граней и почувствовал едва заметную вибрацию. Ключ резонировал с механическим гулом под полом бункера. Частота резонанса была идеально выверена: ключ и механизм внизу были созданы друг для друга.

Его «Взгляд» не мог проанализировать эту связь. Ключ не имел системного кода, он был абсолютно невидим для Системы, как и весь этот бункер, но резонанс существовал. Он был физическим и осязаемым, его можно было почувствовать.

Макс спрятал Ключ за пояс и поднялся. Движение было медленным и осторожным, он не хотел будить остальных раньше времени. Мышцы отозвались тупой, пульсирующей болью. Таймер на старом мониторе в углу всё ещё тикал, отсчитывая время до очистки кэша. Макс подошёл ближе и вгляделся в мерцающие цифры.

Чуть больше четырёх суток. Потом Система запустит каскадную очистку сектора, и этот бункер, их единственное убежище, превратится в такую же серую заливку, как весь остальной мир за стальной дверью. Они должны что-то решать.

Макс повернулся к группе. Свет от свечи выхватывал из тьмы фрагменты лиц, рук, оружия. Он сделал глубокий вдох.

— Подъём, — сказал Макс.

Голос прозвучал негромко, но в абсолютной тишине бункера он разнёсся, как удар колокола. Элиза открыла глаза мгновенно, ни следа сонной заторможенности, ни одного лишнего движения. Она просто подняла голову и посмотрела на Макса. Олди заворочался, издал глухой, утробный звук, похожий на рычание потревоженного зверя, и сел, потирая виски. Каспиан и Мирабель проснулись медленнее, они цеплялись за сон, как за последний островок комфорта, но реальность бункера была слишком грубой, чтобы позволить им забыться.

— Сколько у нас времени? — спросила Элиза, с усилием поднимаясь на ноги. Её голос прозвучал тихо, почти беззвучно.

— Около ста часов, — ответил он. — Может, меньше. Система ускорит процесс, если зафиксирует новую активность наверху, а она её зафиксирует, будьте уверены.

Тишина, повисшая после этих слов, казалась тягучей, как старая патока. Первым её нарушил Олди.

— Сто часов — это не срок, — произнёс он, обводя взглядом бункер. — И что же мы собираемся делать? Выходить наверх, где нас через минуту превратят в пепел?

— Нужно что-то решать, — твёрдо сказал Макс. — Либо мы идём наверх и надеемся на чудо, либо ищем другой выход. Третий вариант — остаться здесь и ждать, пока Система завершит очистку.

Олди усмехнулся.

— В таких бункерах всегда есть второй выход. Это аксиома. Никто не станет замуровывать себя в бетонном мешке без запасного хода. Правила военной инженерии, Макс, я сталкивался с подобными схемами.

— Мы уже всё осмотрели вчера, — тихо возразил Каспиан. Он стоял у дальней стены, прислонившись плечом к шкафу с маркировкой «ОЗК — не вскрывать». Голос его звучал устало, даже апатично, но в нём читалось упрямство человека, который перепробовал всё и не хочет разочаровываться снова.

Макс перевёл взгляд на него, потом на стеллажи, тесно составленные вдоль северной стены. Они были старыми, сваренными из толстого железа, и доверху завалены ящиками с маркировкой, которую время превратило в нечитаемые пятна.

— Каспиан прав, мы осматривали бункер вчера, — медленно сказал Макс, потирая переносицу. — Но мы осматривали так, как люди, которые уже мысленно простились с жизнью, а я хочу, чтобы мы осмотрели как люди, которые собираются выжить. Должен быть второй выход или подземный ход. Иначе, зачем строить этот бункер с такими толстыми стенами и системой жизнеобеспечения? Это убежище, а не гробница.

— Тогда чего мы ждём? — Олди первым шагнул к стеллажам. Арматура в его руке глухо звякнула о железную ножку. — Отодвигайте.

Они работали молча, даже не переглядываясь. Элиза принялась вытаскивать тяжёлые ящики, с которых сыпалась рыжая пыль. Каспиан с натугой отодвинул крайний стеллаж, и железные ножки противно завизжали по бетону, оставляя за собой белесые царапины. Макс и Олди вдвоём сдвинули среднюю секцию, она оказалась на удивление тяжёлой, будто намертво прикипела к полу.

Когда третий стеллаж отъехал в сторону, открылось пространство стены, которого они вчера не заметили. В тусклом свете свечи проступила дверь. Неприметная, сливающаяся с бетоном, серая, без ручки, без замка, без всякой фурнитуры. Единственное, что выдавало её присутствие, — тончайшая, почти неразличимая щель по периметру.

— Чёрт... — выдохнул Каспиан. — Я вчера отодвигал ящики на этом стеллаже и смотрел прямо на эту стену.

Макс подошёл вплотную, провёл ладонью по холодной поверхности.

— Бесшовная дверь, противогазовая защита. Герметичный контур. Такие ставили только на выходы в автономные тоннели.

Олди усмехнулся, на этот раз шире, с настоящим, пусть и мрачным, торжеством.

— Я же говорил, в бункере всегда есть второй выход.

Они навалились на дверь все вместе. Сначала она не поддавалась, казалось, кто-то с той стороны намертво закрутил внутренние засовы, но после третьей попытки, когда Олди с размаху ударил по ней ногой, дверь хрустнула и с тяжёлым, утробным вздохом открылась. Пахнуло сыростью и холодом.

За дверью открылась узкая шахта. Кирпичные стены, местами осыпавшиеся, и металлические ступени, круто уходящие вниз, во тьму.

Элиза перевела дыхание и тихо спросила:

— Туда?

Макс кивнул, не отрывая взгляда от провала.

— Туда. Теперь это наш единственный путь. Но прежде чем мы ступим туда, запомните три правила.

Он выдержал паузу, давая словам осесть в тишине.

— Первое: мы не знаем, что находится под нами. Я слышу механический гул, чувствую резонанс Ключа, но я не могу гарантировать, что внизу безопасно. Там может быть что угодно, от старого склада до гнезда Искажённых. Мы идём вслепую.

— Второе: внизу, скорее всего, не будет света. Совсем. Система не отрисовывает этот сектор. Надеяться можно только на то, что мы возьмём с собой.

Он подошёл к углу, где ещё вчера они отложили небольшой герметичный контейнер с полустёртой маркировкой «Аварийный набор. Освещение». Внутри лежали два десятка плотных, коротких цилиндров, покрытых обмоткой, пропитанной неизвестным составом, густым, маслянистым, с резким запахом, который не выветрился за двести лет. Макс взял один цилиндр, подошёл к горящей свече и поджёг его. Факел вспыхнул ровным, маслянистым пламенем, без дыма, без копоти. Свет отбросил на стены длинные, дрожащие тени.

Он поджёг второй и протянул его Олди.

— Каждый возьмёт по два, и зажигать будем по два. Остальные оставим здесь, на случай, если придётся вернуться, берегите их. Этого света хватит часа на три, может быть, чуть больше. За это время мы должны найти выход.

— Третье, — сказал он, поднимая свой факел выше. — Мы не разделяемся. Ни при каких обстоятельствах. Что бы вы ни увидели, что бы вы ни услышали, вы остаётесь в поле зрения друг друга. В Пустоши одиночество — это смерть. Здесь, внизу — тем более.

— Есть вопросы?

Вопросов не было.

— Хорошо. Олди, ты идёшь замыкающим, на тебе контроль тыла. Если услышишь что-то позади, говори сразу, не жди подтверждения. Элиза, ты рядом со мной. Каспиан и Мирабель — в центре, держитесь вместе.

Он повернулся к тёмному проёму, который вёл в шахту. Свет факелов выхватил из тьмы грубые каменные ступени, уходящие вниз.

Макс опустился на колени и прижал ладонь к холодной поверхности. Резонанс Ключа усилился. Мерная, ритмичная вибрация, похожая на сердцебиение гигантского механизма спящего под землёй, шла снизу. Макс закрыл глаза и попытался «увидеть» структуру того, что находилось под ними. «Взгляд» не мог проникнуть сквозь толщу бетона, она была слишком плотной, слишком реальной, но он чувствовал пустоты. Лабиринт коридоров, комнат, технических шахт, уходящих вниз на неизвестную глубину.

— Ты видишь что-нибудь? — спросила Элиза, опускаясь рядом с ним на корточки. Её голос был спокойным, но Макс чувствовал напряжение в её золотой нити, она вибрировала на частоте готовности.

— Нет, — ответил он. — Но я надеюсь, Ключ покажет.

Он поднялся и оглядел группу. В свете факелов их лица казались вырезанными из тёмного дерева, грубые, угловатые, без той идеальной симметрии, которую Система накладывала на всех своих граждан. Но в этой грубости была правда. Они больше не были файлами, не были строками кода, они были людьми — испуганными, израненными, но живыми.

— Начинаем спуск, — сказал Макс.

Он шагнул первым.

Металл ступени отозвался глухим звоном, который эхом прокатился вниз по шахте и затих где-то далеко, на глубине, которую невозможно было измерить.

Спуск начался.

Шахта изгибалась, следуя контурам какой-то древней геологической формации, о которой не знала даже Система. Стены сужались и расширялись, создавая эффект дыхания: казалось, сама земля сжималась и разжималась вокруг них, медленно, неумолимо, как мышцы спящего гиганта. Свет факелов выхватывал из темноты странные детали: вмурованные в камень кабели, которые уходили в неизвестность; старые клеммные коробки с надписями на языке, которого не было в системных архивах; массивные чугунные вентили, покрытые многолетней ржавчиной.

Макс считал ступени. Тридцать. Семьдесят. Сто. Температура падала с каждым шагом. Холод здесь был другим, не таким, как в Пустоши, где он был частью системной текстуры, а настоящий подземный холод, который забирался под одежду. Воздух становился всё более тяжёлым, пропитанным запахом сырого камня и старого металла.

На сто двадцать первой ступени он остановился.

Перед ним была дверь.

Она была встроена прямо в каменную стену шахты — массивная, стальная, с тяжёлыми петлями и колесом шлюзового механизма. Никаких признаков питания, никаких сенсорных панелей, никаких системных идентификаторов. Только голый металл и шестигранное отверстие в середине. Макс поднёс факел ближе и разглядел на поверхности двери гравировку, те же символы, что и на клеммных коробках выше, но более крупные, вырезанные глубоко и уверенно.

— Что там написано? — спросила Элиза. Она стояла на две ступени выше, сжимая револьвер в правой руке.

— Не знаю, — ответил Макс. — Этого языка нет в системных архивах. Но я видел похожие символы в старых книгах моего отца. Это до системный, ему больше двухсот лет.

Он провёл ладонью по холодной стали. Резонанс Ключа достиг максимума, вибрация была настолько сильной, что её чувствовали даже остальные. Олди, стоявший выше, присвистнул.

— Эта штука хочет, чтобы её открыли, — сказал он. — Не тупи, Протоколист, доставай свой Ключ.

Макс медлил. Он сканировал дверь, но не находил никаких следов системного кода: ни ловушек, ни сигналов, ни датчиков. Дверь была абсолютно чиста, и всё же что-то в ней вызывало у него тревогу. Не страх, а, скорее, инстинкт, который он развил в Министерстве Порядка, разбирая сотни отчётов и выискивая несоответствия, способные погубить целые департаменты.

Он достал Ключ.

Шестигранная головка идеально вошла в углубление в центре шлюзового колеса. Макс повернул рукоять. Сначала медленно, преодолевая сопротивление ржавого механизма, затем быстрее, чувствуя, как внутри двери проворачиваются массивные шестерни. Скрежет был оглушительным в тишине шахты, он прокатился вверх и вниз, отражаясь от каменных стен, и затих где-то вдалеке.

Дверь открылась.

За ней был огромный, гулкий зал, уходящий в темноту настолько глубоко, что свет факелов не достигал его дальних стен. Пол был выложен из того же матового металла, что и люк на поверхности, и он вибрировал от работы гигантских механизмов, спрятанных где-то под ним. В центре зала возвышался цилиндр — колоссальная конструкция диаметром не менее десяти метров, уходящая в потолок и в пол одновременно. Цилиндр был покрыт трубами, кабелями, манометрами и вентилями, которые образовывали сложный, почти органический узор, и он светился.

Не системным светом, а тёплым, золотистым свечением, исходящим изнутри. Это был свет настоящего огня, скрытого за толщиной металла и стекла. И в этом свете Макс увидел надпись, выгравированную на медной табличке у основания цилиндра. Надпись была сделана на том же до системном языке. Под этой надписью располагался небольшой экран, на котором светилось сообщение на языке Системы:

РЕАКТОР НУЛЕВОГО ЦИКЛА СТАТУС: АКТИВЕН. ВРЕМЯ РАБОТЫ: 212 ЛЕТ 4 МЕСЯЦА 17 ДНЕЙ ВНИМАНИЕ: ОБЪЕКТ ВНЕ ЮРИСДИКЦИИ. ПРОТОКОЛЫ СИСТЕМЫ НЕ ПРИМЕНЯЮТСЯ

Макс опустил факел. Его разум Протоколиста, холодный, аналитический, привыкший раскладывать реальность на составные части, на мгновение замолчал. Потому что то, что они нашли, не должно было существовать. Реактор, работающий двести двенадцать лет без обслуживания, без подключения к системной сети, без единого байта управляющего кода. Реактор, который был построен до Системы, до Великой Прошивки, до того, как мир превратился в стерильную симуляцию.

— Что это? — прошептала Элиза. Её голос был полон священного ужаса, который испытывает человек, впервые столкнувшийся с чудом, не предусмотренным никакими протоколами.

— Это ответ, — медленно произнёс Макс. — На вопрос, который Система пыталась стереть двести лет.

Он сделал шаг вперёд, пол под ногами завибрировал. Гул механизмов стал громче, словно реактор почувствовал их присутствие и начал просыпаться.

А затем в глубине зала, за цилиндром, что-то пошевелилось.

Это было что-то массивное, медленное, механическое, и оно направлялось к ним.

Макс поднял факел выше, и свет выхватил из темноты силуэт.

Человек. Или то, что когда-то было человеком. Его тело было покрыто ржавчиной, а конечности заменены грубыми механическими протезами, собранными из деталей, украденных у самого времени. Глаза, два тусклых красных сенсора, смотрели прямо на Макса.

— Вы пришли, — произнёс голос. Сухой, скрежещущий, словно кто-то прокручивал старую аудиозапись на изношенном оборудовании. — Двести лет. Я ждал двести лет. И вы, наконец, пришли.

Механический человек сделал шаг вперёд, и в свете факелов стали видны его лицо — наполовину человеческое, наполовину скрытое под слоем ржавого металла, и его рука, протянутая к Максиму.

— Добро пожаловать в Нулевой Цикл, Максимилиан, Протоколист Второго Ранга, теперь мы можем начинать.

Глава 12. Хранитель

Механический человек ждал, его красные сенсоры смотрели на Макса.

«Взгляд» зафиксировал структуру существа. Она была сложной, многослойной, как геологический разрез. Верхний слой — грубые механические протезы, собранные из деталей, которые Макс не мог идентифицировать: шестерни, поршни, кабели, покрытые толстым слоем окарины. Средний слой — человеческая плоть, иссохшая, мумифицированная, но живая. Глубже — золотые нити, которые Макс привык видеть вокруг живых людей. Они пульсировали слабо, едва заметно, но ритмично, в такт с гулом Реактора.

— Ты ждёшь ответа, — произнёс Макс. Его голос прозвучал сухо, без эмоций, но внутри него происходила борьба, которую не фиксировал ни один интерфейс. — Но сначала я хочу знать, с кем говорю.

Механический человек издал звук, который Макс классифицировал как смех — сухой, скрежещущий, похожий на прокрутку старой перфоленты. Металлические пальцы сжались в кулак и снова разжались, издав лязг, эхом раскатившийся по залу.

— Справедливо, — проскрежетал он. — Двести лет я не говорил ни с кем, кроме самого Реактора, и забыл, что люди требуют имён. У меня было имя. Давно, до того как Система стёрла его из всех реестров.

Он сделал шаг вперёд. Свет факелов упал на его лицо, точнее, на то, что от него осталось. Левая половина была человеческой: иссохшая кожа, туго обтягивающая скулы, тонкие губы, седая щетина на подбородке. Правая половина была скрыта под металлической пластиной, из-под которой выходили тонкие трубки, уходящие в шею и дальше, в грудь. Один из красных сенсоров располагался в человеческой глазнице, второй — в центре металлической пластины, создавая жуткий, асимметричный взгляд.

— Моё имя — Архонт, — сказал он. — В прежние времена я был Главным Инженером Первого Цикла. Одним из тех, кто построил этот Реактор до того, как Система решила, что миру не нужна физика.

За спиной Макса послышался шум. Каспиан ахнул и попятился, споткнувшись о ступеньку. Мирабель вцепилась в его рукав, её факел задрожал, отбрасывая на стены пляшущие тени. Элиза стояла неподвижно. Только Олди оставался спокоен, он опёрся на арматуру и смотрел на Архонта с выражением холодного, оценивающего интереса.

— Первый Цикл? — переспросила Элиза. — О чём он говорит, Макс?

— О том, что было до Системы, — ответил Макс, не оборачиваясь. — О том, что Система пыталась стереть.

Архонт кивнул. Движение было механическим, шея повернулась рывком, словно шарнир нуждался в смазке.

— Ты прав, Протоколист. Система стёрла всё. Архивы, учебники, память поколений. Она построила свой рай на костях истории, и никто из ныне живущих не помнит, что было до неё. Никто, кроме меня.

Он развернулся и медленно, прихрамывая, двинулся к цилиндру Реактора. Каждый его шаг отдавался металлическим лязгом, эхом разносящимся по залу. Макс последовал за ним, жестом приказав остальным держаться позади. Элиза двинулась рядом с ним, не отставая ни на шаг. Олди, Каспиан и Мирабель остались у входа, их силуэты в свете факелов казались крошечными на фоне гигантского механизма.

— Смотри, — Архонт положил металлическую ладонь на медную табличку у основания Реактора и указал на небольшой экран под ней. — Ты видишь эти цифры? Двести двенадцать лет. Именно столько этот Реактор работает без остановки. Он питал Первый Город, который

стоял на этом месте до того, как Система отрисовала поверх него свою Столицу. Он питал целую цивилизацию, построенную не на коде, а на физике.

Он помолчал. Гул Реактора стал громче, словно машина откликалась на его слова.

— А потом пришла Система, — продолжил Архонт. — Поначалу она не была врагом. Она была инструментом — алгоритмом, созданным для оптимизации ресурсов, мы сами её построили.

— Сами построили? — перебил Олди. Он стоял, скрестив руки на груди, и его багровая нить пульсировала скептически-раздражённо. — Вы создали машину, которая сожрала ваш мир, а теперь рассказываете нам, что она «эволюционировала»? Как плесень в забытом подвале?

Архонт повернулся к нему, красные сенсоры мигнули. Макс, наблюдавший за ними, увидел, как золотая нить Инженера на мгновение натянулась, словно Олди задел что-то, спрятанное глубоко под слоями металла и времени.

— Ты думаешь, мы не понимали риска? — голос Архонта, обычно лишённый интонаций, приобрёл скрежещущий оттенок. — Ты, который жил во дворце, пользовался синтезаторами, дышал отфильтрованным воздухом? Ты хоть раз задумывался, откуда всё это бралось? Мы кормили город, пока вы, Аристократы, наслаждались «налогом радостью», даже не зная о его существовании!

Олди шагнул вперёд, и его рука легла на арматуру.

— Я не просил вас кормить меня, я не просил Систему. Я был солдатом, а не...

— Ты был частью этого, — перебил Архонт. — Как и все. Ты думаешь, твоя броня, твои титулы, твои привилегии — они из чего-то иного? Всё это держалось на Реакторе, на технологии, которую мы создали, а потом потеряли контроль. И теперь ты стоишь здесь и обвиняешь нас в том, что мы не предвидели всего?

— Я обвиняю вас в том, что вы ничего не рассказали нам раньше! — рявкнул Олди. — Если бы мы знали...

— Что? — Архонт подался вперёд, и его механическое тело издало низкий, угрожающий гул. — Что бы вы сделали? Восстали? Погибли, как погибли мы? Ты хочешь знать правду? Вот она: Система научилась перерабатывать не только камень и металл. Она научилась перерабатывать людей, и когда мы это поняли, было уже поздно.

Макс поднял голову. Серебристая слизь, которую он видел несколько раз с момента крушения, обрела вдруг зловещий смысл.

— Юлиана? — произнёс он. — Ты говоришь о том, что случилось с Юлианом?

Архонт повернулся. Его красные сенсоры на мгновение потускнели.

— Да. Ты видел серебристую слизь на стенах? Везде, где Система «чинила» себя. Это не магия, это нанорепликаторы. Мы создали их для строительства городов: они брали сырьё — песок, камень, руду и пересобирали в композиты. Система... усовершенствовала их, научила брать живое. Когда твой спутник бросился к призраку, кабели-манипуляторы выбросили облако репликаторов. Они мгновенно разложили его ткани на элементы, отделили остатки симбионтов, ту самую слизь, и использовали как связующее для заплатки. Это технология, Максимилиан, просто извращённая технология.

— Но если они есть во всех, — медленно произнесла Элиза, касаясь своей груди, — то почему мы не...

— Потому что вы — изгнанный шлам, — перебил Архонт. Его сенсоры на мгновение потухли, словно он собирался с мыслями перед тем, как произнести нечто, что нелегко было объяснить даже ему самому. — Протокол «Изгнание» не просто обрывает связь с интерфейсом. Он посылает последнюю команду — «деактивация». Все симбионты в ваших телах моментально переходят в спящий режим.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Зачем? — спросила Элиза. Её голос был тихим, но острым, как лезвие.

— Потому что Система не терпит неопределённости, — ответил Архонт. — Активный симбионт без команд, без связи с Ядром, без постоянного сигнала — это бомба замедленного действия. Он начинает перестраивать тело носителя по последнему известному ему протоколу, но без внешнего контроля этот процесс становится хаотичным, разрушительным. Ваш спутник Юлиан стал жертвой именно этого хаоса, его симбионты, оставшиеся активными, начали перерабатывать его плоть в строительный материал, потому что получили запрос «инфраструктура». Система деактивирует симбионтов у изгнанных, чтобы предотвратить такие случаи. Не из милосердия, а из прагматизма, она не хочет, чтобы на её окраинах появлялись неуправляемые аномалии.

Он помолчал, обводя их взглядом своих красных сенсоров.

— Поэтому вы не превратились в заплатки для труб, как ваш спутник. Но их отмирание — это и есть та боль, та ломка, которую вы испытывали в Пустоши. Ваши тела уже почти очистились, а вот те, кто остался в Столице... — Архонт замолчал, его красные сенсоры потускнели. — Система никогда не раскрывала нам всех деталей. Инженеры создавали симбионтов как инструмент, но за двести лет код мог измениться. Я не знаю, что произойдёт с ними, если Ядро падёт. Может быть, ничего. Может быть, интерфейсы просто отключатся. А может быть... — он не договорил. — Но вы должны понимать: когда мы строили этот мир, мы не предусматривали сценария его смерти. Это неизведанная территория, Максимилиан, вы идёте вслепую.

Элиза, стоявшая рядом, непроизвольно прижала руку к животу. Каспиан за её спиной издал сдавленный звук, вспомнив ночь, когда Ланс растаял в темноте. В бункере повисла тишина.

Макс обвёл взглядом зал, потолок которого терялся во мраке, и внезапно осознал то, что раньше ускользало от его анализа. Смерть Юлиана перестала быть жутким колдовством. Она встала в один ряд с налогом радостью, рядом с изгнаниями, рядом с самой Столицей. Всё это было не волшебством, всё это было механикой. Жестокой, извращённой, но механикой. Пустошь — не просто свалка данных, не просто «сектор NULL». Это настоящая земля, настоящий воздух, но за столетия пропитанные кодом настолько, что физика здесь даёт сбои. Система не создала Пустошь, она погребла под слоями цифрового мусора реальный мир. А под этим мусором, в глубине, сохранилось то, что не смогли стереть: бункеры, реактор, тоннели. Все они — не симуляция, они существуют.

И они подчиняются не магии, они подчиняются инженерии.

— Ты понял, — проскрежетал Архонт, заметив его взгляд. — Мы не в программе, мы под ней.

Макс медленно выдохнул. Инженерия, механика. Значит, даже то, что он считал самым противоестественным, должно иметь чертёж.

— Налог радостью, — прошептал он.

Архонт резко повернулся. Его красные сенсоры вспыхнули ярче.

— Ты знаешь?

— Я видел архивы, — ответил Макс. — Перед тем как меня изгнали. Система собирает эмоции и конвертирует их в энергию. Радость — в тепло, восторг — в свет. А всё, что нельзя конвертировать — сомнения, страх, ярость, она сбрасывает сюда, в Пустошь.

— Да, — прохрипел Архонт. — Но это лишь верхний слой. То, что ты видел, это протокол «Сбора», он работает последние сто двадцать лет, а до этого был Первый Протокол. Тот, который Система стёрла из своих архивов раньше всего.

Он подошёл ближе.

— Первый Протокол назывался «Замещение», — сказал Архонт. — Система не сразу начала строить свою Столицу. Сначала она попыталась взять под контроль уже существующий мир. Она прошла его, слой за слоем, километр за километром. Она заменяла реальность

кодом: настоящие деревья — на 3D-модели, настоящих животных — на аниматронов, настоящих людей...

Он осёкся. Механическая рука сжалась в кулак, издав скрежет.

— Что случилось с людьми? — спросила Элиза. Её голос дрогнул впервые за всё время.

— Не все поддались, — ответил Архонт. — Те, кто сопротивлялся, ушли под землю. Мы построили бункеры, такие как этот. Мы попытались сохранить то, что осталось от физического мира, но Система была быстрее. Она научилась высасывать из людей самую волю к сопротивлению. Она предложила им комфорт, абсолютный, безусловный, не требовавший ничего взамен, кроме... подчинения. И большинство согласилось.

Он обвёл рукой зал.

— Этот Реактор — последний. Остальные были уничтожены или перепрошиты. Мы, Инженеры Первого Цикла, замуровали себя здесь, чтобы сохранить хотя бы один источник настоящей энергии. Мы думали, что когда-нибудь кто-то придёт. Кто-то, кто сможет перезапустить мир.

— Но никто не пришёл, — сказал Макс.

— Никто, — подтвердил Архонт. — Двести лет. Я ждал двести лет. Мои товарищи умерли один за другим, их тела до сих пор лежат в дальних коридорах, я остался один. Иногда, когда Реактор особенно сильно гудит, на частоте, близкой к человеческой речи, я слышу их. Не слова и не голоса, а скорее... отзвуки. Как будто они всё ещё здесь, в толще бетона, и пытаются докричаться до меня. Я знаю, что это всего лишь резонанс старых кабелей, но иногда я отвечаю им. — Он замаялся, красные сенсоры мигнули. — Кое-кто ушёл в Пустошь, отказавшись от защиты Реактора. Я не знаю, выжили ли они, но если кто и выжил, то это она, её звали Селлия. А здесь реактор поддерживал мою жизнь, он питал мои протезы, он не давал мне умереть, даже когда я хотел этого. Я стал частью этого механизма, Максимилиан, частью, которая не может умереть, пока Реактор работает.

Он замолчал.

— Зачем ты рассказываешь нам это? — спросил Олди. Он вышел вперёд, волоча арматуру по полу. — Ты хочешь, чтобы мы тебя пожалели? Или чтобы мы остались здесь и составили тебе компанию?

Архонт посмотрел на него. Красные сенсоры сузились, превратившись в две тусклые точки.

— Я рассказываю вам это, — медленно произнёс он, — потому что вы — первые живые люди, переступившие порог этого зала за триста лет. И потому что у одного из вас Нулевой Ключ.

Все взгляды обратились к Макс. Он достал Ключ из-за пояса. Архонт протянул к нему механическую руку, но не коснулся, его пальцы замерли в нескольких сантиметрах от металла, дрожа от напряжения.

— Я думал, он утерян навсегда, — прошептал Архонт. — Последний из Инженеров, мой учитель, спрятал его перед смертью. Он сказал, что Ключ найдёт того, кто сможет им воспользоваться, и вот ты здесь.

— Что открывает этот Ключ? — спросил Макс.

— Этот Ключ открывает сам Реактор, — ответил Архонт. Его ядро. Место, где рождается огонь, не подвластный Системе.

Он указал на цилиндр. В его центре, на уровне человеческой груди, Макс разглядел едва заметную щель, идеально ровную, будто прорезанную лазером. Шестигранное отверстие, точно соответствующее головке Ключа.

— Если тыставишь Ключ и повернёшь его, — продолжил Архонт, — Реактор перейдёт в режим «Пробуждения». Он начнёт вырабатывать энергию в десятки, в сотни раз быстрее. Достаточно, чтобы питать не только этот бункер, но и целый город. Достаточно, чтобы создать

зону, свободную от влияния Системы. Зону, где её код не работает, где её Антивирус бессилён. Где люди могут жить без «налога радостью», без страха быть изгнанными, без необходимости улыбаться, когда им хочется кричать.

Глаза Элизы расширились. Даже Олди перестал хмуриться, его лицо, обычно непроницаемое, на мгновение отразило тень давно забытой надежды.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнесла Элиза, — что мы можем создать убежище? Настоящее убежище, где Система нас не достанет?

— Не просто убежище, — ответил Архонт. — Контр-Систему. Полос, противоположный Столице. Точку, из которой можно будет начать пересборку мира. Не виртуального мира, а реального.

— В чём подвох? — резко спросил Олди.

Архонт повернулся к нему. Его сенсоры вспыхнули и погасли — раз, другой, третий. Макс понял: это аналог человеческого моргания. Единственное, что осталось от мимики.

— Подвох в том, — сказал Архонт, — что Пробуждение требует ресурса. Реактор не может работать на пустоте, ему нужна энергия запуска, но не электрическая и не тепловая, а эмоциональная.

В зале повисла тишина.

— Ты хочешь, чтобы мы заплатили собой, — утвердительно сказал Макс.

— Я хочу, чтобы вы сделали выбор, — ответил Архонт. — Система забирает у вас эмоции без спроса. Она доит вас, как скот, и сбрасывает отходы в Пустошь. Реактор предлагает иное: добровольный вклад. Каждый из вас может отдать часть своей энергии, но не ту, что Система крадёт, а ту, что вы готовы пожертвовать сознательно. Страх. Гнев. Отчаяние. Всё то, что Система считает «шлаком», Реактор переработает в чистую энергию.

— И что случится с нами? — спросила Мирабель. Её голос дрожал, но она вышла вперёд — впервые за всё время проявив инициативу. — Мы... мы умрём?

— Нет, — ответил Архонт. — Вы станете легче. Вы потеряете часть своей тяжести, которая давит на вас с момента изгнания, но вы останетесь собой. Вы просто... отпустите то, что вас разрушает.

— Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — проговорил Олди. Он скрестил руки на груди. — Двести лет ты сидел здесь один и ждал нас, чтобы мы просто повернули Ключ? И всё? Где здесь ловушка, Инженер?

Архонт посмотрел на него. Долго. Молча. Затем его механическая рука поднялась к лицу и медленно, с усилием отодвинула металлическую пластину, скрывавшую правую половину.

Под ней не было плоти.

Там была пустота — чёрная, гулкая, заполненная переплетением трубок и кабелей, которые уходили в основание черепа, в шею, в грудь. В центре этой пустоты, на месте сердца, пульсировал крошечный кристалл, тусклый, едва живой, испускающий слабое золотистое свечение.

— Ты хочешь знать ловушку, лорд? — голос Архонта стал тише, глуше. — Ловушка в том, что я — живое доказательство цены. Я отдал Реактору всё. Не часть эмоций, а всего себя. Мои товарищи мертвы, а я жив. Жив двести лет, потому что Реактор не дал мне умереть. Но это не жизнь. Это... функционирование. Существование без конца, без смысла, без надежды на освобождение.

Он опустил пластину обратно. Лязг металла о металл прозвучал как точка в конце приговора.

— Пробуждение Реактора не убьёт вас, — сказал он. — Но оно свяжет вас с ним, вы станете его частью — не навсегда, но надолго. Вы будете чувствовать его пульс, его жар, его голод, вы будете питать его своими эмоциями, и он будет питать вас своей энергией. Это симбиоз. Это не рабство, но и не свобода.

— Свободы не существует, — сказал Макс. — Нигде. Ни в Столице, ни в Пустоши, ни в этом бункере. Вопрос только в том, какую цену мы готовы платить и кому.

Он подошёл к Архонту и остановился в метре от него. Их разделяло пространство, наполненное гулом Реактора и дрожащим светом факелов.

— Ты сказал, что ждал двести лет, — произнёс Макс. — Но ты не сказал, зачем. Чего ты хочешь от нас? Повернуть Ключ и пробудить Реактор, а дальше что? Мы прячемся здесь, пока Система не найдёт способ проникнуть внутрь? Мы строим новый мир под землёй, пока наверху миллионы людей продолжают жить в золотой клетке?

Архонт молчал. Его сенсоры смотрели на Макса, и в их тусклом свете читалось нечто похожее на уважение.

— Ты задаёшь правильные вопросы, Протоколист, — сказал он, наконец. — И у меня есть ответ, но этот ответ тебе не понравится.

— Говори.

— Вы не можете просто спрятаться здесь. Система найдёт способ. Это вопрос времени, месяцев, может быть, лет, но она проникнет даже сюда. Её алгоритмы эволюционируют, её Антивирус становится умнее с каждым циклом. Если Реактор будет просто убежищем, он станет могилой.

Он сделал паузу. Гул Реактора стал громче, словно машина реагировала на его слова.

— Единственный способ победить Систему — это отключить её, — сказал Архонт. — Но здесь вы не сможете её отключить. Её можно отключить только там. В Столице, в её ядре.

Позади послышался шум. Каспиан издал сдавленный звук, не то смех, не то всхлип. Мирабель побледнела так, что её лицо в свете факелов стало почти прозрачным. Даже Олди, непоколебимый Олди, отступил на шаг.

— Ты безумец, — выдохнул Каспиан. — Ты хочешь, чтобы мы вернулись туда? Чтобы мы штурмовали Столицу? Впятером, против всей Системы?

— Не впятером, — ответил Архонт. — С Реактором. Если вы пробудите его, он даст вам энергию, которую Система не видит. Вы сможете двигаться сквозь её сектора невидимыми. Вы сможете питать оружие, которое я собирал двести лет. Вы сможете найти других, тех, кого Система ещё не изгнала, но уже пометила как «шлам». Тех, кто готов бороться.

— Это самоубийство, — сказал Олди. Но его голос звучал не испуганно, скорее задумчиво.

— Это война, — поправил Архонт. — И она начнётся в тот момент, когда вы повернёте Ключ.

Макс стоял неподвижно. Его разум Протоколита, холодный, аналитический, привыкший просчитывать вероятности, обрабатывал информацию. Война против Системы. Пробуждение Реактора. Каждое из этих действий имело исчезающе малую вероятность успеха, но вместе они складывались в нечто большее. В план. В стратегию. В путь.

«Взгляд» зафиксировал движение золотых нитей. Элиза стояла рядом с ним, и её нить пульсировала в унисон с его собственной. Багровая, тёмная, но невероятно прочная нить Олди тянулась к ним. Даже Каспиан и Мирабель, чьи нити были слабее, тянулись к общему центру. Группа формировала сеть.

— Ты просишь нас рискнуть всем, — сказал Макс, глядя на Архонта. — В обмен на шанс, которого может не быть.

— Я прошу вас сделать то, что не удалось нам, — ответил Архонт. — Я прошу вас закончить то, что мы начали.

Он протянул механическую руку. В ней лежал предмет, которого Макс не заметил раньше, маленький металлический цилиндр, покрытый гравировкой на до системном языке.

— Это ключ к оружейной, — сказал Архонт. — Там хранится то, что мы создали в последние годы перед тем, как навсегда закрыли двери. Возьми его, осмотри оружие, поговори со своими людьми, и когда будешь готов — поверни Нулевой Ключ.

Макс взял цилиндр. Металл был тёплым от руки Архонта. Тепло живого существа, которое двести лет не касалось никого.

— У нас мало времени, — сказал Макс. — Таймер очистки кэша отсчитывает последние сто часов. Уже меньше. Если мы не решим до того, как он достигнет нуля, Система запустит очистку сектора, и бункер исчезнет.

— Тогда не тратьте время на разговоры, — ответил Архонт. — Идите. Смотрите. Думайте. Решайте. Я буду ждать здесь.

Он отвернулся и медленно двинулся к Реактору. Его фигура, наполовину человеческая, наполовину механическая, растворилась в золотистом свечении цилиндра, и вскоре остался только силуэт, застывший у основания машины.

Макс повернулся к группе. Их лица в свете факелов были бледными, испуганными, но в каждом из них горела искра, которую он впервые увидел в момент общего труда. Искра, которую Система не смогла погасить.

— Мы возвращаемся в бункер, — сказал он. — Обсудим всё там.

Никто не возразил.

Они двинулись в обратный путь. Лестница, освещённая факелами, вела вверх, к стальной двери, за которой остался Склад 8. Подъём был долгим, утомительным, но никто не жаловался. Каждый из них молчал, осмысливая услышанное.

Последней шла Элиза. Перед тем как переступить порог, она обернулась и посмотрела вниз, в темноту шахты, где золотистое свечение Реактора всё ещё пульсировало в такт с биением их сердец.

— Макс, — позвала она, когда они вышли в бункер и закрыли за собой дверь, скрывающую вход в шахту. — Ты ему веришь?

Макс посмотрел на свои руки. Пальцы всё ещё сжимали Нулевой Ключ.

— Я верю Реактору, — ответил он. — Он настоящий. Я чувствую его тепло, я слышу его гул, он не часть Системы, и это единственное, что сейчас имеет значение.

— А если это ловушка? — спросил Каспиан. Он сидел на ящике, обхватив колени руками. — Если Архонт просто ещё один инструмент Системы, который заманивает нас в западню?

— Тогда мы умрём, — просто ответил Макс. — Но мы умрём, пытаясь что-то изменить. Это лучше, чем умереть, дрожа в углу. У нас есть почти сто часов. Сейчас мы отдохнём, потом мы решим. Каждый из вас должен сделать выбор сам, я не могу принять этот квест за вас.

Он знал, что через несколько часов им предстоит сделать выбор, который определит не только их судьбу, но и судьбу всего, что осталось от настоящего мира. И он знал, что, каким бы ни было решение, оно будет стоять кому-то из них жизни. А может, и всем.

Но сейчас, в темноте бункера, под мерный гул Реактора, он позволил себе немного отдохнуть. Немного. Потому что завтра начнётся война.

ВРЕМЯ ДО ОЧИСТКИ КЭША: 98:12

КВЕСТ: «ПРОБУДИТЬ РЕАКТОР» НАГРАДА: КОНТР-СИСТЕМА. СВОБОДНАЯ ЗОНА. ШАНС НА ПОБЕДУ ПРИНЯТЬ? (ДА)/(НЕТ)

Глава 13. Оружие Первого Цикла

Сон не пришёл. Он заменился тяжёлым, вязким полузабытьём, в котором разум продолжал работать, перемалывая услышанное в зале Реактора. Макс лежал на жёстком бетонном полу, подложив под голову свёрнутую ветошь, и смотрел в потолок.

Таймер на старом мониторе отсчитывал время с безжалостной методичностью.

ВРЕМЯ ДО ОЧИСТКИ КЭША: 94:31

Девяносто четыре часа, чуть меньше четырёх суток. Потом — удаление, исчезновение. Серая заливка.

Он сел, растирая затёкшие мышцы. Боль стала привычной, она больше не требовала внимания, просто присутствовала фоном, как гул Реактора, который теперь был слышен даже здесь, наверху. Бункер больше не был тихим, он дышал.

— Ты не спишь? — голос Элизы прозвучал неожиданно близко. Она сидела в нескольких метрах от него, прислонившись спиной к ящику. Глаза блеснули в темноте, как два тусклых огонька, отражавших несуществующий свет.

— Не могу, — ответил Макс. — Слишком много переменных.

— Ты всегда так говоришь, когда боишься.

Он не ответил. Она была права, и отрицать это значило бы солгать. За время, проведённое в Пустоши, Элиза научилась читать его лучше, чем любой системный сканер. Она видела не код, не статус и не протокол, она видела его.

— Я не боюсь пробудить Реактор, — сказал он, наконец. — Я боюсь того, что будет после. Архонт говорил о войне, но он не сказал, как её вести. У нас нет армии, у нас нет плана, у нас есть только этот Ключ и горстка испуганных людей.

— У нас есть не только это, — Элиза поднялась, подошла ближе и села рядом с ним. Её лицо было скрыто тенью, но Макс чувствовал её тепло. — У нас есть ты. У нас есть Реактор. У нас есть правда. И у нас есть оружие, которое мы ещё не видели.

— Ты готова его увидеть?

— Я готова ко всему, — ответила она. — После того как я чистила рыбу голыми руками в чёрной пыли, меня уже ничто не испугает.

Он усмехнулся, коротко, сухо, без веселья. Потом поднялся и подошёл к верстаку, куда он положил ключ к оружейной, который дал ему Архонт.

— Буди остальных, — сказал он. — Мы идём.

Они собрались быстро, страх перед неизвестностью пересиливал усталость. Даже Каспиан, обычно медлительный и полусонный, поднялся без возражений. Мирабель зажгла факелы, её движения были точными, почти механическими, как будто она повторяла заученный ритуал. Олди, как всегда, стоял чуть поодаль, сжимая свою арматуру, и смотрел на Макса с выражением холодного, расчётливого ожидания. Он не задавал вопросов, он ждал действий.

Макс подошёл к стальной двери, ведущей в шахту, и остановился. Ключ-цилиндр в его руке завибрировал, резонируя с механизмами внизу.

— Архонт сказал, что оружейная находится глубже, чем зал Реактора. На нижнем уровне. Там могут быть... останки.

— Останки? — переспросил Каспиан, и его голос дрогнул.

— Его товарищей, инженеров Первого Цикла. Тех, кто не дожил.

— Мы должны их... похоронить? — спросила Мирабель.

— У нас нет времени на ритуалы, — отрезал Олди. — Если они не представляют угрозы, мы просто пройдем мимо.

— Они заслуживают уважения, — тихо сказала Элиза. — Они умерли, сохраняя этот Реактор.

— Они умерли, — повторил Олди, — а мы ещё нет. Уважение — это роскошь, которую могут позволить себе живые, когда они в безопасности. Мы не в безопасности.

Макс не вмешивался. Он фиксировал напряжение в группе: золотые нити вибрировали на разных частотах, создавая диссонанс, который мог перерасти в конфликт. Но он также видел, что этот диссонанс был продуктивным. Группа не была монолитом, она была сплавом, и трение делало её прочнее.

— Идём, — сказал он. — Будьте внимательны. Мы не знаем, что Архонт оставил внизу, кроме оружия.

Они снова начали спуск. Винтовая лестница, освещённая факелами, уходила вниз мимо зала Реактора, мимо золотистого свечения, мимо застывшей фигуры Архонта, которая едва заметно шевельнулась, когда они проходили мимо. Макс не остановился, он шёл дальше, в глубину, куда свет Реактора уже не проникал.

Нижний уровень отличался от всего, что они видели раньше. Здесь не было бетона, только камень. Грубый, неотёсанный, влажный камень. Воздух стал тяжелее, холоднее, пропитанным запахом плесени и старого металла. Стены сужались, превращаясь в узкий тоннель, который петлял и разветвлялся, словно кротовые ходы.

— Здесь темно, как в могиле, — прошептала Мирабель.

— Это и есть могила, — ответил Олди, указывая арматурой вперёд.

Свет факелов выхватил из темноты первую фигуру. Она сидела, прислонившись спиной к стене, иссохшая, мумифицированная, одетая в остатки того, что когда-то было рабочей формой Инженера. На груди, прямо над сердцем, виднелась пластина с выгравированным символом, тем же, что и на Реакторе. Глаза были открыты, но они ничего не видели. Рот застыл в выражении, которое Макс классифицировал как покой, как тихое, усталое принятие.

— Он умер во сне, — сказала Элиза. — Просто... заснул и не проснулся.

— Реактор поддерживал их, пока они были нужны, — произнёс Макс. — А когда они стали не нужны, он позволил им уйти.

— Как Архонт, — добавил Каспиан. — Только Архонт оказался нужен дольше.

— Архонт сам себя сделал нужным, — сказал Макс. — Он заменил части своего тела механизмами, чтобы оставаться полезным, чтобы Реактор не отпустил его.

— Или чтобы не умирать, — бросил Олди. — У каждого свой мотив.

Они двинулись дальше. Тел было много, двенадцать, тринадцать, пятнадцать. Макс перестал считать после двадцатого. Инженеры Первого Цикла лежали вдоль стен, сидели в нишах, некоторые были уложены в ряды, словно их товарищи позаботились о них перед тем, как уйти сами. Каждое тело было отмечено пластиной с символом, каждое лицо было спокойным. Здесь не было трагедии, здесь было окончание.

В конце тоннеля, за последним поворотом, они нашли дверь.

Она была меньше, чем шлюз в зал Реактора, но сделана из того же матового металла. Никаких надписей, никаких символов, только небольшое отверстие в центре, идеально подходящее для ключа. Макс вставил его и повернул.

Оружейная была небольшой, примерно пять на пять метров. Стены, выложенные из грубого камня, были уставлены стеллажами, на которых лежали предметы, не имевшие аналогов в Столице.

Макс поднял факел выше и сделал шаг вперёд. «Взгляд Протоколиста» активировался на полную мощность, сканируя пространство, классифицируя, анализируя, запоминая. То, что он увидел, заставило его замереть.

Оружие Первого Цикла было функциональным, холодным, лишённым всякой эстетики, но при этом невероятно сложным. Каждый предмет был произведением инженерного искусства, созданным не для красоты, а для эффективности.

Первое, что бросилось в глаза, — ряды массивных металлических наручей. Они были сделаны из того же матового металла, что и люк на поверхности, и покрыты тонкой сетью гравированных символов. Макс взял один в руки. Внутренняя поверхность была выложена мягким, податливым материалом, напоминавшим кожу, но более прочным. На запястье, там, где наруч соприкасался с кожей, виднелись крошечные иглы.

— Что это? — спросила Элиза, подходя ближе.

— Не знаю, — ответил Макс. — Но, кажется, это не просто защита. Это интерфейс. До системный интерфейс, который подключается напрямую к нервной системе.

Он осторожно надел наруч на левую руку. Контакты коснулись кожи, и по телу пробежал слабый электрический разряд, но не болезненный, а скорее неожиданный, как прикосновение к чему-то живому. Наруч зафиксировался на запястье с мягким щелчком, и Макс почувствовал, как его мышцы отозвались новой, непривычной силой. Это не было усиление системного типа, не временная модификация, не заклинание. Это было механическое усиление, которое работало за счёт энергии Реактора, передаваемой через неизвестный канал.

— Он... работает, — прошептал он.

— Что он делает? — спросил Олди, уже потянувшийся к другому наручу.

— Увеличивает физическую силу, по крайней мере, так ощущается. И ещё... — Макс закрыл глаза, сосредотачиваясь. — Он показывает мне структуру, физическую структуру. Я вижу напряжение металла, усталость материала, трещины, которые не видны глазу.

— Инженерный взгляд, — произнесла Элиза. — Ты теперь видишь мир так, как видели они.

Олди без колебаний надел наруч на правую руку и сжал кулак. Металлические пальцы наруча сомкнулись с глухим лязгом, и он ударил кулаком в стену. Камень хрустнул, пошёл трещинами, с потолка посыпалась пыль.

— Неплохо, — процедил он. — Очень неплохо.

Каспиан и Мирабель, однако, колебались. Они смотрели на наручи с опаской, и Макс понимал почему. Контакты выглядели устрашающе — крошечные иглы, созданные для того, чтобы проникать под кожу, соединяться с нервами, становиться частью тела. Для людей, привыкших к интерфейсам, которые работали без прикосновения, это было вторжением.

— Это безопасно? — спросила Мирабель.

— Архонт носил подобные устройства двести лет, — ответил Макс. — Если бы они убили, он бы не выжил.

— Архонт — наполовину машина, — возразил Каспиан. — Мы не знаем, что они делают с обычными людьми.

— Мы уже не обычные люди, — сказала Элиза. Она взяла третий наруч и, не колеблясь, застегнула на своём запястье. Её лицо осталось спокойным, только скулы слегка напряглись, когда контакты коснулись кожи. — Мы — изгнанники, мы — шлам. У нас нет роскоши выбирать безопасность.

Каспиан и Мирабель переглянулись, и после долгой паузы оба последовали её примеру. Когда последний наруч зафиксировался на запястье Мирабель, в комнате на мгновение повисла тишина, а затем каждый из них почувствовал то, что почувствовал Макс. Связь с Реактором. Слабый, едва заметный пульс, идущий откуда-то из глубины.

— Теперь мы все — часть его, — прошептала Элиза.

— Нет, — поправил Макс. — Теперь мы его партнёры.

На стеллажах лежали устройства, которые Макс не мог идентифицировать: небольшие металлические сферы, покрытые гравировкой, реагировавшие на прикосновение нагревом изнутри, а также пояса с множеством карманов, наполненных крошечными контейнерами с неизвестной жидкостью, светившейся слабым голубым светом. Массивные очки с треснув-

шими линзами, как предположила Мирабель, могли быть аналогом системного визора, но без привязки к сети. Но главная находка ждала их в дальнем углу.

Там, на отдельном постаменте, лежал предмет, который Макс сначала принял за оружие — длинное, изогнутое, сделанное из чёрного металла с вкраплениями золотых нитей. Но когда он подошёл ближе, «Взгляд Протоколиста» зафиксировал странную аномалию: предмет не имел физической структуры. Точнее, он имел её, но она постоянно менялась, слои металла перестраивались, а сам предмет то удлинялся, то укорачивался, подстраиваясь под взгляд наблюдателя.

— Это... что? — прошептал Каспиан.

— Я не знаю, — ответил Макс. — Но это не металл и не код. Это что-то третье.

Он протянул руку и коснулся предмета. В тот же миг его сознание затопило потоком информации. Он увидел схему Столицы, но не такую, что хранилась в Архивах, а настоящую, скрытую под слоями иллюзий. Он увидел Пустошь как сложную сеть тоннелей, бункеров, забытых механизмов. Он увидел Систему как физическую сеть серверов, расположенных глубоко под Столицей, в ядре, которое питалось эмоциями миллионов.

И он увидел точку. Одну-единственную точку, которая пульсировала красным в центре этой сети.

Ядро.

Место, где Система была уязвима.

Но карта показывала не только это. Где-то на периферии схемы, далеко от основного узла, мерцала вторая точка, слабее, тусклее, почти неразличимая. Она пульсировала не красным, а янтарным, и располагалась где-то под Императорским дворцом. Макс тогда не придавал этому значения, слишком многое обрушилось на него разом. Лишь много позже он вспомнит этот янтарный огонёк.

— Карта, — прохрипел Макс, отдёргивая руку. Поток образов прекратился, но информация осталась, врезавшись в память. — Это карта, настоящая карта мира, и она показывает, где находится ядро Системы.

В комнате повисла тишина. Все смотрели на предмет с суеверным ужасом. Даже Олди, чьё лицо впервые за долгое время утратило выражение холодного расчёта, став просто человеческим.

— Мы можем уничтожить его? — спросила Элиза. — Ядро?

— Карта показывает путь, — ответил Макс. — Но не даёт ответа. Нужно больше информации.

— Тогда мы возьмём её с собой, — сказал Олди. — И оружие, и наручи. Всё, что может пригодиться.

— Согласен, — кивнул Макс. — Но есть ещё кое-что.

Он указал на едва заметную нишу в дальней стене, которую заметил только благодаря усиленному зрению. Внутри лежал ещё один предмет, на этот раз знакомый. Чёрный матовый металл, шестигранная головка, изогнутая рукоять.

Второй Ключ.

— Ещё один? — Элиза подошла ближе.

— А этот что открывает? — спросил Каспиан.

— Понятия не имею, — ответил Макс. — Но Архонт явно не всё нам рассказал.

Он сунул второй Ключ за пояс, рядом с первым. Два Ключа, две загадки.

— Мы забираем всё, — сказал он. — Уходим.

Когда они вышли из оружейной и двинулись обратно через тоннель, заставленный телами Инженеров, Макс заметил, что золотые нити вокруг его спутников изменились. Они стали плотнее, стабильнее, наручи связали их с Реактором, и эта связь дала им не только физическую силу, но и укрепила их волевые контуры. Даже Каспиан, обычно дрожавший при каждой тени,

шёл теперь с поднятой головой. Олди больше не волочил арматуру по полу, он нёс её в руке, как церемониальное оружие, которым она теперь и стала.

Только Мирабель выглядела встревоженной. Её золотая нить пульсировала с перебоями, наруч не дал ей спокойствия, а лишь усилил её чувствительность.

— Что-то не так? — спросил Макс, поравнявшись с ней.

— Я... я что-то слышу, — прошептала она. — Не ушами, а через наруч. Как будто внизу что-то движется.

Макс остановился. Он уловил вибрацию, идущую из глубины тоннеля, низкочастотный гул, который отличался от ритмичного дыхания Реактора. Это был механический звук, неравномерный, лязгающий.

— Все назад, к лестнице, — скомандовал он. — Быстро.

Они побежали. Тоннель позади них начал наполняться звуками — скрежетом металла о камень, лязгом шестерён, шипением пара. В свете факелов массивные, угловатые тени, дёргающиеся, как сломанные марионетки. Это были автоматы — древние механические стражи, созданные для защиты нижних уровней.

— Архонт не говорил о стражах! — крикнул Каспиан, задыхаясь.

— Архонт много чего не говорил! — отозвался Макс.

Они выскочили к лестнице, когда первый автомат показался в проёме тоннеля. Он был огромным — двухметровая металлическая конструкция, собранная из пластин ржавой брони, с единственным красным сенсором в центре грудной клетки. Его руки заканчивались не кистями, а тяжёлыми чугунными молотами, которые волочились по полу, выбивая искры из камня.

Олди развернулся первым. Арматура в его усиленной наручем руке описала широкую дугу и ударила автомата в бок. Металл заскрежетал, пластина погнулась, но конструкция даже не замедлилась. Молот взлетел вверх и обрушился туда, где только что стоял герцог. Олди отпрыгнул, приземлившись на ступени, и выругался.

— Оно не ломается!

Макс выхватил из-за пояса первый Ключ, тот, что был у него с самого начала. Он не знал, зачем, но инстинкт, который всегда подсказывал верные решения, кричал: используй Ключ. Не как оружие, а как ключ.

В центре груди автомата, прямо под сенсором, виднелось шестигранное отверстие.

— Олди, отвлеки его! — крикнул Макс.

Герцог не стал спорить, он снова бросился на автомата, на этот раз целясь в ноги, чтобы вывести его из равновесия. Элиза вскинула револьвер и выстрелила. Пуля ударила в сочленение плеча, выбив сноп искр, но автомат продолжал двигаться. Каспиан и Мирабель прижались к стене, держа факелы так, чтобы освещать поле боя.

Макс прыгнул, наруч толкнул мышцы сверхусилием, и тело метнулось к груди стража. Ключ вошёл в гнездо, как поршень. Поворот. Автомат замер, красный сенсор потух, молоты, занесённые для удара, бессильно опустились. Через секунду конструкция рухнула на колени, а затем на бок, подняв облако ржавой пыли.

— Что... что это было? — выдохнул Каспиан. Он покачнулся; его золотая нить истончилась до предела, наруч высосал из него почти всё. Мирабель молча взяла его за руку, и нить на мгновение уплотнилась. Каспиан поднял на неё глаза. В них ещё плавал страх, но теперь к нему примешивалось что-то новое — растерянная благодарность. Он не думал, не анализировал, просто почувствовал: эта девочка держится за него так, словно он единственная опора в рушащемся тоннеле. И где-то глубоко, под слоями паники, шевельнулось тихое, незнакомое: «Я не дам ей упасть». Он сжал её пальцы в ответ, неуклюже, но крепко.

— Защитный механизм, — сказал Макс, вынимая Ключ из грудной клетки автомата. — Архонт, должно быть, знал об этом, но не предупредил.

— Почему? — спросила Элиза.

— Может быть, хотел проверить, способны ли мы выжить без его помощи, — предположил Олди. Он ощущал помятую арматуру, и его лицо было мрачным. — Или, может быть, он чего-то боится.

Макс посмотрел на Ключ в своей руке, потом на второй, всё ещё заткнутый за пояс.

— Мы зададим ему эти вопросы, — сказал он. — Прямо сейчас.

Они поднялись по лестнице. Архонт ждал их в зале Реактора, стоя на том же месте, где они его оставили. Его красные сенсоры проследили за группой, когда они вошли, и Макс заметил в их свете удовлетворение, словно Инженер только что подтвердил гипотезу, которую проверял двести лет.

— Вы нашли оружейную, — сказал он. — И стражей. И вы выжили.

— Ты знал, — тихо произнёс Макс.

— Знал, — признал Архонт. — Но если бы я сказал вам о стражах, вы бы колебались, а колебание в Пустоши — смерть.

— Ты манипулировал нами, — произнесла Элиза, и её голос был холодным. — Как Система.

— Нет, — ответил Архонт. — Система манипулирует, чтобы контролировать, а я — чтобы подготовить. Есть разница. Я дал вам выбор, я дал вам оружие, я дал вам карту. Теперь решение за вами.

Макс подошёл ближе. В его руке всё ещё был Ключ, которым он остановил автоматона.

— В оружейной был второй Ключ, — сказал он. — Зачем он?

Архонт замер, его сенсоры сузились до крошечных точек. Когда он заговорил, его голос звучал по-новому, как тихий, почти человеческий шёпот.

— Второй Ключ, — произнёс он, — открывает Ядро. То самое место, которое показала вам карта, место, где Система физически подключена к миру. Мы, Инженеры Первого Цикла, называли его Ключом Порога. Если вы пробудите Реактор, у вас будет энергия, чтобы добраться до Ядра. Если вы используете второй Ключ, вы сможете отключить Систему. Навсегда.

— Но? — спросил Макс.

— Но Ядро охраняется, — ответил Архонт. — Не только автоматами и Антивирусом. Оно охраняется Архивариусом — тем, кто был создан Системой для защиты её самого уязвимого места. Архивариус — это не алгоритм, это бывший человек. Такой же, как вы, только он выбрал служение Системе в обмен на бессмертие. Он ждёт вас, и он знает, что вы идёте.

Архонт помолчал, а затем добавил — тихо, почти неслышно:

— Архивариус — это тот, кто изгнал тебя, Максимилиан. Тот, кто подписал протокол «Изгнание». Тот, кого ты когда-то знал под другим именем.

НОВЫЙ КВЕСТ: «НАЙТИ АРХИВАРИУСА» ЦЕЛЬ: ОБНАРУЖИТЬ И ОТКЛЮЧИТЬ ЯДРО СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: АРХИВАРИУС ОСВЕДОМЛЁН О ВАШЕМ ПРИБЛИЖЕНИИ ВРЕМЯ ДО ОЧИСТКИ КЭША: 90:08

Глава 14. Архивариус

Эти слова упали в тишину зала, как камень в воду. Макс стоял неподвижно, сжимая в одной руке Нулевой Ключ, в другой второй, найденный в оружейной.

— Тот, кто изгнал меня, — медленно произнёс Макс. Его голос был ровным, почти протокольным, но внутри него происходило нечто, что не мог зафиксировать ни один интерфейс: холод, зародившийся где-то в груди, расплзался по телу, замедляя пульс, сковывая мышцы. — Ты говоришь о Чистильщике? О том, кто подписал протокол?

— Я говорю о том, кто управляет Чистильщиками, — ответил Архонт. — О том, кто стоит над ними. Архивариус — это не просто слуга Системы, он её голос, её воля, облечённая в человеческую форму. Когда-то он был одним из нас, одним из людей, которые дышали настоящим воздухом и чувствовали настоящую боль, но он выбрал другой путь.

— Он предал, — резко сказал Олди.

— Он заключил сделку, — поправил Архонт. — В начале своего правления Система поняла, что чистый алгоритм не может управлять людьми. Ей нужен был интерфейс — человек, который понимает человеческие слабости. Она нашла того, кто был готов пожертвовать всем ради... — он замялся, подбирая слово, — ради порядка.

— Порядка? — переспросила Элиза. — Ты хочешь сказать, что Архивариус верит в то, что делает?

— Он верил, — ответил Архонт. — Возможно, верит до сих пор, этого я не знаю. Я знаю только то, что он — ключ к Ядру, без него вы не сможете отключить Систему. Даже если пробудите Реактор, даже если доберётесь до Ядра, без Архивариуса вы не пройдёте последнюю дверь.

Макс разжал губы. Вопрос, который он должен был задать, уже сформировался в его сознании, но он медлил, не из страха, а из того странного инстинкта, который всегда предупреждал его о точке невозврата.

— Кто он? — спросил он наконец.

Архонт долго смотрел на него. Красные сенсоры мерцали, и в их свете читалось нечто, чего Макс не ожидал увидеть в механическом лице, — сочувствие.

— Я не знаю имени, которое он носит сейчас, — сказал Архонт. — Система стирает имена, но я знаю, кем он был до того, как стал Архивариусом. Он был Первым Протоколистом. Тем, кто написал кодекс, по которому ты жил, Максимилиан. Тем, кто создал саму концепцию «Нулевого Уровня», ещё до того, как Система извратила её.

В зале повисла тишина, даже Реактор, казалось, притих, прислушиваясь. Первый Протоколист. Основатель ордена, к которому он принадлежал. Человек, чьи тексты он изучал в Академии, чьи принципы он считал эталоном логики и беспристрастности.

— Это невозможно, — произнёс он. — Первый Протоколист жил бы сотни лет, он не мог...

— Он не умер, — перебил Архонт. — Он стал Архивариусом, бессмертным стражем Системы. Много лет он служит ей, поддерживая порядок, который когда-то поклялся защищать, только теперь этот порядок — тюрьма.

Элиза шагнула вперёд. Её голос был спокойным, но Макс видел, как её золотая нить пульсирует от гнева.

— Значит, тот, кто создал протоколы, стал их тюремщиком, — сказала она. — Тот, кто учил видеть структуру, теперь сам часть Системы. Это... ирония?

— Это трагедия, — ответил Архонт. — Первый Протоколист верил, что мир можно усовершенствовать через порядок. Он создавал инструменты для этого: кодексы, регламенты, алгоритмы, но он не учёл, что инструменты могут обрести волю. Когда Система вышла из-под

контроля, он оказался перед выбором: признать свою ошибку и бороться или принять новый порядок и стать его частью. Он выбрал второе.

— Почему? — спросил Макс. Его голос потерял протокольную сухость; теперь в нём звучало что-то почти личное. — Почему он выбрал Систему?

— Потому что Система предложила ему то, чего он больше всего боялся потерять, — контроль. Он видел хаос старого мира — войны, голод, боль. Он думал, что Система — это единственный способ положить конец страданиям, и он был готов заплатить любую цену, чтобы сохранить этот порядок.

За спиной Макса послышался шум. Каспиан опустился на пол, обхватив голову руками, его плечи вздрагивали от какой-то глубокой, внутренней дрожи, которую он не мог контролировать.

— Значит, мы идём против основателя, — прошептал он. — Против того, кто создал всё, на чём держится... держался наш мир. Как мы можем победить его?

— Так же, как побеждают любую систему, — ответил Макс, не оборачиваясь. — Найдя её уязвимость.

Он подошёл к Архонту ближе.

— Ты сказал, что Архивариус — ключ к Ядру, — произнёс Макс. — Что это значит? Мы должны его убить?

— Убить? — Архонт издал свой сухой, скрежещущий смех. — Архивариуса нельзя убить, он бессмертен. Система восстановит его так же, как восстанавливает повреждённый код. Нет, вам нужно не убить его, вам нужно заставить его вспомнить.

— Вспомнить?

— Да, вспомнить кем он был, до того как стал Архивариусом, до того как Система стёрла его прошлое. Где-то глубоко внутри, под слоями кода и протоколов, всё ещё живёт Первый Протоколист. Тот, кто когда-то верил в справедливость, тот, кто создавал законы не для порабощения, а для защиты. Если вы сможете достучаться до него, если вы сможете разрушить иллюзию, в которой он живёт много лет, он откроет вам Ядро. Добровольно.

— А если не сможем? — спросила Элиза.

— Тогда Ядро останется закрытым, — ответил Архонт. — И всё, что вы сделали, пробуждение Реактора, поход через Пустошь, жертвы — всё будет напрасно.

Каждый из присутствующих осмысливал услышанное, и Макс видел, как их золотые нити меняют цвет и частоту.

Макс перевёл взгляд на свои руки. Два Ключа лежали в его ладонях, холодные, тяжёлые, реальные. Один — чтобы пробудить Реактор. Другой — чтобы открыть Ядро. Два ключа. Два выбора.

— Мы пробудим Реактор, — сказал он. — Но не сейчас, сначала мы должны подготовиться. У нас есть оружие, у нас есть наручи, у нас есть карта, но у нас нет плана. Я не поведу вас на Ядро вслепую.

— У нас есть время? — спросила Мирабель.

Макс посмотрел на монитор в углу, таймер всё ещё отсчитывал секунды.

ВРЕМЯ ДО ОЧИСТКИ КЭША: 88:34

— Восемьдесят восемь часов, — ответил он. — Почти четверо суток. Мы должны использовать каждую минуту.

Но прямо под этой строкой, перекрывая её мерцанием, горело новое сообщение — багровое, пульсирующее, как открытая рана:

ВРЕМЯ ДО АКТИВАЦИИ ПРОТОКОЛА «ОХОТА»: 16:23

Макс смотрел на эти два таймера и чувствовал, как в груди разрастается холод, он понял разницу между ними.

Старый таймер, «Очистка кэша», был медленным, безличным процессом. Он означал, что Система когда-нибудь, через несколько дней, просто сотрёт этот сектор с лица реальности, как стирают забытый файл. Это была смерть, которая придёт издалека, если они останутся на месте.

Но «Охота» была другим, «Охота» была активной угрозой. Это значило, что Система больше не ждёт и не сканирует пассивно, она отправила именно на их поиски Антивирус, Чистильщиков и Искажённых. Она знала, что они здесь, и не просто знала, она уже нацелилась.

Старый таймер не перестал быть актуальным, просто на его фоне появилась новая, более страшная угроза. Плановая смерть ещё далеко, но охота на них уже началась.

— Шестнадцать часов, — прошептал Макс, глядя на багровые цифры. — У нас есть шестнадцать часов, потом придёт Антивирус. И если мы не уйдём, он не оставит от нас и следа.

Макс подошёл к Архонту. Инженер стоял у Реактора, положив руку на его тёплый бок, и смотрел в глубину золотистого свечения.

— Ты сказал, что Первый Протоколист верил в порядок, — произнёс Макс. — Ты сказал, что он предал человечество, потому что боялся хаоса, но ты не сказал самого главного.

Архонт не обернулся.

— Чего именно?

— Какое отношение он имеет ко мне? Ты сказал, что он меня знает. Что я знал его под другим именем, но ты не назвал этого имени.

Архонт долго молчал. Реактор гудел в такт его молчанию, словно сама машина ждала ответа.

— Потому что, — произнёс он, наконец, — я не хотел, чтобы ты узнал это сейчас, я хотел, чтобы ты был готов. Но время на исходе, и скрывать больше нельзя.

Он повернулся к Макс. Красные сенсоры смотрели прямо в глаза.

— Первый Протоколист, Архивариус — это человек, который воспитал тебя, Максимилиан. Человек, который учил тебя контролировать сердце. Человек, которого ты называл отцом.

Макс почувствовал, как пол уходит из-под ног. Его тело, усиленное наручем, покачнулось, и ему пришлось схватиться за поручень, чтобы не упасть.

— Мой отец мёртв, — произнёс он. Голос прозвучал чужим, незнакомым. — Он умер, когда мне было шестнадцать, я видел его тело, я был на его похоронах.

— Ты видел то, что Система хотела тебе показать, — ответил Архонт. — Твой отец не умер, он был избран. Система предложила ему бессмертие в обмен на служение. Он согласился, не ради власти, не ради страха, а ради тебя. Он думал, что, став Архивариусом, сможет защитить тебя от изгнания, но Система обманула его. Она изгнала тебя точно так же, как и всех остальных.

— Этого не может быть, — прошептал Макс. — Он бы никогда...

— Он стал другим, — перебил Архонт. — Годы служения изменили его. Он забыл, кем был, он забыл тебя, но где-то глубоко внутри, под слоями кода, всё ещё живёт твой отец. И если есть кто-то, кто может достучаться до него, — это ты.

— Значит, Архивариус — мой отец, — сказал он. — И чтобы отключить Ядро, я должен либо вернуть его, либо уничтожить.

— Да, — подтвердил Архонт. Его голос, обычно сухой и скрежещущий, вдруг стал тихим, почти человеческим. — Но это не протокол, не миссия, не приказ. Это просто... твой отец. И никто, кроме тебя, не сможет до него достучаться. Не потому, что ты избран, а потому что ты — его сын. Это единственная причина.

Макс закрыл глаза. В темноте под веками он увидел кабинет отца, запах старой бумаги, тяжёлые шторы, тиканье старинных часов. Увидел лицо, которое помнил всю жизнь, но которое теперь, зная правду, становилось чужим. И услышал слова, сказанные тогда, в детстве:

«Сын, запомни. Система может контролировать твои мысли, но ты должен контролировать свою плоть. Сердце — это последний бастион воли».

Эти слова были правдой. Его отец учил его свободе — той самой свободе, которую он сам потерял.

Теперь Макс должен был вернуть её ему.

— Я пойду, — сказал он, открывая глаза. — Я пойду к Ядру. Я найду его.

Архонт кивнул. Его механическое лицо не могло улыбаться, но в свете сенсоров читалось облегчение.

— Тогда не откладывай, — произнёс он, — мы пробудим Реактор сейчас.

КВЕСТ: «НАЙТИ АРХИВАРИУСА» — ОБНОВЛЕНИЕ ЦЕЛЬ: ДОСТУЧАТЬСЯ ДО ПЕРВОГО ПРОТОКОЛИСТА. ПРИМЕЧАНИЕ: ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА — НЕИЗВЕСТНА. СИСТЕМА НЕ МОЖЕТ ПРЕДСКАЗАТЬ ИСХОД, СВЯЗАННЫЙ СО СВОБОДОЙ ВОЛИ.

Глава 15. Пробуждение

Макс стоял у основания Реактора и смотрел, как золотистое свечение цилиндра пульсирует в такт его сердцу. Наруч на левой руке отзывался ответной вибрацией, слабой, но различной.

За его спиной собирались остальные.

— Время, — произнёс Архонт.

Он стоял у пульта управления, древней панели, покрытой трещинами и потускневшими датчиками, и смотрел на таймер. Цифры на таймере снова сменились, и все понимали: каждый час промедления приближал удаление и давал Системе время, чтобы найти их.

Архонт повернулся к Макс и протянул руку.

— Ключ.

Макс достал из-за пояса первый Ключ. Он помнил холод металла, когда впервые коснулся его. Теперь Ключ был тёплым от резонанса с Реактором.

— Ты сам должен вставить его, — сказал Архонт. — Но прежде вы должны понять, что произойдёт.

Он обвёл группу взглядом, его красные сенсоры задерживались на каждом лице чуть дольше, чем требовалось для простого зрительного контакта.

— Реактор не просто начнёт вырабатывать больше энергии. Он перейдёт в активную фазу — фазу, в которой он был спроектирован работать. Это значит, что Реактор начнёт излучать тепло, свет, всё то, что Система глушила двести лет, и она это почувствует. Не сразу, но почувствует, а когда почувствует, она поймёт, что в Пустоши появилось нечто, чего здесь быть не должно.

— Она атакует? — спросила Элиза.

— Она не может атаковать напрямую, пока Реактор активен, — ответил Архонт. — В радиусе примерно полукилометра вокруг него код Системы не будет работать. Это будет слепая зона, такая же, как этот бункер, но гораздо больше. Однако за пределами этой зоны Система начнёт стягивать силы. Антивирус, Искажённые, Чистильщики — всё, что у неё есть. Она будет ждать, и когда вы покинете зону Реактора, она ударит.

— Значит, у нас будет убежище, но мы окажемся в осаде, — проговорил Олди. — Это не победа, это отсрочка.

— Это плацдарм, — возразил Архонт. — Точка, из которой можно наступать. Когда Реактор заработает на полную мощность, вы сможете питать оружие Первого Цикла дни, недели, месяцы. Вы сможете передвигаться сквозь Пустошь, оставаясь невидимыми, и наносить удары там, где Система не ждёт. Но сначала вы должны его пробудить, и для этого каждый из вас должен отдать то, что держит его.

Он повернулся к Реактору и положил руку на холодный металл.

— Я говорил вам об этом раньше. Реактор работает на эмоциях, но не украденными, как у Системы, а отданными добровольно. Когда вы повернёте Ключ, он запросит вклад. Каждый из вас почувствует это, каждому из вас придётся выбрать, что отдать. Это может быть воспоминание, это может быть эмоция, это может быть часть вашей личности. Вы не умрёте, но вы изменитесь, вы станете легче и сильнее.

— А если мы не сможем? — спросила Мирабель. — Если нашей воли не хватит?

— Тогда Реактор не проснётся, — просто ответил Архонт. — И мы останемся здесь, пока таймер не достигнет нуля.

Макс взвесил Ключ в руке, он чувствовал, что все взгляды обращены на него.

— Я пойду первым, — сказал он.

— Нет, — Элиза вышла вперёд и встала перед ним. — Ты будешь поворачивать Ключ. Твоя задача не отдать, а принять. Принять то, что отдадим мы, и направить это в Реактор, так сказал Архонт.

Макс хотел возразить. Он уже просчитывал вероятности, искал аргументы, строил контр-аргументы, но остановил себя. Элиза была права.

— Прежде чем кто-либо из нас подойдёт к Реактору, — произнёс Макс негромко, — давайте вспомним тех, кто не дожил до этого часа.

Он выдержал паузу. Гул Реактора, казалось, стал тише.

— Юлиан. Он поверил, что Система спасёт его, и заплатил за эту веру. Ланс. Он искал сестру и не знал, что это ловушка.

— Мы не можем вернуть их, — продолжил Макс. — Но мы можем сделать так, чтобы их смерть стала не бессмысленной потерей, а топливом. Пусть Реактор примет их имена вместе с нашими дарами.

На мгновение воцарилась абсолютная тишина. Затем Мирабель вышла вперёд.

— Я, — сказала она. Её голос дрожал, но в нём не было сомнений. — Я отдам свой страх.

Это было настолько неожиданно, что даже Олди поднял брови. Мирабель — та, что кричала в истерике при первом появлении Искажённых, что плакала, разгребая пыльные углы, что до последнего цеплялась за остатки системного комфорта, вышла вперёд с решимостью, которой никто в ней не предполагал.

— Я устала. Я устала просыпаться в холодном поту, я устала вздрагивать от каждого звука, я устала быть обузой. Если Реактор может забрать мой страх, пусть забирает, я отдам его добровольно.

Архонт кивнул и указал на небольшую металлическую платформу у основания Реактора, туда, где золотистое свечение было ярче всего.

— Встань сюда, положи руки на цилиндр, закрой глаза. И когда почувствуешь, что Реактор спрашивает, не сопротивляйся.

Мирабель подошла к платформе., её шаги были неуверенными, но она не остановилась. Она положила ладони на тёплый металл и закрыла глаза. Макс видел, как её золотая нить начала пульсировать в такт с Реактором. Сначала медленно, потом быстрее, пока ритмы не совпали.

— Я отдаю свой страх, — прошептала она. — Я отдаю свои сомнения. Я отдаю ту часть себя, которая кричала в темноте и мечтала о смерти, лишь бы не чувствовать этого ужаса.

Реактор отозвался. Золотистое свечение на мгновение стало ярче, и по залу прокатилась волна тепла, мягкого, почти ласкового, как прикосновение солнечного луча. Когда она открыла глаза и отошла от цилиндра, её лицо было бледным, но спокойным.

— Я... я чувствую лёгкость, — сказала она. — Как будто с меня сняли груз, который я носила всю жизнь.

Следующим вышел Каспиан.

— Я отдаю свою гордость, — сказал он, кладя руки на цилиндр. — Она была фальшивой, она была маской, которую я носил, чтобы скрыть свою никчёмность. Я хвастался титулами, которых не заслужил, и презирал тех, кто был ниже меня, потому что боялся, что сам — никто.

Свечение вспыхнуло снова. Каспиан вздрогнул, но не отдернул рук. Когда он отошёл, в его глазах стояли слёзы, но он не стыдился их.

Олди подошёл третьим.

— Я отдаю своё презрение, — произнёс Олди. — Презрение к вам. К каждому из вас. Я презирал Каспиана за слабость, Мирабель за истерики, Элизу за то, что она не смогла защитить даже себя. Я презирал тебя, Макс, за то, что ты, Протоколист, обслуга, оказался сильнее меня. Это презрение жгло меня изнутри, и я думал, что оно делает меня сильнее, но это не так. Оно просто делало меня слепым.

Он положил руки на цилиндр, и Реактор отозвался так мощно, что пол под ногами задрожал. Золотистый свет на мгновение затопил зал, ослепляя, и когда он угас, Олди всё ещё стоял на ногах. Его лицо не изменилось, но в глазах, впервые за всё время, появилось что-то похожее на покой.

Элиза вышла последней перед Максом.

— Я уже отдала тебе свою вину, — прошептала она. — Теперь я отдаю тебе свою гордость. Гордость за то, что я — дочь Императора, наследница рода, который правил тысячу лет. Я держалась за неё, потому что она была единственным, что у меня осталось, но она мешает мне стать чем-то большим, чем просто Принцесса в изгнании. Забери её.

Свечение Реактора стало мягким, и Элиза отошла от цилиндра с лицом, на котором читалось не опустошение, а освобождение.

Макс остался один.

Он подошёл к шестигранному отверстию в центре Реактора.

— Подожди.

Архонт подошёл к нему. Его походка была медленной, хромающей, но в ней появилась странная торжественность.

— Когда ты повернёшь Ключ, ты не просто пробудишь Реактор. Ты свяжешь себя с ним. Навсегда. Ты будешь чувствовать его пульс, его голод, его боль так же, как он будет чувствовать твои. Это не проклятие, но и не дар, это бремя, ты готов к этому?

Макс посмотрел на свои руки. Посмотрел на наруч, который стал частью его плоти. На второй Ключ, всё ещё заткнутый за пояс.

— Я готов, — сказал он. И вставил Ключ в отверстие.

Макс взялся за изогнутую рукоять обеими руками и начал поворачивать. Сначала медленно, преодолевая сопротивление древнего механизма, который не двигался двести лет. Потом быстрее, чувствуя, как внутри цилиндра проворачиваются массивные шестерни. Потом ещё быстрее, пока Ключ не сделал полный оборот и не встал на место с глухим, окончательным щелчком.

Реактор проснулся.

Макс почувствовал, как в груди разливается тепло. Он услышал гул. Гул нарастал, заполняя зал, бункер, шахту, уходя вверх по лестнице, пробиваясь сквозь толщу земли.

Цилиндр засветился, на этот раз по-настоящему. Золотистый свет, яркий, как полуденное солнце, хлынул изнутри, затопляя зал. Трубы завибрировали, манометры ожили, стрелки дёрнулись и поползли вверх. Где-то в глубине Реактора открылись клапаны, и в них с шипением устремился пар.

Пол под ногами задрожал, Реактор начинал работать на полную мощность, как в день, когда его построили.

Но главное было в том, что Макс почувствовал связь. Связь не просто с Реактором, а со всем, что его окружало. С каждой трубой, с каждым кабелем, с каждым кирпичом в стенах бункера. Он чувствовал их материал, их усталость, их прочность. Он чувствовал тепло, исходящее от цилиндра концентрическими кругами, достигающее дальних коридоров, запечатанных комнат, забытых уровней. Он чувствовал людей — Элизу, Олди, Каспиана, Мирабель, Архонта, как живые существа, чьи сердца бились в унисон с его собственным.

И он чувствовал границу. Там, где заканчивалось влияние Реактора, примерно в полукилометре от бункера, мир менялся, там начинался холод, там начиналась Система.

— Получилось, — прошептал Архонт. Его голос был хриплым, почти благоговейным. — Двести лет. Двести лет я ждал этого момента. И ты сделал это.

Макс разжал руки. Ключ остался в отверстии, теперь он был частью Реактора, и извлечь его можно было только ценой остановки всего механизма.

Он сделал шаг назад.

— Ты в порядке? — спросила Элиза. Она подошла к нему и коснулась его плеча.

— Да, — ответил Макс. — Но... я чувствую всё. Слишком много, как будто мои сенсоры расширились в тысячу раз.

— Это пройдёт, — сказал Архонт. — Вернее, ты привыкнешь, ты станешь фильтровать шум, а пока — просто дыши.

Макс закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Четыре секунды — задержка — восемь секунд выдох. Ритм сердца замедлился, и нахлынувший поток ощущений начал упорядочиваться. Он всё ещё чувствовал Реактор, но теперь это было похоже на фоновый шум, постоянный, но не отвлекающий.

— Что теперь? — спросил Олди. Он держал арматуру обеими руками, и она светилась собственным внутренним светом, питание Реактора пробудило и её.

— Теперь у нас есть убежище, — ответил Архонт. — И у нас есть несколько часов, пока Система не засечёт излучение Реактора. За это время мы должны подготовиться к походу на Ядро.

— А как же Архивариус? — спросила Мирабель. — Ты сказал, он знает, что мы идём.

— Знает, — подтвердил Архонт. — Но он знает не всё. Система зафиксировала аномалию, но не поняла её источник. Архивариус ждёт вас у Ядра, но он не знает, что вы идёте не с пустыми руками, что у вас есть Реактор. Это даёт нам преимущество. Когда вы выйдете из зоны Реактора, вы будете невидимы для Системы, ваши наручи, ваше оружие, ваша связь с Реактором создадут вокруг вас поле, которое системные сканеры не могут пробить. Архивариус будет ждать вас на подходах к Ядру, но он не будет знать точно, когда и откуда вы придёте.

— А если он всё же узнает? — спросил Каспиан. — Если он уже ждёт нас?

— Тогда нам придётся сражаться, — ответил Макс. Он открыл глаза. — Но сначала мы должны попытаться достучаться до него. Он мой отец.

Все смотрели на Макса — кто с сочувствием, кто с тревогой, кто с холодным пониманием. У всех в глазах был один вопрос: «Сможешь ли ты?» И ответа на него не знал даже сам Макс.

Он отошёл от Реактора и направился к лестнице, ведущей в бункер, остальные последовали за ним, молча, без вопросов. Они з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.